

ISSN 0042-8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

2

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- М.А. Бабкин** — Право завещания монашествующих: решения 1917 года 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Ю.И. Бежанидзе, А.Г. Фирсов** — Александр Петрович Толстой 17

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- С.А. Нефёдов** — Происхождение регулярного государства Петра Великого 42

СООБЩЕНИЯ

- И.М. Супоницкая** — «Советизация» Америки в 1920—1930-е гг. 59

- А.В. Ахметова** — Правовое регулирование развития коренных народов Дальнего Востока в 1920—1930-е гг. 73

- И.А. Попп** — А.К. Анастасьев 82

- В.Д. Пузанов** — Военная служба крестьян Сибири в XVII—XVIII вв. 91

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- С.В. Артамошин** — Карл Шмитт 100

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Г.В. Кретинин** — Продовольственная проблема нового советского региона в 1945—1946 гг. 116
- Е.И. Моргунова** — Земская интеллигенция в Самарской губернии в 1917—1918 гг. 122
- Ю.Н. Валеева, Р.Р. Юсупов** — Издательская деятельность Казанского губернского статистического комитета во второй половине XIX в. 130
- Э.А. Цеглеев** — «Комитет, высочайше учрежденный в 18-й день августа 1814 года» в Вятской губернии 138
- Е.Н. Шумилов** — Пермь Великая — арена борьбы в XV—XVI вв. 142
- А.А. Ким** — Война между Бохаем и Китаем в 732—735 гг. 148

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.В. Соколов** — Министерство исповеданий Временного правительства и православная церковь 154

ИСТОРИОГРАФИЯ

- И.В. Кучумов, Л.Ф. Сахибгареева** — Труды зарубежных ученых по истории Урала 167
- А.В. Матисон** — Т.Г. Леонтьева. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах 170
- Л.И. Ивонина** — Дж. Паркер. Глобальный кризис: война, климатические изменения и катастрофы семнадцатого столетия 172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Право завещания монашествующих: решения 1917 года

М.А. Бабкин

В трудах историков, правоведов и цивилистов вопрос об эволюции порядка наследования личного имущества монашествующих Русской православной церкви (РПЦ)¹ практически не освещен. Он иногда затрагивается лишь фрагментарно при общем рассмотрении статуса монашествующих в XVIII — начале XX века². Только В. Ивановский остановился на этом вопросе, проследившая развитие законодательства о монашестве и монастырях с середины XVII по XIX век³.

До 1917 г. одной из ключевых, неизменных норм российского права в отношении личного имущества монашествующих — всех, не исключая архиереев, — было лишение прав приобретения, владения и наследования недвижимости. Это ограничение, впервые установленное Соборным уложением 1649 г. (гл. XVII, ст. 42—44)⁴, с тех пор по различным поводам неоднократно воспроизводилось в высочайших актах, решениях Сената и определениях высших органов церковного управления⁵.

Законодательство же, касающееся завещания личного движимого имущества, не оставалось неизменным. Первоначально оно было полностью ориентировано на церковную норму — на монашеский обет нестяжания⁶: принимающий постриг не должен иметь никакой собственности. В мае 1722 г. Петр I подписал «Прибавление к Духовному регламенту. Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского», содержащее ст. 61: «По смерти архиереев, архимандритов и игуменов и прочего монашеского чина, собственного их имени родственникам и свойственникам ничего не давать; но таковые, вышних чинов присылать в Правительствующий Духовный Синод, а нижних чинов обирать в монастырскую казну»⁷. Введенное таким образом монашеско-имущественное «равноправие» в 1736—1765 гг. было подтверждено рядом высочайших актов и постановлений Кабинета министров⁸.

Однако 20 февраля 1766 г. увидел свет указ Екатерины II «О дозволении архиереям, игуменам и прочим монашествующим располагать при жизни своей имением в пользу сродников, свойственников и ближних своих». «Повелеваем, — говорилось в нем, — по смерти архиереев, архимандритов, игуменов и прочих монашеских властей (курсив мой. — М.Б.), никуда не отбирать оставшегося по

Бабкин Михаил Анатольевич — доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института РГГУ, ведущий специалист РГАСПИ.

них имения, какого бы оно звание ни было, в деньгах, золоте, серебре или ином чем, кроме тех вещей, которые к ризницам их принадлежат и которые они по набожности своей к Церкви святой из собственного их имения построили». Эти монашествующие власти⁹, по указу, могли теперь «при жизни своей» распорядиться «оставляемым по себе имением... по собственным своим завещаниям в пользу сродников, свойственников и ближних своих, или употреблять оное на богоугодные дела по их изобретению, не давая в том более никому отчету»¹⁰.

Появление указа было обусловлено желанием императрицы сделать патерналистский подарок¹¹ духовным властям: порядок наследования их личного имущества был отделен от «общемонашеского» порядка, то есть по ст. 61 «Прибавления к Духовному регламенту». Тем самым Екатерина II де юре разделила монашествующих на две группы: одни получили право завещать свое личное имущество (кроме вещей ризницы), а другие — нет.

На рубеже 1856/1857 г. в Собственной Е.И.В. канцелярии и в Государственном совете обсуждался вопрос о желательности отмены права монашествующих властей завещать свое личное имущество. Тем не менее екатерининская норма в отношении их отменена не была¹².

«Мнение» общего собрания Государственного совета, утвержденное 17 сентября 1862 г. Александром II, касалось «всякого имущества, остающегося по смерти настоятеля или настоятельницы общежительного монастыря»¹³. Во изменение прежних законов устанавливалось, что «всякое имущество, остающееся по смерти настоятеля или настоятельницы общежительного монастыря, хотя бы оно и не значилось по монастырским документам, признается собственностью монастыря»¹⁴. Эта норма (она не касалась необщежительных монастырей) вошла в новую редакцию «Устава духовных консисторий» (ст. 123), введенную в действие 9 апреля 1883 года¹⁵.

В начале XX в. была сделана попытка восстановить петровское монашеско-имущественное «равноправие». Впервые вопрос этот возник 13 декабря 1906 г. в Предсоборном присутствии¹⁶ — особой церковной комиссии, цель которой состояла в предварительном рассмотрении вопросов церковной реформы, намеченных к обсуждению на предстоявшем Поместном соборе.

Всероссийский съезд монашествующих, проходивший в Свято-Троицкой Сергиевой лавре 5—13 июля 1909 г., высказался за лишение иерархов права завещать свое личное имущество — «чтобы настоятели не имели права оставлять наследство, и в этом смысле... ходатайствовать об изменении законодательства»¹⁷. Постановление съезда было передано в Синод; в 1911 г. Синод подготовил проект соответствующего законодательного акта¹⁸, который был направлен в III Государственную думу и рассматривался Комиссией по судебным реформам. Законопроект «Об изменении постановлений действующих законов о праве иерархов Православной церкви и прочих монашествующих властей делать духовные завещания о своем имуществе» общее собрание III Думы принять не успело¹⁹, и он перешел на рассмотрение IV Думы, где не смог преодолеть уровень обсуждения думских комиссий²⁰. Соответственно, восстановление нормы 1722 г., ориентированной на монашеский обет нестяжания, не состоялось.

В целом, в императорской России все без исключения монашествующие были лишены прав наследования, а также приобретения и владения недвижимостью. Сложившийся с 1649 г. корпус «имущественно-монашеских» законов в общем соответствовал содержанию монашеского обета нестяжания, согласно которому принимающий постриг не должен иметь никакой собственности. Вместе с тем принцип нестяжательности монашествующих проводился в российском законодательстве не безусловно, а только в применении к недви-

жимому имуществу. Что касается права завещания — его были лишены лишь монашествующие низших степеней, а также настоятели и настоятельницы общежительных монастырей. Духовные же власти (то есть архиереи, архимандриты, игумены, строители, ризничий Московского синодального дома, игуменьи и настоятельницы женских монастырей, исключая в данном случае игуменов и игумений общежительных монастырей) были лишены права завещания не безусловно, а могли передавать по наследству свое движимое имущество — кроме вещей, принадлежащих к ризнице, а также книг духовного, нравственного и ученого содержания. Последние две категории имущества духовным властям разрешалось завещать лишь в пользу монашествующих. Все названные «имущественно-монашеские» нормы церковно-государственного права были систематизированы в «Своде законов гражданских» и «Своде законов о состояниях», вошедших в общий «Свод законов Российской империи».

Вопрос об отмене у монашествующих духовных властей права завещания вновь начал обсуждаться в различных церковных инстанциях после Февральской революции. В тот период Русская церковь оказалась в новых социально-политических реалиях и правовой обстановке²¹. Высший орган церковного управления Синод 29 апреля 1917 г. констатировал, что «при изменившемся государственном строе РПЦ не может уже оставаться при тех порядках, которые отжили свое время»²², и взял курс на «отдаление» церкви от государства. На этом пути главной целью высшего духовенства стал созыв Поместного собора, подготовка к которому шла (с перерывами) еще с 1905 г. и который должен был стать высшим органом церковной власти²³. В тот же день Синод принял решение о формировании Предсоборного совета.

Спустя месяц, с целью «поднятия духовной жизни в монастырях и развития религиозно-просветительской их деятельности», а также выработки программы совершенствования жизни монашествующих Синод выпустил специальное определение (от 26-30 мая). В нем, среди прочего, содержалось распоряжение созвать с 16 по 23 июля в Троице-Сергиевой лавре Всероссийский съезд представителей от монастырей. Высшим органом церковного управления были определены программа съезда и порядок избрания делегатов²⁴.

И на Предсоборном совете и на Всероссийском съезде представителей от монастырей были подняты вопросы, связанные с личным имуществом монашествующих, и в ходе дискуссий выработаны для готовящегося Поместного собора²⁵ проекты положений.

Предсоборный совет начал свою работу 12 июня²⁶ и сразу же образовал 10 отделов, одним из которых (IX) был отдел «О монастырях и монашестве», открывший свои заседания с 14 июня. Председателем отдела 21 июня был назначен Синодом епископ Минский Георгий (Ярошевский)²⁷.

7 и 10 июля состоялось 6-е (двухдневное) заседание отдела. На нем присутствовали 7 человек, в том числе один архиерей. Рассматривался проект («Тезисы») положения о правовом положении монастырей в государстве. Документ был подготовлен и оглашен архимандритом Никанором (Кудрявцевым) — настоятелем московского Никольского единоверческого монастыря, являвшимся также членом состоявшей при Синоде Комиссии по делам монастырей и монашества.

В начале своего выступления докладчик отметил, что в основу проекта положено допущение, «что отделение церкви от государства не будет осуществлено и что нынешние взаимоотношения их останутся по существу теми же»²⁸. Вопрос о личном имуществе монашествующих затрагивался в §§ 9 и 11 (п. «б») Тезисов. Формулировка § 9 на заседании 7 июля была принята отделом без

каких-либо изменений²⁹. Обсуждение же § 11 шло 7 и 10 числа. При этом в п. «б», касающийся имущества, было внесено лишь незначительное дополнение. В итоге два названных (весьма пространных) параграфа (9-й и 11-й) были добавлены, среди прочего, следующие положения о личном имуществе и праве завещания монашествующих:

«9. Содействие Православной Церкви, в отношении монастырей, со стороны государства выражается, сверх предоставления монастырям преимуществ, общих всей Православной Русской Церкви, в сохранении за монастырями... наследственных прав на выморочное³⁰, всех видов, имущество насельников своего монастыря».

«11. Остаются в силе действовавшие доселе постановления: ...б) лишаящие монашествующих прав — пенсионных, а также на другие виды общественного призрения, имущественных, торговых, промышленных, векселе- и залогодательных, завещательных, с распространением на настоятелей штатных монастырей, экономов архиерейских домов и синодального ризничего, избирательных (активных и пассивных)»³¹.

Таким образом, отдел фактически предлагал ходатайствовать перед государством об уравнивании в названных имущественных правах всех представителей духовных монашествующих властей (кроме епископов). Об архиереях же документ умалчивал, по-видимому, по причине того, что члены IX отдела вряд ли считали в своей компетенции рассуждать о правах епископов, хотя те и являются монашествующими.

Выработанный отделом «О монастырях и монашестве» проект Положения о государственно-правовом положении монастырей общее собрание Предсоборного совета рассматривало 27 июля, на своем 10-м заседании. Присутствовали 15 человек, в том числе четыре архиерея; председательствовал архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский). По поводу имущественных прав в журнале общего собрания приведено следующее решение: «Так как пункты относительно хозяйства монастырей оказались не согласованными с работами VII отдела о церковном хозяйстве, то Собрание постановило: положение о государственно-правовом положении монастырей передать на обсуждение в VII отдел Предсоборного совета»³².

Таким образом, те пункты проекта, в которых затрагивались вопросы о хозяйстве монастырей, 27 июля общее собрание передало на согласование в VII отдел — «О церковном хозяйстве», председателем которого был архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов). И хотя в ГАРФ среди материалов VII отдела Предсоборного совета отсутствуют журналы заседаний, состоявшихся после 1 июля (вероятно они и не проводились), тем не менее известно о ходе дальнейшего обсуждения документа.

30 и 31 июля на заседании общего собрания Предсоборного совета, проходившем под председательством архиепископа Сергея (Страгородского), вопрос о монастырском хозяйстве был по заявлению VII отдела перенесен в Положение о церковном имуществе³³. Между тем выработанные этим отделом «Общие положения о церковном имуществе и церковном хозяйстве» общее собрание рассмотрело еще на своем 7-м заседании 22 июля, и больше к этому вопросу не возвращалось. В тексте утвержденных Положений лишь в общих чертах говорилось об имуществе и хозяйстве то «отдельных», то «всех церковных установлений», но ни слова — об имуществе монастырей и монашествующих³⁴.

Следующей инстанцией, где «Общие положения о церковном имуществе и церковном хозяйстве» рассматривались, был XVI отдел Поместного собора³⁵ «О церковном имуществе и хозяйстве»³⁶, председателем которого был архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский)³⁷. Постатейное обсуждение

названного документа шло в течение месяца: с 12 сентября по 13 октября (на 3-м — 11-м заседаниях отдела) ³⁸.

Однако несколько пунктов (в том числе §§ 9 и 11) проекта Положения о государственно-правовом положении монастырей на заседаниях XVI отдела не рассматривались. Более того, «следы» этих параграфов, ставших, по решению общего собрания Предсоборного совета, фактически дополнением к «Общим положениям о церковном имуществе и церковном хозяйстве», после 31 июля в материалах каких-либо церковных инстанций вообще не обнаруживаются.

Либо эти параграфы были кем-то изъяты из делопроизводственной документации еще Предсоборного совета, работа которого проходила под председательством архиепископов Финляндского Сергия (Страгородского) (заседания 1-е, 3-е, 6-е — 14-е) и Тифлисского Платона (Рождественского) (заседания 2-е, 4-е) ³⁹. Либо их «положил под сукно» председатель XVI отдела Поместного собора архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) ⁴⁰. Но также может быть, что они исчезли при передаче документов из Предсоборного совета в инстанции Поместного собора.

Вопросы, связанные с личным имуществом монашествующих, IX отдел Предсоборного совета рассматривал и при обсуждении проекта положения о хозяйстве монастырей. 14 июля состоялось два заседания IX отдела — «№ 10» и «№ 10а». В них приняли участие 7 человек, в том числе один епископ. «Тезисы» проекта положения о хозяйстве монастырей, состоящие из 15 параграфов, были составлены членом Петроградского духовно-цензурного комитета архимандритом Христофором ⁴¹. В § 12 значилось: «б) Все имущество, оставшееся после смерти настоятеля, должно переходить в собственность монастыря во всех монастырях» ⁴². Иначе говоря, автор предлагал для настоятелей монашеских обителей фактически вернуть норму 1722 г., содержащуюся в ст. 61 «Прибавления к Духовному регламенту».

На заседании «№ 10» практически без обсуждения § 12 проекта (как и §§ 5—11) был принят в первоначальной редакции. Однако на состоявшемся практически сразу же заседании «№ 10а» «Тезисы» архимандрита Христофора по какой-то причине были рассмотрены повторно. И в результате прений IX отдел принял лишь §§ 1—10, 13 и 15: одни с редакционными правками, а другие без них. А о §§ 11, 12 и 14 в протоколе заседания содержится запись: «Остальные (параграфы. — М.Б.), ввиду непринципиального характера содержащихся в них указаний по разным сторонам хозяйственной жизни монастырей, частью входящих в область вопросов, которые должны иметь место в монастырском Уставе, исключаются» ⁴³.

Таким образом, в ходе работы над проектом положения о хозяйстве монастырей IX отдел Предсоборного совета 14 июля вычеркнул пункт (наряду с другими двумя) о безоговорочном переходе в собственность монастыря личного имущества, остающегося после смерти настоятелей всех монастырей. Вместе с тем если сравнить § 12 (п. «б») проекта положения о хозяйстве монастырей с § 11 (п. «б») проекта положения о правовом положении монастырей в государстве, то можно увидеть, что первый является почти частным случаем второго, а в вопросе о завещательных правах монашествующих они, по существу, тождественны.

Судя по всему, именно по причине близости содержания обоих пунктов члены IX отдела, приняв 7 и 10 июля один проект (положения о правовом положении монастырей в государстве, с его п. «б» § 11), 14 числа того же месяца при рассмотрении другого проекта (положения о хозяйстве монастырей) решили исключить из него § 12, в котором п. «б», фактически дублировал бы норму уже принятого 10 июля документа. Речь идет, таким образом,

об устранении повторов, и это было сделано до того, как 27 июля общее собрание Предсоборного совета рассмотрело выработанный IX отделом проект, лишившийся § 11.

Если бы члены IX отдела предвидели результат обсуждения в общем собрании проекта положения о правовом положении монастырей в государстве, а именно — передачу § 11 на обсуждение в VII отдел и затем бесследное исчезновение его вместе с п. «б», они едва ли могли бы допустить устранение дублирующего пункта «б» в § 12 проекта положения о хозяйстве монастырей.

В целом, практические результаты обсуждения в Предсоборном совете вопросов, связанных с личным имуществом насельников монастырей, свелись к нулю. Разрабатывавшиеся в Предсоборном совете соответствующие предложения не дошли до рассмотрения Поместного собора, начавшего свою работу 15 августа 1917 года.

Но в июле 1917 г. теми же вопросами занималась и другая церковная инстанция — Всероссийский съезд представителей от монастырей. В его работе принимали участие 137 лиц с правом решающего голоса (из них 10 архиереев) и 13 с правом совещательного. Председательствовал vikарий Московской епархии епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) (с 1 мая 1917 г. — настоятель Данилова монастыря, а до того, с 1909 г. — ректор Московской духовной семинарии). Почетным председателем съезда был избран архиепископ Московский Тихон (Беллавин)⁴⁴ (с ноября 1917 г. — патриарх Московский и всея России).

В последний день заседаний съезда, 23 июля, делегат от Пензенской епархии иеромонах Евфимий выступил с «внеочередным заявлением». Он выразил «недоумение», почему епископы и настоятели монастырей, в отличие от остальных монашествующих, имеют право делать завещания о наследстве; заявление Евфимия было встречено пониманием со стороны присутствовавших. Председательствовавший епископ Елисаветградский Прокопий (Титов) (vikарий Херсонской епархии, временно управляющий Александро-Невской лаврой) разъяснил им, во-первых, что это право предоставлено епископам и настоятелям монастырей «гражданским, а не церковным законодательством»⁴⁵; во-вторых, что Синод вносил в Государственную думу законопроект о том, чтобы остающееся имущество поступало «в собственность того монастыря или архиерейского дома, которые были под управлением покойных в момент их кончины и где они жили последнее время пред кончиной». Затем «напокойный» (то есть находящийся на покое, заштатный) архиепископ Никон (Рождественский), бывший Вологодский⁴⁶, дополнил это разъяснение, напомнив что синодский законопроект не стал законом, поскольку не получил санкции Государственной думы. При этом Никон высказал свое мнение, что имущество умерших епископов и настоятелей монастырей следует передавать не в их же монастыри или архиерейские дома, а в специальный общемонастырский фонд. Этот фонд, в свою очередь, использовал бы те вещи «на удовлетворение нужд менее обеспеченных обитателей по усмотрению центрального монастырского управления»⁴⁷.

После этого съезд постановил: «Разделяя взгляд святейшего Синода о том, что имеющиеся в российском гражданском законодательстве некоторые исключения в области наследственного права для епископов и настоятелей монастырей, по которым они имеют право оставлять завещания о своем имуществе, являются противоречием основному принципу иноческого жития — связи инока с его обителью и иночеством, и принимая во внимание представлявшийся в Государственную думу, но не получивший законодательной санкции законопроект св. Синода о том, чтобы оставшиеся после смерти епископов и настоятелей монастырей имущества их поступали в собственность того монастыря или архиерейского дома, которыми управляли покойные в момент кончины и в

котором они жили в последнее время пред кончиной, — выразить пожелание, чтобы таковые имущества поступали в общемонастырский при Всероссийском монашеском совете ⁴⁸ фонд — для выдачи пособий и поддержки нуждающимся монастырям по усмотрению Всероссийского монашеского собора» ⁴⁹. Практически дословно это определение было повторено в своде постановлений монастырского съезда (§ 153 в разделе VIII — «Монастырское хозяйство»), представленном архиепископом Московским Тихоном Синоду 12 августа. Этот свод содержал «Заключение», согласно которому принятые съездом резолюции, «касающиеся внутренней жизни обитателей, богослужения и монастырской дисциплины», подлежали утверждению Поместным собором ⁵⁰. Тем самым было признано, что последнее слово в решении этого вопроса, ввиду его статуса обязательного общецерковного установления, оставалось за Поместным собором — высшим органом управления РПЦ, обладавшим полнотой церковной власти.

Показательно, что обсуждение на Всероссийском съезде представителей от монастырей вопроса об отмене права архиереев и настоятелей монастырей завещать свое личное имущество состоялось не в соответствии с определенной Синодом программой съезда, а по инициативе «снизу».

Решения Всероссийского съезда представителей от монастырей поступили на рассмотрение в XI отдел Поместного собора — «О монастырях и монашесствующих». Главной задачей этого отдела была выработка Положения об устройстве мужских и женских монастырей, о монастырском управлении и об ученом монашестве. В основу Положения и должны были лечь, помимо прочего, постановления монастырского съезда.

В составе XI соборного отдела из 67 членов было 19 архиереев, 14 лиц в иных санах (из которых 12 монашесствующих) и 34 мирянина. Отдел начал работать 31 августа под председательством архиепископа Тверского Серафима (Чичагова) ⁵¹.

С 13 сентября, со своего третьего заседания XI отдел начал параграф за параграфом рассматривать постановления Всероссийского съезда представителей от монастырей ⁵². 15 ноября, на 19-м заседании, очередь дошла и до вопроса «О монастырском имуществе и хозяйстве» ⁵³. В журнале заседания соборного отдела обращает на себя внимание следующая формулировка: «IV. Рассматриваются следующие *составленные Председателем на основании постановлений* (курсив мой. — М.Б.) съезда представителей от монастырей положения о монастырском имуществе и хозяйстве...» ⁵⁴. Она свидетельствует о том, что представленные на рассмотрение отдела «положения» не были аутентичны постановлениям Всероссийского съезда представителей от монастырей. Об этом же говорит и сопоставление материалов журналов заседаний монашеского съезда и XI отдела Поместного собора ⁵⁵. В самом деле: архиепископ Серафим на 19-м заседании расположил постановления съезда не в том же порядке (по параграфам), как в первоисточнике ⁵⁶, а по своей нумерации, меняя порядок цитируемых постановлений и редактируя по своему усмотрению их формулировки. При этом он вообще не упомянул постановление Всероссийского съезда представителей от монастырей, значившееся как «§ 153». Соответственно, постановление ходатайствовать перед Поместным собором об отмене права архиереев и настоятелей монастырей завещать свое личное имущество не было рассмотрено XI соборным отделом. Не упоминалось о нем и на соединенном заседании 28 ноября «О монастырях и монашесствующих» с профильным подотделом «О монастырском хозяйстве» XVI соборного отдела «О церковном имуществе и хозяйстве» ⁵⁷ (на том заседании рассматривались постановления о монастырском хозяйстве, принятые 15 ноября XI отделом «О монастырях и монашесствующих» ⁵⁸).

Вследствие такого «умолчания» постановление Всероссийского съезда представителей от монастырей (§153) не было доведено и до пленарного заседания Поместного собора. Таким образом, Серафим (Чичагов) постановление всероссийского съезда, «вменив ни во что», фактически «положил под сукно»⁵⁹.

Имел ли архиепископ Серафим полномочия, с позволения сказать, столь вольно обращаться с постановлениями Всероссийского съезда представителей от монастырей? В «Уставе» Поместного собора (гл. VII: «Отделы Собора») ⁶⁰, а также в журналах заседаний XI отдела об этом ничего не сказано. Получал ли тверской архипастырь на это санкцию руководства Поместного собора или Синода, неизвестно. Но очевидно, что его действия отвечали как его собственным имущественно-финансовым интересам, так и интересам архиерейской корпорации в целом ⁶¹. Ведь появление запрета духовным властям завещать кому-либо их личное имущество ограничивало бы личные материальные интересы архиереев.

Таким образом, положения об отмене у монашествующих духовных властей права завещания — как выработанные Предсоборным советом, так и предложенные Всероссийским съездом представителей от монастырей — оказались отброшенными и не дошли до рассмотрения на Поместном соборе, а по прошествии времени были преданы забвению.

Вместе с тем в декабре 1917 г. в РПЦ была фактически восстановлена, хотя и для одного-единственного иерарха, петровская норма 1722 г., ориентированная на монашеский обет нестяжания.

4 ноября 1917 г. Поместный собор восстановил в Русской церкви патриаршество, упраздненное в 1721 г. Петром I. Не последнюю роль в этом сыграли мечтательно-романтические настроения значительного числа соборян ⁶². Приверженцы патриаршества считали само собой разумеющимся, что российские патриархи будут людьми высокой духовной жизни, монахами-«нестяжателями», а если в период своего патриаршего служения какое-то имущество и приобретут, то не передадут его никому, даже ближайшим родственникам, и все оставшееся от них имущество будет принадлежать Святой Матери-Церкви.

5 ноября состоялось избрание в патриархи митрополита Московского и Коломенского Тихона (Беллавина), а 21 ноября 1917 г. последовала его интронизация (настолование, или посадение на патриарший престол) ⁶³.

Хотя с этого момента Тихон возглавил список «духовных властей», буква Основных законов о нем умалчивала: лица патриаршего сана, по причине отсутствия патриаршества, не числились в перечне монашествующих духовных властей: «митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменьи и настоятельницы монастырей женских и ризничий Московского синодального дома» ⁶⁴. Соответственно, патриарх Тихон оказался в своего рода «правовом вакууме»: *de facto* возглавляя духовные власти, он с 21 ноября *de jure* перестал к ним относиться. Впрочем, несмотря на парадоксальность создавшегося положения, оно возникло вполне естественно: ведь в то время не были очерчены полномочия патриарха даже в области церковного управления.

На следующий день после возведения на патриаршество Тихона II отдел Поместного собора («О высшем церковном управлении», или «Высшее церковное управление») под председательством епископа Астраханского Митрофана (Краснопольского) начал поштатейно рассматривать проект положения «О правах и обязанностях патриарха Московского и всея России». Проект был выработан специальной комиссией отдела и доложен ее участником — профессором Казанской духовной академии П.Д. Лапиным на 29-м заседании 22 ноября. 23 ноября (на 30-м заседании отдела, в присутствии 66 из 260 его членов) очередь дошла до рассмотрения вопроса об имуществе, остающемся по смерти

патриарха. После небольших прений соответствующий пункт прошел без каких-либо изменений: «Единственным наследником имущества Патриарха после его кончины является Патриарший Престол»⁶⁵. Эта формулировка сохранилась и после того, как 8 декабря по докладу своего XXII («Редакционного») отдела Поместный собор принял окончательный текст определения «О правах и обязанностях патриарха Московского и всея России». Формулировка осталась та же (п. 13). Не стала ничего в этом пункте менять и следующая инстанция — Совещание епископов Поместного собора⁶⁶.

Назвав «единственного наследника» патриаршего имущества, высший орган церковной власти тем самым дал ясный отрицательный ответ на вопрос: имеет ли патриарх Московский и всея России право завещать по смерти свое личное имущество? Важно иметь в виду, что данное положение было принято в условиях отсутствия какого-либо давления со стороны государственной власти, а также в период непосредственной подготовки Учредительного собрания — конституанты, которой надлежало «установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»⁶⁷.

Таким образом, 8 декабря 1917 г. патриарх Тихон *de jure* был лишен права завещать свое личное имущество — того права, которым он ранее обладал со времени своего приобщения к составу духовных властей, то есть с 1892 года. В тот год Тихон с назначением его на должность ректора Холмской духовной семинарии был возведен в сан архимандрита; с 1897 г. он являлся епископом.

На фоне идущего в РПЦ с 1917 г. процесса возрастания и абсолютизации власти московских патриархов прецедент лишения Поместным собором патриарха Московского и всея России Тихона права завещать имущество представляется уникальным. Он выглядит еще более уникальным, если учесть, что Собор работал под председательством самого Тихона.

Тем не менее екатерининскую норму о праве завещания, разделявшую монашествующих на «верхи» и «низы», Поместный собор 1917—1918 гг. не отменил. Новые же реалии, в которых духовенство РПЦ оказалось после появления 20 января 1918 г. советского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», отодвинули обсуждение вопроса о праве завещания монашествующими своего личного имущества на семь десятилетий. Сбравшийся в июне 1988 г. по случаю 1000-летия Крещения Руси Поместный собор РПЦ принял постановление, фактически противоположное смыслу решений церковных инстанций 1917 года. Оно касалось епископов. В принятом Собором «Уставе об управлении Русской православной церкви» сказано (гл. VII, п. 22): «Личное имущество скончавшегося архиерея наследуется в соответствии с действующим государственным законом о наследстве». Это же положение сохраняется и в новом, действующем с 2000 г. «Уставе Русской православной церкви» (гл. XV, п. 22)⁶⁸. Таким образом, с 1988 г. все личное имущество архиереев (без каких-либо оговорок, то есть и движимое и недвижимое) *de jure* стало переходить наследникам почивших⁶⁹.

В целом, обсуждение в 1917 г. на Предсоборном совете, Всероссийском съезде представителей от монастырей и Поместном соборе проблемы лишения монашествующих духовных властей права завещания проходило под неявным, но эффективным воздействием аппарата иерархии и не привело к созданию соответствующей церковно-правовой нормы. Однако в проектах того времени перед РПЦ были поставлены вопросы, до сих пор представляющие не только исторический, но и актуальный правовой интерес, о чем свидетельствует, например, обсуждение проекта «Положения о монастырях и монашествующих»⁷⁰, проходящее в РПЦ с 30 мая 2012 года⁷¹.

1. В законодательстве Российской империи и в других официальных как светских, так и церковных документах (вплоть до 1942 г.) использовалось название «Православная Российская Церковь». Однако зачастую употреблялись и названия «Российская православная», «Всероссийская православная», «Православная католическая грекороссийская», «Православная греко-российская» и «Русская православная» церковь. По причине того, что 8 сентября 1943 г. решением Собора епископов титулатура патриарха московского была изменена (вместо «...и всея России» стала «...и всея Руси»), то и Православная церковь стала называться «Русской» (РПЦ).
2. Обзорение церковно-гражданских узаконений по Духовному ведомству. (Применительно к Уставу Духовных консисторий и Своду законов). С историческими примечаниями и приложениями. Сост. ИВАНОВСКИЙ Я. СПб. 1900; АННЕНКОВ К.Н. Система русского гражданского права. Т. 6. СПб. 1909, с. 16, 26, 35; БЕРДНИКОВ И.С. Краткий курс церковного права Православной церкви. Казань. 1913, с. 965—967; КРАСНОЖЕН М.Е. Краткий курс церковного права. Юрьев. 1913, с. 59—62; ПАВЛОВ А.С. Курс церковного права. СПб. 2002, с. 159—161; ПОБЕДНОСЦЕВ К.П. Курс гражданского права. Ч. 2. М. 2003, с. 284—285; ЦЫПИН В.А., прот. Курс церковного права. Клин. 2004, с. 246—247; СМОЛИЧ И.К. Русское монашество: 988—1917 гг. Жизнь и учение старцев. М. 1999, с. 286—290, 307—308; ЗЫРЯНОВ П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М. 2002, с. 16—18.
3. ИВАНОВСКИЙ В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашеских лиц и монастырей. Харьков. 1905.
4. ПСЗ-1. Т. 1. СПб. 1830, ст. 1, с. 96—98.
5. См., например: Там же. Т. 7. СПб. 1830, ст. 4450, с. 230; т. 14, ст. 10237, с. 148; т. 23, ст. 17488, с. 916—917; т. 31, ст. 24246, с. 200; т. 32, ст. 25162, с. 373; ПСЗ-2. Т. 6. СПб. 1832, отд. 2, ст. 4844 (§ 9), с. 98; ПСЗ-3. Т. 3. СПб. 1886; ст. 1495, с. 126—128.
6. Принимающие монашеский постриг дают несколько обетов, в том числе обет нестяжания. Каноническое основание этого обета — 6-е правило Поместного Константинопольского (Двукратного) собора (861 г.), которое гласит: «Монахи не должны имети ничего собственного, но все им принадлежащее да утверждается за монастырем. Ибо блаженный Лука о верующих во Христа и представляющих собою образ монашеского общежития, глаголет, яко не един что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща [Деян. 4, 32]. Посему желающим монашествовати предоставляется свобода завещавати о имении своем прежде, и передавати оное, каким восхотят лицам, которым, то есть, закон не возбраняет. Ибо во вступлении в монашество монастырь имеет власть над всем их имуществом, и им не предоставлено распоряжати ничем собственным, ни завещавати. Аще же кто обрящется усвояющий себе некое стяжание, не предоставив оного монастырю, и порабощенный страсти любостяжания: у такового игумен или епископ да возмет оное стяжание, и, в присутствии многих продав, да раздаст нищим и нуждающимся. А того, кто положил в сердце своем, подобно древнему оному Ании, утаити сие стяжание, святыи Собор определил вразумити приличною епитимией. Явно же есть, яко постановленные святым Собором правила о монахах, праведным признал он соблюдатьи и о женах монашествующих» (Каноны, или книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. Монреаль (Канада). 1974, с. 198).
7. ПСЗ-1. Т. 6. СПб. 1830, ст. 4022, с. 715.
8. Там же. Т. X, ст. 7287, с. 183, ст. 7551, с. 452—453; т. 16, ст. 11844, с. 276; т. 17. СПб. 1830, ст. 12389, с. 128.
9. В законодательстве позднеимперской России монашествующие упоминались двумя группами: «1) духовные власти: митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменьи и настоятельницы монастырей женских и ризничий Московского синодального дома; 2) прочие монашествующие братья» (Свод законов Российской империи (СЗРИ). Изд. 1876—1917 гг. Т. 9. СПб. 1899, ст. 406, с. 83).
10. ПСЗ-1. Т. 17. СПб. 1830, ст. 12577, с. 587.
11. То, что указ Екатерины II не был ориентирован на церковные монашеские нормы, а представлял собой лишь акт милости, дарованной верховной властью, можно понять из следующих его слов: «...по усердному Нашему к ним и к их сродникам призрению, желая и паче их беспредельными властителями того им определенного имения учинить, от сего времени повелеваем...» (ПСЗ-1. Т. 17, ст. 12577, с. 587; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Т. 1. СПб. 1910, ст. 295, с. 339).
12. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 4. М. 1886, № 457, с. 191—192.

13. Помимо деления российских монастырей на штатные и заштатные (с 26 февраля 1764 г.), существовало их разделение на общежительные и им «противоположные» — необшежительные.

В общежительных монастырях насельники имели общее богослужение, общий распорядок дня, общую трапезу, общее имущество. Монашествующие в таких обителях не могли ничем распоряжаться на правах собственности, поскольку все имущество принадлежало монастырю как юридическому лицу. Иначе говоря, насельники общежительных монастырей все необходимое (еду, одежду, обувь и прочее) получали от монастыря, за что безвозмездно трудились в пользу своей обители: например, священнодействуя, исполняя различные послушания. Как правило, общежительные монастыри существовали только на собственные доходы.

В необшежительных же обителях монашествующие, имея от монастыря лишь жилище и общее богослужение (иногда — общую трапезу), все прочее необходимое для жизни приобретали сами: или на даваемое им жалование (согласно установленным штатам), или на доходы от богослужений, или от изготовления и продажи разного вида изделий. То есть в необшежительных монастырях (например, в штатных) монахи могли приобретать вещи в пожизненную личную собственность.

Кроме того, в общежительных монастырях настоятели избирались самой братией и только утверждались в должности Синодом по представлению местного архиерея. Настоятели же необшежительных, или штатных монастырей, прямо назначались епархиальным начальством.

Законодательство стало разделять общежительные и необшежительные монастыри лишь с 20 марта 1862 г. (См.: Обзорение церковно-гражданских узаконений по Духовному ведомству. с. 11—20; ИВАНОВСКИЙ В. Ук. соч., с. 45—47, 66—70, 113—119).

14. ПСЗ-2. Т. 37. СПб. 1865, отд. 2, ст. 38687, с. 88.
15. ПСЗ-3. Т. 3. СПб. 1886, ст. 1495, с. 128.
16. Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. Т. 4. [СПб.] 1907, [протокол] № 23, с. 103—115.
17. Московские ведомости, 12.VII.1909, № 159, с. 4.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-3431, оп. 1, д. 372, л. 308об.—309, 385об.—386; Деяния Священного собора Православной российской церкви 1917—1918 гг. Т. 5. М. 1996, деяние 57, с. 215, 221.
19. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907—1912 гг. Ч. 2. СПб. 1912, с. 643.
20. Государственная дума. Созыв IV. Сессия 1-я. Журнал № 10. [СПб. 1912], заседание 10.XII.1912, с. 2, 23; Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв IV. Сессия 1-я. СПб. 1913, с. 251.
21. См.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). М. 2008.
22. Церковные ведомости, 1917, № 18-19, с. 101.
23. О предыстории созыва Поместного собора см.: СМОЛИЧ И.К. Предсоборное присутствие 1906 г. К предыстории Московского поместного собора 1917—1918 гг. В кн.: История русской церкви. 1700—1917 гг. Кн. 8. Ч. 2. М. 1997, с. 693—719; ФИРСОВ С.Л. Русская церковь накануне перемен. (Конец 1890-х — 1918 г.) М. 2002, с. 216—250, 391—425; ОРЕХАНОВ Г., иерей. На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. М. 2002, с. 143—198; и др.
24. Церковные ведомости, 1917, № 22-23, с. 146—148.
Программа состояла из 14 пунктов. Имущественно-хозяйственная тема затрагивалась в двух из них: «2. Устройство местного, областного и центрального управления по делам хозяйственным и делам духовным... 7. Монастырское хозяйство» (там же, с. 148).
25. 5 июля 1917 г. по докладу Предсоборного совета Синод вынес определение о созыве в Москве Поместного собора (там же, № 29, с. 207—211; Деяния Священного собора. Т. 1. М. 1994, с. 11—20).
26. Церковные ведомости, 1917, № 18-19, с. 117; № 20-21, с. 133; Деяния Священного Собора. Т. 1, с. 5.
27. ГАРФ, ф. Р-3431, оп. 1, д. 577, л. 2об.—3, 12—13об.; Деяния Священного собора. Т. 1, с. 5—6, 9.
28. ГАРФ, ф. Р-3431, оп. 1, д. 582, л. 56—56об., 190—190об.
29. Там же, л. 56об., 59—60.
30. Выморочное имущество — имущество, которое осталось после умершего лица и на которое никто не заявляет или не может заявить претензий ни по завещанию, ни по праву наследования по закону.
31. ГАРФ, ф. Р-3431, оп. 1, д. 582, л. 63—64об., 196а—196-б об.

32. Там же, д. 577, л. 54.
33. Там же, л. 58об.—59.
34. Там же, л. 31об.—33об. Текст принятых «Общих положений о церковном имуществе и церковном хозяйстве» см.: там же, л. 32 а об.—33об.
35. Поместный собор открылся 15 августа 1917 года. В его состав было избрано и назначено по должности 564 человека: 80 архиереев (то есть примерно каждый второй из общего количества штатных в тот момент иерархов РПЦ), 129 лиц пресвитерского сана, 10 дьяконов из белого (женатого) духовенства, 26 псаломщиков, 20 монашествующих (архимандритов, игуменов и иеромонахов) и 299 мирян (Церковные ведомости, 1917, № 29, с. 207—211; Деяния Священного собора. Т. 1, с. 11—20, 60—133).
- Подробнее см.: ОДИНЦОВ М.И. Всероссийский поместный собор 1917—1918 гг. Споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью. — Церковно-исторический вестник, 2001, № 8; ФИРСОВ С.Л. Ук. соч., с. 535—565; ИАКИНФ (ДЕСТИВЕЛЬ), свящ., монах. Поместный собор Российской православной церкви 1917—1918 гг. и принцип соборности. М. 2008; и др.
36. 30 августа в составе Поместного собора были сформированы 19 отделов (позже было образовано еще 3). Их ведению подлежало предварительное рассмотрение и подготовка соборных законопроектов. Если в обсуждении требовалось участие различных отделов, то предполагались и совместные заседания отделов. В каждый отдел входили епископы, клирики и миряне. Без поручения или разрешения отдела никакие обсуждавшиеся вопросы не могли быть доложены на соборном заседании. Для принятия соборного постановления соответствующий отдел представлял в письменном виде доклад, а также (по желанию участников заседаний отдела) особые мнения. Заключение отдела следовало излагать в виде предполагаемого соборного постановления. О заседаниях отделов составлялись письменные протоколы, в которых фиксировались время заседания, имена присутствовавших, рассматривавшиеся вопросы, сделанные предложения, постановления и заключения (Деяния Священного собора. Т. 1, с. 43—44).
37. Деяния Священного собора. Т. 1, с. 136.
38. ГАРФ, ф. Р-3431, оп. 1, д. 406, л. 12—73.
39. Там же, д. 577, л. 1—65. При этом журнал 5-го заседания, состоявшегося между 13 и 20 июля 1917 г., обнаружить не удалось.
40. По крайней мере летом 1918 г. архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) считал вопрос о личном имуществе архиереев актуальным. Свидетельствует об этом содержание его доклада 8(21) августа 1918 г. при представлении Поместному собору выработанного XVI соборным отделом проекта «Основные положения о церковном имуществе и хозяйстве Русской православной церкви». В докладе значительное внимание было уделено вопросу о личном имуществе архиереев. Однако на следующем заседании, 10(23) августа, при постатейном рассмотрении представленного отделом проекта «Основных положений», тезисы о личном имуществе монашествующих не прозвучали. Это и понятно: те тезисы не рассматривались на заседаниях XVI отдела и, соответственно, не были внесены в выработанный отделом проект «Основных положений», хотя должны были поступить в отдел из Предсоборного совета. Или тезисы все же поступили в отдел, но были его председателем «положены под сукно»?
41. ГАРФ, ф. Р-3431, оп. 1, д. 582, л. 80—82об., 89—91об., 212—213-б об., 217—218-б об., 219—224.
42. Там же, л. 87—87об., 223—223об.
43. Там же, л. 82об., 91об., 213-б об., 218-б об.
44. Церковные ведомости, 1917, № 18-19, с. 117; ГАРФ, ф. Р-3431, оп. 1, д. 372, л. 318—319, 409об.—414об.
45. Из слов Прокопия следует, что, по его мнению, церковное законодательство такого права епископам и настоятелям не предоставляло.
46. Никон в июле 1909 г. председательствовал на I Всероссийском съезде монашествующих, принявшем резолюцию с ходатайством перед властями об отмене права настоятелей монастырей оставлять наследство своим родственникам (Московские ведомости, 12.VII.1909, № 159, с. 4).
47. ГАРФ, ф. Р-3431, оп. 1, д. 372, л. 385об.—386.
48. Всероссийский монашеский совет при Синоде — предполагаемый в «Постановлении» Всероссийского съезда представителей от монастырей вспомогательный и совещательный орган по высшему церковному управлению и наблюдению за монастырями. Ему надлежало об-

- суждать общие вопросы о монастырях и монашествующих, делать экспертные заключения по конкретным вопросам, готовить материалы для Всероссийских монашеских соборов и пр. (там же, л. 296об., 346об.—348).
49. Там же, л. 386.
50. Там же, л. 308об.—309, 315об.
51. Там же, д. 370, л. 1, 198; Деяния Священного собора. Т. 1, с. 136, деяние 11-е, с. 151. 18 октября соборные отделы были расширены: XI отдел до 75 человек (Деяния Священного собора. Т. 2. М. 1994, деяние 26-е, с. 275).
52. ГАРФ, ф. Р-3431, оп. 1, д. 370, л. 1—194. Журналы заседаний соборного отдела «О монастырях и монашествующих».
53. В тот день присутствовали 24 из 67 членов отдела (там же, л. 100, 106).
54. Там же, л. 101.
55. Ср., с одной стороны, VIII раздел постановлений «Монастырское хозяйство» Всероссийского съезда представителей от монастырей, §§ 136—153 (там же, д. 372, л. 306об.—309). С другой — тот же комплекс постановлений (о монастырском имуществе и хозяйстве) из 22 пунктов в изложении архиепископа Тверского Серафима (там же, д. 370, л. 101—104об.).
56. Судя по содержанию журналов заседаний XI соборного отдела, до его предыдущего (18-го) заседания рассмотрение постановлений Всероссийского съезда представителей от монастырей проходило, во-первых, по параграфам и, во-вторых, в подавляющем большинстве случаев (за единственным исключением — там же, л. 80об.) в редакции съезда. Начиная же с 19-го заседания постановления съезда по параграфам не рассматривались.
57. На состоявшемся 17 октября 12-м заседании XVI отдела было решено сформировать десять подотделов (там же, д. 406, л. 80—81об.). Восьмым из них был подотдел «О монастырском хозяйстве». Задача его заключалась в разработке вопроса об упорядочении монастырского имущества и хозяйства для создаваемого XVI отделом положения о приходском хозяйстве (там же, л. 80—81об., 84).
- На 13-м заседании XVI отдела Поместного собора «О церковном имуществе и хозяйстве», состоявшемся 24 октября, архиепископ Серафим, являвшийся членом XVI отдела, поднял вопрос об образовании подотдела «О монастырском хозяйстве». Однако после указания председателя XVI отдела, архиепископа Анастасия, о том что «выработка положения об имуществе монастырском входит в прямую задачу Отдела о церковном имуществе и хозяйстве», предложение архиепископа Серафима было отклонено (там же, л. 84, д. 425, л. 22).
58. Там же, д. 370, л. 118—119. Кроме XI отдела «О монастырях и монашествующих», вопросы, так или иначе связанные с церковным имуществом, рассматривали и отделы Поместного собора — VI («О правовом положении Православной церкви в России», XVI («О церковном имуществе и хозяйстве»), XVII («О правовом и имущественном положении православного духовенства»). Их председателями были, соответственно, архиепископы Новгородский Арсений (Стадницкий), Кишиневский Анастасий (Грибановский), епископ Пермский Андроник (Никольский) (Деяния Священного собора. Т. 1, с. 135—137). Однако в тех отделах не рассматривались ни резолюции Всероссийского съезда представителей от монастырей, ни вопросы, связанные с личным имуществом монашествующих.
59. Через три дня, с 22 ноября (с 21-го заседания) XI отдел перешел к рассмотрению иных вопросов.
60. Деяния Священного собора. Т. 1, с. 43—45.
61. В структуре Поместного собора имелся такой орган, как Совещание епископов, в который входили все архиереи — члены собора. Лица не епископского сана на заседания этого органа не допускались. Каждое постановление собора подлежало рассмотрению на Совещании епископов, где оно проверялось на «соответствие Слову Божию, догматам, канонам и преданию Церкви». Фактически, Совещание епископов могло наложить вето на любое постановление Поместного собора, так что решающий голос в высшем органе церковной власти принадлежал архиереям (Деяния Священного собора. Т. 1, с. 42—43). И если бы вопрос о запрете архиереям завещать свое личное имущество дошел до рассмотрения пленарным заседанием Поместного собора, и если бы даже оно вынесло положительное определение (запрет завещаний), то такое соборное постановление не могло миновать «заинтересованную» сторону — самих архиереев на Совещании епископов.
62. См.: АНДРЕЕВА Л.А. Свержение монархии в 1917 году. Крушение Трона и Алтаря. — Общественные науки и современность, 2009, № 3; и др.
63. Деяния Священного собора. Т. 3. М. 1994, деяние 36-е, с. 105—111; т. 4. М. 1996, деяние 47-е, с. 36—75.

64. СЗРИ. Т. 9. СПб. 1899, ст. 406, с. 83.
65. ГАРФ, ф. Р-3431, оп. 1, д. 220, л. 435.
66. Там же, д. 228, л. 23, 24, 34, 35; Деяния Священного собора. Т. 5. М. 1996, деяние 63-е, с. 356—358; Собрание определений и постановлений. Вып. 1, с. 6. В определениях Поместного собора о наследовании личного имущества прочих архиереев и настоятелей монастырей ничего не говорилось.
67. Цит. «Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти» от 3 марта 1917 г., которым, в частности, легитимировалась идея созыва Учредительного собрания (ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 2101а, л. 6, д. 2104, л. 4).
68. Устав об управлении Русской православной церкви. М. 1989, с. 17; Устав Русской православной церкви. М. 2000, с. 33.
69. При этом в тех же Уставах РПЦ отсутствует пункт о наследовании личного имущества рядового монашеского духовенства и монахов без священного сана.
70. Это «Положение...» должно было появиться примерно четверть века назад, поскольку о нем как о реально существующем, в настоящем времени, говорилось еще в Уставе РПЦ 1988 г. (гл. IX, п. 9), а также в ныне действующем с 2000 г. аналогичном Уставе (гл. XVII, п. 8). Более того, Архиерейский собор, 16 августа 2000 г. приняв новый Устав, поручил Синоду разработать «Положение о монастырях и монашествующих» (Устав Русской православной церкви, с. 61; Журнал Московской патриархии, 2000, № 10, с. 21; <http://www.patriarchia.ru/db/text/133143.html>).
71. См., например, публикацию на официальном сайте РПЦ: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2255384.html>

Александр Петрович Толстой

Ю.И. Бежанидзе, А.Г. Фирсов

Граф Александр Петрович Толстой, в 1856—1862 гг. обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода, известен, в первую очередь, как один из ближайших друзей Н.В. Гоголя. На страницах исторических исследований его имя появляется редко, не привлекая даже исследователей церковной истории синодального времени. И.К. Смолич, автор фундаментального труда по истории Русской Церкви имперского периода, отмечал, что об обер-прокуроре А.П. Толстом «историку сказать в сущности нечего»¹. Работы современных авторов мало что добавляют к этой оценке².

Основные вехи жизни и деятельности Толстого известны неплохо. Биографические сведения о нем можно почерпнуть из некрологов, мемуаров и ряда справочных изданий³. Несколько статей посвятил графу известный исследователь жизни и творчества Гоголя В.В. Воропаев⁴. И все же служебная деятельность графа Толстого остается малоизученной.

Служебная карьера Толстого во многом определялась его происхождением. Семья Толстых принадлежала к родовитому дворянству и обладала обширными родственными связями в среде российской аристократии. Отец, граф Петр Александрович, боевой генерал, был одним из выдающихся военных и дипломатических деятелей первой трети XIX века. Связи П.А. Толстого в придворных и правительственных кругах не могли не способствовать карьере его детей.

Александр Петрович, появившийся на свет в 1801 г., был четвертым ребенком из девяти детей, рожденных в браке его отца с княжной М.А. Голицыной. Как и многие дети аристократических семей, А. П. Толстой воспитывался дома гувернерами. В 1817 г. он стал юнкером в лейб-гвардии артиллерийской бригаде.

Военная служба мыслилась главной стезей деятельности детей П.А. Толстого. Старший брат Александра Алексей, начавший службу в 1812 г., в это время состоял адъютантом начальника штаба 1-ой армии И.И. Дибича, кото-

---

Бежанидзе Юсуф Ибрагимович — доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (кандидат богословия); *Фирсов Андрей Германович* — кандидат исторических наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения.

рый в немалой степени способствовал его карьере⁵. Александр Толстой вскоре стал адъютантом того же Дибича. В 1824 г. Дибич был назначен начальником Главного штаба, а Толстого отправили в военную экспедицию на Каспийское и Аральское моря.

Участие в походах, предполагавших борьбу с морскими разбойниками, дало возможность молодому графу проявить себя: в 1826 г. он получил свою первую награду — орден св. Владимира 4-ой степени с бантом⁶.

Говорили, что по характеру молодой граф не очень подходил для военной службы. По окончании походов Толстой в 1826 г. ушел из армии. Официальная причина увольнения — состояние здоровья⁷. Впрочем, возможно и иное объяснение: Толстого готовили к дипломатической деятельности на благо Отечества. Отправившись за границу на лечение, он приписался к русскому посольству в Париже в чине коллежского асессора.

В 1826—1827 гг. резко обострились отношения между Османской империей и европейскими державами в связи с подъемом национально-освободительной борьбы в Греции. Россия находилась на пороге очередной войны с Турцией. Первое же поручение «начинающего дипломата» было весьма ответственным: 1 июня 1827 г. он был командирован в Константинополь и на Балканы с целью составления записок о военном и политическом положении в Турции, Сербии и Австрии. С учетом обстановки в регионе в этот период путешествие Толстого было настоящей разведкой. Секретный характер миссии подчеркивал тот факт, что отправившемуся с Толстым поручику Ливену было предписано «именоваться гражданским чином, доколе он там остается»⁸.

Поездка Толстого была признана успешной: граф получил очередной чин, а с началом русско-турецкой войны 1828—1829 гг. возвратился на военную службу вновь в качестве адъютанта Дибича, командовавшего русскими войсками на Балканском театре военных действий. Участие в этой войне принесло Толстому немало наград: ордена св. Анны 3-й и 2-й степеней, золотую шпагу «За храбрость», пожалование во флигель-адъютанты⁹.

По окончании войны Толстой все же расстался с военной службой, вернувшись в 1830 г. в ведомство иностранных дел в чине коллежского советника. Новому этапу в карьере Толстого могли способствовать как старые связи отца, бывшего в 1807—1808 гг. посланником в Париже, так и покровительство Дибича. Граф получил назначение на пост первого секретаря русской миссии в Греции.

По условиям Адрианопольского мира 1829 г., греки получили возможность создать независимое государство. Император Николай I выступал в роли главного покровителя новой страны, и дипломатическая работа в Греции имела большое значение для укрепления позиций России в Восточном вопросе. По всей видимости, Толстой рассматривался в качестве эксперта по Балканам, почему и был назначен на столь ответственный пост. Возможно и сам граф, как и многие русские дворяне того времени, считал своим нравственным долгом оказать посильную помощь молодому греческому государству¹⁰.

Служба по ведомству МИД продолжалась недолго. По официальным данным, уже в феврале 1831 г. Толстой был переведен с дипломатической службы в МВД чиновником особых поручений¹¹. Причины перехода графа в имеющихся биографических описаниях освещены противоречиво и запутанно. В служебной карьере Толстого 1830—1831 гг. стали временем серьезных проблем.

Прежде всего, первый секретарь миссии так и не добрался до места службы. Летом 1830 г. в Новороссийском крае началась очередная эпидемия чумы, в Севастополе вспыхнул бунт, черноморские порты находились на строгом карантине. Новоназначенный дипломат считал, что для него должны были сделать исключение и неоднократно обращался с соответствующими требованиями

ми к находившемуся в это время в Севастополе генерал-губернатору М.С. Воронцову, угрожая пожаловаться непосредственно императору. Дело дошло до Петербурга, однако Воронцов, хотя и был серьезно обеспокоен требованиями Толстого, сумел обосновать свою позицию¹². Толстой получил Высочайший выговор, да еще и оказался не в состоянии приступить к своим обязанностям, просидев в Севастополе до осени. Неудача на дипломатическом поприще заставила Толстого обратиться к отцу за помощью: «Десятый раз я прошу Вас, дорогой отец, — писал он из Севастополя в сентябре 1830 г., — подвинуть небо и землю, чтобы меня забрать из этого несчастного места, где у меня сплошные неприятности всех видов»¹³.

Сохранилось еще одно письмо к отцу, из которого следует, что в марте 1831 г. Толстой находился в армии, действовавшей против восставших поляков. Командующим в Польше был старый начальник Толстого генерал-фельдмаршал Дибич. Очевидно именно это обстоятельство определило появление графа в войсках, где он ожидал желательной вакансии¹⁴.

Но в послужном списке Толстого его участие в Польской кампании никак не отражено. Нет сведений об этом и в биографиях графа. Похоже, Толстой так и не дождался назначения — в конце мая 1831 г. скорпостижно скончался Дибич, и новый этап в военной карьере графа окончился так и не начавшись.

Только теперь Толстой мог реально оказаться на службе в МВД. С июня 1831 г. он руководил Хозяйственным департаментом. Граф успешно возглавлял деятельность департамента по созданию запасов продовольствия. В качестве чиновника центрального аппарата министерства он проявил себя как способный управленец и организатор, дослужился до генеральского чина и был определен на ответственную руководящую должность. В 1834 г. он был произведен в действительные статские советники и назначен Тверским губернатором¹⁵.

Следует учитывать, что деятельность начальника Тверской губернии находилась в поле зрения императора, проезжавшего Тверь на пути из Петербурга в Москву. В 1835 г. Толстой был награжден орденом св. Станислава 1-ой степени, в 1837 г. — св. Анны 1-ой степени, кроме того, в 1835, 1836 и 1837 гг. он удостоивался официальной благодарности императора Николая I. Две орденские ленты за два года и ежегодное выражение монаршего благоволения свидетельствуют о высокой оценке административных способностей Толстого.

Важным событием его жизни во время пребывания в Твери стало знакомство с выдающимся священником о. Матфеем Константиновским. Проповеднический талант и активная деятельность о. Матфея привлекли внимание губернатора. Отец Матфей, уже известный как ревностный пастырь, в 1836 г. был переведен из сельского прихода в уездный г. Ржев, население которого в значительной мере состояло из старообрядцев. Это назначение входило в число мероприятий по борьбе со старообрядческим расколом, предпринятых совместно губернатором и местным архиепископом Григорием (Постниковым).

Встреча с отцом Матфеем сыграла особую роль в формировании тех особенностей мировоззрения графа, которые впоследствии стали определять весь образ его жизни и деятельности: «в лице о. Матвея ему [А. П. Толстому] впервые представился никогда до знакомства с ним не виданный им образец такой именно веры, которая выражается не в одних только благочестивых размышлениях, но во всем составе жизни»¹⁶.

Общение между ними привело к установлению дружеских отношений, сохранявшихся до кончины о. Матфея. С этого времени Толстой стал удивлять современников редкими для лиц его круга глубокой укорененностью в православном вероучении и строгим следованием церковным правилам.

Будучи тверским губернатором, граф, уже не очень молодой человек, принял решение вступить в брак. В 1837 г. он женился на княжне Анне Григорьевне Грузинской. Невеста была на три года старше жениха. Супруги приходились друг другу дальними родственниками: оба были праправнуками грузинского царя Вахтанга VI. Их родители владели крестьянами одного и того же богатого торгового села Лыскова Нижегородской губернии, жители которого снабжали знаменитую Макарьевскую ярмарку съестными припасами. Родовое имение, наследуемое невестой, приносило до 60 тыс. руб. годового дохода. Воспитанная без матери, которой она лишилась в детстве, Анна Григорьевна всегда чуждалась общества, вела уединенную жизнь, отличалась искренним благочестием и высокой нравственностью. Только настойчивость отца, князя Г.А. Грузинского, заставила ее оставить мысль о монашестве и связать себя семейными узами¹⁷. Однако по инициативе жены, новобрачные отказались от интимного общения¹⁸. Тем не менее, семейная жизнь Толстого протекала в любви, верности, мире и согласии до самого конца.

Женитьба совпала с новым важным назначением Толстого. В декабре 1837 г. он занял пост Одесского военного губернатора, для чего опять был переведен на военную службу в чине генерал-майора. Толстому вменялись и обязанности градоначальника.

Хотя по должности он попадал в зависимость от генерал-губернатора Воронцова, отношения с которым ранее складывались неблагоприятно, начало деятельности графа в Одессе казалось, на первый взгляд, успешным. Бывший начальник Толстого министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде в письме к Воронцову охарактеризовал его как искреннего, честного человека и добросовестного администратора. Нессельроде утверждал, что Толстой окажется более подходящим сотрудником для Воронцова, чем прежний градоначальник Одессы¹⁹. Действительно, спустя три месяца, Воронцов в письме к графу Блудову положительно оценивал работу Толстого, особенно отмечая открытие столь необходимой в условиях частых эпидемий городской аптеки²⁰. Свое благоприятное впечатление о Толстом Воронцов сообщал и его отцу — Петру Александровичу²¹.

Однако деятельность Толстого на посту губернатора завершилась скандално. Граф столкнулся с колоссальным количеством беспорядков и злоупотреблений в управлении городом и портом. Систему управления в Одессе даже приверженцы Воронцова оценивали как «какое-то необыкновенное... явление в нравственном мире»²². Новый градоначальник решительно приступил к исправлению замеченных недостатков. Назначались новые чиновники, отдавались необходимые распоряжения, в качестве экспертов привлекались осведомленные горожане. Толстому удалось добиться некоторых результатов, в частности, на две трети уменьшились недоимки по сбору податей²³.

Но для качественных изменений одесский губернатор нуждался в активном содействии начальства. Толстой неоднократно обращался за содействием к генерал-губернатору Новороссии, но получал лишь напоминание о своих обязанностях. Так, например, безуспешными оказались попытки устроить в одесском порту дополнительную землечерпательную машину, переписка о которой с генерал-губернатором началась еще за год до назначения Толстого. При прежнем градоначальнике часть территории порта была передана в ведение органов таможни, не следивших за соблюдением санитарных норм. Добиться от генерал-губернатора реорганизации системы управления одесским портом не удалось. «К содержанию Одесского порта в чистоте и исправности, — сообщалось в ответе на его настойчивую просьбу о проведении необходимых мероприятий, — предоставлены местному начальству все способы... законы, строго требующие содержания гавани в чистоте и исправности указывают ясно и меры к тому»²⁴.

Практически невозможным для Толстого оказалось наказать виновных. Граф писал: «...я недоумеваю положить мнение относительно должных по закону взысканий и меры ответственности как по количеству лиц, оказывающихся виновными так и потому, что некоторые отступления разрешены моим предшественником, обсуживать действий которого я не вправе»²⁵.

Служебная деятельность в таких условиях противоречила нравственным принципам Толстого. Он открыто заявлял: «В Одессе так много злоупотреблений, что человек с совестью не может там служить»²⁶.

Отчаявшись навести порядок, граф сделал достаточно нестандартный шаг. Испросив отпуск, он подготовил подробный рапорт с изложением всех зафиксированных им злоупотреблений и представил этот документ исправляющему должность генерал-губернатора П.И. Федорову (Воронцов находился в Англии) в день своего отъезда из Одессы, 7 января 1839 года²⁷. Создавалось впечатление, что Толстой выехал в отпуск только для того, чтобы добиваться рассмотрения вопроса о ситуации в управлении Одессой на самом высоком уровне.

Поступок Толстого всерьез обеспокоил сотрудников генерал-губернатора: действия одесского градоначальника были расценены как начало серьезной интриги, направленной на дискредитацию Воронцова. В срочном порядке были предприняты защитные меры: министру внутренних дел отправили донесение о рапорте Толстого и о мерах, предпринимаемых в Одессе по устранению указанных в рапорте нарушений, известили Воронцова, в Петербург немедленно выехал правитель генерал-губернаторской канцелярии С.В. Сафонов²⁸.

Сафонов стал действовать через поддерживавшего Воронцова начальника III Отделения А.Х. Бенкендорфа, который доложил императору, что Толстой совершил странный поступок, назвав его рапорт доносом «на все почти присутственные места в Одессе». При этом Бенкендорф выставил виноватым самого Толстого, заявив, что о замеченных недостатках следовало сообщить в самом начале своей деятельности: в этом случае Толстой своевременно получил бы поддержку Воронцова и смог бы сам прекратить злоупотребления. «Государь выслушав, сказал: А понимаю! Впрочем это легко устроить. Он же у меня тотчас и возвратится в Одессу доказать то, что написал и прекратит злоупотребления»²⁹.

Между тем, Толстой не спешил в столицу, остановившись в Москве. Он и не подозревал, что в Петербурге его ожидают крупные неприятности. Свой рапорт Федорову, представленный столь необычным образом в день отъезда в отпуск, Толстой рассматривал как очередную попытку если не изменить ситуацию, то, во всяком случае, очистить совесть. По данному рапорту могли бы быть приняты соответствующие меры генерал-губернатором. В противном случае у Толстого оставалась возможность личного обращения к императору. При любом исходе Толстой мог считать себя до конца исполнившим и служебный и нравственный долг.

Только в начале февраля он появился в Петербурге, где сразу же получил резкий выговор от Бенкендорфа. Но самое неприятное — графу было отказано в приеме у императора³⁰. Стремясь донести свою позицию до монарха, он представил всеподданнейший годовой отчет о ситуации в Одессе, в котором серьезно критиковал положение дел и предлагал ряд мер по улучшению системы управления городом и портом.

Внимательно ознакомившись с отчетом, Николай I передал документ в Комитет министров с указанием, «чтоб на сие донесение и на мнения в нем обращено было особое внимание»³¹. По некоторым свидетельствам даже в домашнем кругу император проявил озабоченность обозначенными Толстым проблемами, заметив мимоходом: «плохо в Одессе, пишут, будто, благодаря Воронцову там все развратилось»³².

В Комитете министров предложения Толстого были рассмотрены подробно и обстоятельно, наиболее существенные из них были переданы для дальнейшей разработки в соответствующие министерства. И все это не изменило позиции императора по отношению к самому Толстому. Заключение монарха мало отличалось от его мнения, высказанного Бенкендорфу: «так как часть сих неустройств может быть немедленно приведено в порядок самим военным губернатором, то велеть ему ехать к месту и неотлагательно к сему приступить»³³.

Глубоко убежденный в невозможности устранить указанные им недостатки в рамках полномочий Одесского губернатора, Толстой попытался уйти в отставку. В Петербурге в это время находился и его отец, граф Петр Александрович. Используя все свое влияние и связи, старый генерал добился для сына приема у царя. Но это не повлияло на принятое решение. «Государь потребовал графа Т[олстого], сделал ему говорят сильный выговор и приказал немедленно ехать в Одессу. Все старания его и просьбы о дозволении оставить место остались тщетны, и он, наконец отправился отселе», — сообщал Сафонов Воронцову³⁴.

По всей видимости, Николай I был убежден в том, что действия Толстого были инспирированы рядом проживавших в Одессе лиц с сомнительной репутацией. Прежде всего, называли небезызвестного М.Л. Магницкого. Магницкий действительно входил в ближний круг общения одесского военного губернатора, в котором часто критиковали Воронцова. Между тем, Магницкий еще с 1826 г. находился в немилости у Николая I за интригу против князя Голицына. Уже одно имя Магницкого, употребленное в связи с рапортом Толстого, предопределило отношение Государя к одесскому делу. В итоге Магницкий был выслан из Одессы, а Толстому пришлось расстаться с мыслью о тихой отставке.

По возвращении в Одессу Толстому предстояло подключиться к уже начавшейся работе по устранению изложенных в его отчете недостатков. Но, конечно, ни о каком конструктивном сотрудничестве с администрацией Воронцова не могло быть и речи.

Дело о настроениях в управлении Одессой продолжалось до ноября 1840 года. Еще не раз рассматривались в Петербурге донесения и П.И. Федорова и вернувшегося из Англии Воронцова. Выявленные Толстым злоупотребления были подтверждены и засвидетельствованы официально, но ему не удалось оправдаться в глазах императора. В то же время даже близкий к Воронцову Нессельроде не изменил своего мнения о Толстом, считая его вполне приличным человеком, ставшим, к сожалению, игрушкой в руках недоброжелателей Воронцова³⁵. В памяти Одесского общества Толстой также остался добрым и благородным человеком. Да и в Петербурге не все разделяли точку зрения императора. Часть членов Комитета министров оказалась на стороне Толстого, так серьезно противодействуя Воронцову, что тому пришлось лично выезжать в Петербург³⁶.

Осенью 1839 г. отправившись в ежегодный отпуск, Толстой испрашивает продления его на год, мотивируя это необходимостью отъезда за границу для лечения жены. Во время отпуска Толстому удалось добиться желанной отставки. Его карьера прервалась на долгие пятнадцать лет.

Материальное положение позволяло Александру Петровичу жить по собственному усмотрению. О частной жизни Толстого сохранились достаточно интересные сведения. В воспоминаниях его сотрудника по синодальному ведомству Т.И. Филиппова содержится исчерпывающая характеристика личных качеств графа, его интересов, бытового уклада в доме Толстых в Москве. Именно мемуары Филиппова стали основой для всех последующих биографических описаний его личности³⁷. Биографы выделяли добропорядочность, благочес-

тие, глубокую набожность графа и его супруги. Стремление к духовному совершенствованию лежало в основе жизненного уклада Толстых. Изучение Священного Писания и произведений отцов Церкви, строгое соблюдение церковных предписаний, посещение богослужений, широкая благотворительность были их повседневными занятиями. Домовая церковь Толстых была известна благолепным богослужением. Для людей своего круга граф Александр Петрович выглядел очень строгим аскетом.

Современники не считали такой образ жизни графа причудой отставленного от дел богатого барина. Характеризуя благочестие Толстого, Н.П. Гиляров-Платонов писал: «... он принадлежит к разряду тех людей, которых я не умею иначе характеризовать, как назвав их *оптинскими христианами*. Это люди, глубоко уважающие духовную жизнь, желающие видеть в духовенстве руководителей к духовной высоте жизни, жаждущие, чтобы православное христианство в России было осуществлением того, что читаем в Исааке Сирине, Варсонофии и проч. И он сам в своей жизни именно таков»³⁸.

Впрочем, круг интересов Толстого не ограничивался исключительно религиозными вопросами. Он был в курсе литературных новинок и журнальных публикаций, поддерживал знакомство с известными литераторами и общественными деятелями. Толстой много путешествовал по Европе, проводя время на популярных курортах, подолгу живет в Париже.

Во время пребывания за границей граф и графиня Толстые встретились с Н.В. Гоголем. Между ними завязалась переписка, установились близкие дружеские отношения. После окончательного возвращения в Россию в 1848 г. Толстые купили дом в Москве на Никитском бульваре куда переехал и Гоголь. До самой смерти Гоголь находился на полном содержании графа: ему были предоставлены комнаты в нижнем этаже, питание и прислуга. «Здесь за Гоголем ухаживали как за ребенком, — писал современник, — предоставив ему полную свободу во всем. Он не заботился ровно ни о чем. Обед, завтрак, чай, ужин подавались там где он прикажет. Белье его мылось и укладывалось в комоды... Тишина в доме была необыкновенная»³⁹.

Интересно, что такая забота Толстого о великом писателе не была вызвана преклонением графа перед талантом Гоголя. Есть основание полагать, что он не является поклонником творчества писателя⁴⁰. Дружбе Толстого и Гоголя могли способствовать разные обстоятельства. Гоголь, в творчестве которого так ярко проявилось беспокойство о судьбах Родины, увидел в Толстом именно тот тип деятеля, который и был необходим России. «Человек, потому замечательный, — писал Гоголь Н.М. Языкову о Толстом, — что принадлежит к слишком немногочисленному числу тех людей, которые способны сделать много у нас добра при нынешних именно обстоятельствах России... Он много видел... умел видеть ошибки другого и даже свои собственные, и теперь стал на такую точку, что может, не распекая и не разгоняя людей, сделать существенное добро»⁴¹. Толстой, в свою очередь, не понаслышке знал о тех бедах Руси, которые обличал в своих произведениях классик русской литературы: воспоминаний о службе в Одессе хватило бы не на одного «Ревизора». Гоголь и Толстой одинаково видели проблемы российской жизни.

Поводом для сближения также мог стать обоюдный интерес к религиозной жизни. Ко времени знакомства с Толстым Гоголь уже вступил на путь духовных исканий. Во время своего пребывания в Европе Гоголь переживал определенное увлечение эстетикой католицизма. В завязавшейся переписке с Толстым одним из главных сюжетов стали вопросы о молитве, религиозном чтении, практике постов. Именно Толстой познакомил Гоголя с о. Матфеем Константиновским, который, как известно, сыграл значительную роль в жизни писателя.

Сближение Толстого с Гоголем на религиозной почве по-разному оценивалось современниками и потомками. Общеизвестно, что религиозно-мистические переживания играли важную роль в творчестве Гоголя. Традиционно именно с ними связывают творческий кризис, предшествовавший кончине писателя. «Не погиб ли в Гоголе художник в борьбе с мистиком-христианином», — задавался вопросом писатель-славянофил С.Т. Аксаков. По поводу смерти Гоголя Аксаков писал: «Гоголь умер... страшные слова! Умереть то ему нельзя, потому что он вышел в жизнь нашу; но вот беда: он сжег все “Мертвые души”. Вероятно ханжи, гр. Толстой, попы и монахи подвинули его на это. Нельзя служить двум владыкам; нельзя исповедовать двух религий: христианства и искусства»⁴². Точка зрения Аксакова, ставшая хрестоматийной в советской литературе, не поддерживается современными исследователями жизни и творчества Гоголя. Установлено, что большинство религиозно настроенных людей, окружавших Гоголя, с вниманием относились к творческим исканиям великого писателя⁴³.

Причиной душевного кризиса, постигшего Гоголя накануне его кончины, обычно называют его чрезмерный аскетизм. Не последняя роль в обострение психического состояния писателя отводилась графу Толстому. «Я приписывал и теперь приписываю, — утверждал Аксаков, — нравственное состояние Гоголя пребыванию его в доме Толстых. Попы, монахи с их изуверными требованиями, ханжество, богомольство и мистицизм составляли его атмосферу, которая, конечно, никому не вредила, кроме Гоголя: ибо он один со всею искренностью предавался этому направлению»⁴⁴.

Конечно, двери дома Толстых, где хозяйствовала приверженица традиционных форм православного благочестия Анна Григорьевна, были открыты для представителей московского духовенства. Несомненно, здесь могли найти уют и разного рода странники, богомольцы, монашествующие. Среди них можно было встретить и маргинальные проявления религиозности, впечатлявшие писателя с его тонкой душевной организацией. «У него (Толстого. — Ю.Б., А.Ф.) в доме, — писал Филиппов, — можно было встретить людей весьма разнообразных, тут были и богомолки, юридивые и т. д. часто эти лица не заслуживали никакого уважения»⁴⁵.

Но Аксаков в принципе не мог увидеть в укладе жизни и Гоголя и Толстого ничего позитивного, ибо воспринимал этот уклад сквозь призму своих славянофильских представлений о христианской жизни, расходившихся, к примеру, со взглядами знаменитых старцев Оптиной пустыни и близких к ним представителей интеллектуальной элиты России. То, что для Аксакова выглядело как мракобесие и ханжество, для оптинских старцев было проявлением благочестия и духовным подвигом. Так в письме к сыну Аксакова один из виднейших идеологов славянофильства А.С. Хомяков писал, что, по его мнению, «труд для пользы других... есть молитва... высшая, чем лепетание славянских слов в уголке пред Суздальской доскою». Старец Амвросий (Гренков) прокомментировал это так: «Тут, во-первых, смешение понятий. Труд для пользы других хотя и необходим, но не есть молитва и не заменяет молитвы. Во-вторых, смешанное свое понятие Хомяков изложил в кощунственных, не приличных верующему православному Христианину»⁴⁶.

Аксаковская оценка роли Толстого в жизни Гоголя противоречит целому ряду фактов: именно Толстой незадолго до смерти Гоголя настоятельно упрощал писателя следовать указаниям врачей и отказаться от чрезмерного поста. Супруги Толстые даже сами прервали великопостное говение, что для людей, строго придерживавшихся церковных установлений, было существенным поступком. Кроме того, Толстой обратился к глубоко уважаемому Гоголем митрополиту Московскому Филарету с просьбой повлиять на автора «Мертвых душ» архипастырским авторитетом⁴⁷.

Правильнее было бы поставить вопрос о влиянии Гоголя на Толстого. Еще в заграничной переписке Гоголь выступал в роли духовного наставника, определяя Толстому круг чтения, регламентируя меру воздержания, настаивая на строгом исполнении всех предписаний. «Все же, что ни говорил я относительно Великого поста и предстоящих вам подвигов говения и пощения, — писал Гоголь в марте 1845 г. Толстому из Франкфурта, — выполните с буквальной точностью, как бы она не казалась вам ненужною или не идущую к делу... Помещайте в ваших письмах статьи, результаты разговоров, слушаний, чтений и наконец результаты душевные ваши»⁴⁸. Гоголь вообще любил выступать в роли учителя.

Толстой внимательно относился к наставлениям писателя, выполняя их старательно, хотя и без особого успеха. «Говение, между прочим, никому из нас не удастся без Вашего посредства никто не умеет к священному подступиться... В порядочные минуты я с женой или один читаю. Духовное еще не очень, увы, совсем даже не действует на меня» — писал в ответном послании Гоголю граф⁴⁹.

Однако степень и продолжительность влияния Гоголя на Толстого не следует преувеличивать. Уже в 1847 г. Гоголь отказывался признать себя учителем Толстого. Когда у о. Матфея Константиновского возникли подозрения о воздействии Гоголя на духовную жизнь графа, писатель сообщал: «Может быть вы опасаетесь какого-нибудь влияния с моей стороны на Александра Петровича (опасение очень естественное для вас, так его любящего!), а потому долгом считаю известить вас, что он теперь не со мной. Я давно уже не видал его»⁵⁰. Действительно, со временем содержание и тон переписки Гоголя и Толстого меняется: вопросы аскетической практики в них постепенно пропадают.

Напротив, тема судеб России не сходит со страниц их писем. Что Гоголь действительно считал необходимым и в чем искренне был убежден, так это в необходимости возвращения Толстого на государственную службу. «Я старался подвигнуть его на деятельность, — писал он в том же ответе о. Матфею, — и на взятие должности внутри России, мысля, что должность, взятая в смысле поприща для подвигов христианских, может дать пищу душе его. К этому побуждала меня и любовь к родине, которая страдает много оттого, что слишком мало в ней таких должностных людей, которые заключали бы в себе все качества и способности Александра Петровича»⁵¹. По завету ли Гоголя или нет, но с началом царствования Александра II Толстой возвратился к государственной деятельности.

В мае 1855 г. он оказался во главе Нижегородского ополчения, сформированного в связи с тяжелым положением страны и армии во время Крымской войны. После падения Севастополя ополчение было присоединено к резервным частям армии, необходимость в Толстом отпала, но граф был оставлен на службе. Вскоре административные способности Толстого оказались востребованы в полной мере — в 1856 г. он был назначен на пост обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода.

Эта должность считалась вакантной со времени смерти в 1855 г. занимавшего ее два десятка лет графа Н.А. Протасова. Исправляющим должность обер-прокурора был определен директор Духовно-учебного управления А.И. Карасевский, неоднократно замещавший часто болевшего в последние годы Протасова. Однако до своей кончины в 1856 г. Карасевский так и не стал полноправным руководителем ведомства.

За долгие годы пребывания Протасова на посту обер-прокурора в церковной среде накопилось серьезное недовольство методами его деятельности. «Знаменитый в летописях синодального управления граф Протасов был, как известно, самым полным выразителем обер-прокурорского преобладания в делах Синода, и в 1856 г. молва о нем еще гремела и разносила во все концы

России вести о разных характеристических проявлениях его самовластия», — вспоминал в свое время государственный контролер Т.И. Филиппов⁵². Воцарение Александра II порождало надежды на перемены, в том числе и в церковных делах. Император, по видимому, сочувствовал подобным настроениям. Митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) новый монарх прямо сказал, что «назначением графа Толстого в обер-прокуроры он желал усилить Церкви»⁵³.

Личность Толстого, его взгляды на устройство церковной жизни были известны. Митрополит Филарет называл его «человеком благочестивым и благонамеренным»⁵⁴. Тот же Филиппов писал: «Назначение графа Александра Петровича обер-прокурором... при всей своей неожиданности никого не изумило, напротив, всем показалось совершенно естественным: так успел уже сложиться и отпечататься в общем представлении вполне соответствовавший этому назначению его нравственный образ»⁵⁵.

Толстой, конечно, был не единственным известным радетелем церковных интересов. Были и другие, как, например, известный духовный писатель А.Н. Муравьев, служивший одно время в синодальном аппарате, но оставивший службу из-за разногласий с Протасовым. Эта кандидатура устраивала иерархов, но имевший не очень высокий чин Муравьев не мог занять столь серьезную должность. «Андрей Николаевич, — писал митрополит Филарет, — по своим познаниям и по расположению духа мог бы нам быть полезен, если бы для нас был употреблен, но едва ли найдут сие удобным. Покойный граф [Протасов] пришел к нам полковником и нашел подчиненных не выше коллежского или много статского советника. Теперь тут есть тайные советники, а Андрей Николаевич только статский советник»⁵⁶.

Помимо соответствующего чина Толстой обладал опытом административной работы и, что немаловажно, связями в придворных кругах. Искренне интересовалась вопросами церковной жизни Императрица Мария Александровна, отличавшаяся глубоким благочестием. Большим доверием императрицы пользовалась А.Н. Мальцева, родной брат которой, князь С.Н. Урусов, приходился свояком младшему брату А.П. Толстого — Егору Петровичу.

В дружеских отношениях с царской четой состояла известная Т.Б. Потемкина. Пережив духовный переворот в молодости, Татьяна Борисовна в петербургском обществе имела репутацию человека, углубленного в духовную жизнь. Ее дом был приютом для разного рода «странников» и «убогих», устраивались приемы для духовенства. Потемкина, из-за ее влияния при дворе, считалась устроительницей церковных дел, зачастую весьма важных. С Толстым ее связывало достаточно близкое родство: Потемкина и супруга графа были двоюродными сестрами.

Для самого Толстого возвращение на государственную службу было, по всей видимости, вызвано не только и даже не столько карьерными соображениями. Конечно, новое царствование открывало опытному чиновнику определенные перспективы, но Толстой, похоже, руководствовался еще и желанием реализовать свои замыслы в области устройства церковно-государственных отношений. Во всяком случае, в церковно-общественных кругах с именем нового обер-прокурора связывались ожидания значительных перемен. Н.П. Гиляров-Платонов писал А.В. Горскому в октябре 1856 г.: «Если графу А[лександр] П[етров]ичу будет совершенная свобода в действиях, если не приведет его в уныние личный состав нашего высшего духовенства... положению духовенства и духовного просвещения в России, мне кажется, придется вступить в новую эру, принять характер, какого не имели они со времен патриарха Филарета...»⁵⁷.

Официальное назначение Толстого состоялось 20 сентября 1856 г., а вступил он в должность 31 октября⁵⁸. К церковному управлению граф присту-

пил, оставшись военным: в декабре 1856 г. Толстой был произведен в генерал-лейтенанты.

Насущной задачей нового обер-прокурора стало оздоровление работы аппарата синодальных подразделений. Синодальное чиновничество пользовалось дурной репутацией. «Страшный хаос», «неспособность», «взятничество» — вот эпитеты, употреблявшиеся современниками для характеристики делопроизводства в ведомстве⁵⁹. Дела из канцелярии не поступали на рассмотрение Синода и не исполнялись чуть не десятками лет⁶⁰. Исправить ситуацию было весьма сложно, поскольку бороться предстояло не с отдельными недостатками, а с прочно укоренившейся порочной системой, охватывавшей весь синодальный аппарат вплоть до высших чиновников. Начальник III отделения князь В.А. Долгоруков, характеризуя состояние «главного духовного управления», пессимистично заключал: «... повсюду он [обер-прокурор] будет встречать тайное противодействие со стороны ближайших своих сотрудников — директоров департаментов и канцелярий. Находясь с давних пор в ведомстве они, несомненно, будут всеми средствами поддерживать прежнюю ими же принятую систему»⁶¹.

Не сразу удалось новому обер-прокурору приступить к необходимым кадровым перестановкам. Усилия Толстого более года были направлены на замещение целого ряда должностей, как писал один из крупных синодальных чиновников того времени, «людьми, лично ему известными своими служебными и нравственными качествами»⁶². Со временем ему удалось произвести значительные перемены и сформировать собственную команду сотрудников.

Вторым лицом в ведомственной иерархии после обер-прокурора считался директор Духовно-учебного управления. Занимавший этот пост тайный советник К.С. Сербинович обладал большим опытом работы в синодальных структурах, но может быть именно поэтому и не подходил новому руководителю в качестве ближайшего помощника. Толстой инициировал перевод Сербиновича в комиссию по принятию прошений на Высочайшее имя. Несмотря на отсутствие свободной вакансии, обер-прокурор добился назначения Сербиновича в комиссию сверх штата с сохранением прежнего жалования. Правда, для этого пришлось задействовать собственные средства Синода. Жалование новому члену комиссии прошений стали выплачивать из капитала Духовно-учебных заведений и капитала синодальных типографий⁶³.

На время отсутствия Толстого его обязанности должны были возлагаться на директора духовно-учебного управления. Для графа было весьма важно иметь на этом посту доверенного человека, поскольку значительное время обер-прокурору приходилось проводить в Москве. Жена Толстого графиня Анна Григорьевна не стала переезжать в Петербург, дом Толстых продолжал оставаться в древней столице.

На место Сербиновича был назначен князь Урусов, входивший в круг родственников Толстого. Обер-прокурор был настолько заинтересован в назначении Урусова, служившего до этого в одном из московских департаментов Сената, что исходатайствовал для него досрочное производство в чин действительного статского советника, необходимый для директорской должности. Урусов стал для Толстого не просто первым из подчиненных, но настоящим соратником, товарищем, своеобразным *alter ego* обер-прокурора.

Толстой мог спокойно уезжать в Москву, Урусов замещал его по несколько месяцев в году. Современники даже говорили о «летнем и зимнем» обер-прокурорах и при этом находили существенные различия в их политике. Но по синодальным делам прослеживается единство деятельности Толстого и Урусова при не только формальном но и реальном первенстве и контроле обер-прокурора. Урусов постоянно держал Толстого в курсе дел и испрашивал указаний в сомнительных случаях. За время службы под руководством Толстого Урусов приобрел репутацию специалиста по церковным делам и даже рассматривался в качестве преемника графа, но впоследствии покинул синодальную службу и возглавил II Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Труды по упорядочению синодального делопроизводства были возложены на действительного статского советника П.И. Саломона, приглашенного Толстым с должности директора канцелярии Государственного контроля. Интересно, что Саломон первоначально был просто причислен к канцелярии обер-прокурора сверх штата. Для ознакомления со спецификой работы церковных структур новый чиновник был отправлен в длительную командировку по епархиям. По возвращении Саломон был назначен управляющим канцелярии Святейшего Синода, сменив тайного советника Я.А. Позняка, ставшего сенатором.

На этом посту Саломон провел комплекс серьезных мероприятий, направленных на искоренение злоупотреблений и оптимизацию канцелярской работы. Началась настоящая чистка личного состава синодальных подразделений, вводились новые штаты, перераспределялись обязанности служащих, менялись формы делопроизводства. Новый управляющий не только контролировал работу подчиненных, но и лично выполнял ряд их обязанностей. «Я посвящаю все время службе, исправляю то, что подается мне в неудовлетворительном виде, а некоторые дела обрабатываю сам», — отчитывался Саломон перед своим начальником⁶⁴. Не все намерения управляющего синодальной канцелярией были реализованы, но его деятельность заслужила одобрение не только обер-прокурора, но и иерархии. После ухода в 1864 г. из Синода Саломон, как и его предшественник, стал сенатором.

Нашлись подходящие кандидатуры и среди прежних сотрудников синодального аппарата. Среди них — назначенный в 1858 г. юристконсульт И.И. Полнер, работавший в Синоде с 1854 г., А.Ф. Тюрин, при Толстом ставший прокурором Грузино-Имеретинской синодальной конторы, а затем директором канцелярии обер-прокурора. Графу удавалось подбирать действительно способных людей. Эти выдвигенцы Толстого в свое время пополнили Сенат.

Некоторые ближайшие помощники обер-прокурора практически не имели опыта административной работы. Так, чиновником по особым поручениям был назначен упоминавшийся Филиппов, служебная карьера которого ограничивалась должностями учителя словесности и секретаря Басманного отделения дамского попечительства о бедных в Москве. Филиппов, уроженец Ржева, познакомился с Толстым в начале 1852 г. в Москве. В доме Толстых в это время находился о. Матфей Константиновский, приехавший к Гоголю. Филиппов считал необходимым навестить отца Матфея, которого близко знал по родному городу, и сдружился с графом. «Пленник моей набожности, — писал Филиппов

о Толстом, — даже не садился без меня обедать»⁶⁵. За годы знакомства укрепилась схожесть в их умонастроениях, стремлении к благочестивой жизни. При назначении Толстого обер-прокурором Филиппов выразил готовность служить под его началом, единомышленник стал ценным сотрудником, верно и добросовестно выполнявшим свои обязанности. Служба в Синоде открыла Филиппову путь к высшим государственным должностям — вершиной его карьеры стал пост Государственного контролера.

Еще одним соратником Толстого можно назвать К. Зедергольма. Как и Филиппов Зедергольм был давним знакомым Толстого и его единомышленником. Назначение Толстого обер-прокурором побудило Зедергольма поступить на государственную службу. Как и Филиппов, он стал верным помощником Толстого, со временем получив ту же должность чиновника по особым поручениям, но в отличие от будущего Государственного контролера сразу после отставки Толстого принял монашество в Оптиной пустыни.

Оптинские старцы вообще играли достаточно заметную роль в жизни и деятельности Толстого и некоторых его приближенных. Возможно, интерес графа к Оптиной пустыни был обусловлен его дружбой с Гоголем, который высоко ценил духовный опыт и наставления старца иеросхимонаха Макария (Иванова). Отец Макарий также был наслышан о благочестии Толстого и с радостью узнал о его назначении. В постоянной переписке со старцем Макарием состоял К.К. Зедергольм, который не только сообщал в Оптину о своих служебных делах, но и по поручению Толстого просил разъяснения некоторых богословских вопросов⁶⁶. Время от времени посещал Оптину пустынь Филиппов, также прибегавший к советам старца Макария⁶⁷.

Соломон, получив назначение в Синод, тоже посетил Оптину пустынь в поисках наставлений по личным и служебным делам, вероятно по совету Толстого и Зедергольма. Тесная связь между синодальными чиновниками и Оптиной пустыней не была секретом для современников, говорили даже о регулярных телеграфных обращениях обер-прокурора в обитель. Таким образом, Гиляров-Платонов имел достаточные основания отнести Толстого к «оптинским христианам» не только по духу, но и фактически.

Укорененность Толстого в церковной жизни не могла не отразиться на характере взаимоотношений Синода и обер-прокурора. Соотношение полномочий иерархии и представителя правительства было одной из ключевых проблем церковно-государственных отношений синодального периода. Филиппов характеризовал позицию Толстого в этом вопросе так: «главным его побуждением принять на себя звание обер-прокурора была именно мысль и надежда ввести это звание в свойственные ему пределы и установить между ним и между собственно церковною властью те естественные отношения, которые указываются для них самым характером призвания иерархии и наблюдающего за их действиями, с государственной точки зрения лица»⁶⁸.

Однако такое убеждение Толстого не исключало возможности лоббирования обер-прокурором собственных соображений по тем или иным церковным вопросам. Готовность Толстого отстаивать свое мнение проявилась с первых дней его вступления в должность в деле о переводе Священного писания на русский язык.

Очередной этап в длительной истории русского перевода Библии, начавшейся еще в царствование Александра I, наступил как раз в 1856 г., когда сессия Синода проводилась в Москве в связи с коронационными торжествами. На последнем заседании было принято решение о возобновлении работ по переводу, проект соответствующего синодального определения было поручено составить митрополиту Московскому Филарету (Дроздову). Подготовленный проект 14 сентября был отправлен в Синод для утверждения, а только что

назначенный обер-прокурором Толстой получил копию документа при личной встрече с митрополитом в Москве.

Граф Толстой не относился к числу убежденных сторонников перевода. Он считал необходимым учитывать при переводе Священного Писания позицию греческой Церкви. По мнению обер-прокурора, без предварительного согласования с греками невозможно будет использовать для создания русской Библии еврейский текст книг Ветхого Завета, поскольку «греческая православная церковь признает еврейский текст поврежденным». Граф всерьез опасался, что русская Библия на православном Востоке может быть объявлена еретической.

Отстаивая свою позицию, Толстой добился возобновления обсуждения вопроса о переводе. Ему было известно, что митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), не участвовавший в последних заседаниях Синода, являлся приверженцем славянского текста. Толстой сообщил, что обратится к киевскому владыке с предложением изложить его соображения официально.

Присланую ему записку митрополита Киевского обер-прокурор внес не в Синод, как того следовало ожидать, а представил императору с предложением вновь рассмотреть все аргументы за и против перевода. Недовольному таким нарушением порядка делопроизводства святителю Филарету (Дроздову) Толстой писал, что «не почитал себя вправе излагать собственное суждение», но полагал своей обязанностью заботиться о том, «чтоб никакое соображение, не оставалось в неизвестности пред Святейшим Синодом»⁶⁹.

Обсуждение целесообразности русского текста Священного Писания затянулось еще на год. Синодальное определение о начале работ по переводу священного Писания состоялось 24 января 1858 года. Однако соответствующий протокол был оформлен только 20 марта. Почти два месяца обер-прокурор пытался убедить Синод в необходимости обратиться к греческой Церкви. По поручению Толстого была подготовлена особая записка со всеми возможными аргументами. Зедергольм писал в Оптину пустынь: «если Синод на сии окончательные доводы не согласится, граф прибегнет, поневоле к последнему средству: обратится с этим к государю, и объявит Синоду высочайшее повеление сделать запрос об этом переводе, в Грецию»⁷⁰. Но на эту меру обер-прокурор все же не пошел и представил синодальное решение императору. 5 мая 1858 г. Александр II утвердил определение Синода.

Стремление к более тесному единению греческой и русской Церквей, выступившее главным побудительным мотивом действий Толстого в решении вопроса о переводе Библии, можно связать с его увлеченностью особенностями церковной жизни греческого православного мира. Интерес Толстого к православию на территории Османской империи был известен задолго до его вступления в должность. Возможно, его истоки следует искать в путешествиях Толстого в Константинополь и на Балканы в 1827 году.

Жизнь в Одессе, где находилась значительная греческая диаспора, вероятно способствовала формированию у графа пристрастия к традициям восточных церквей. Проживая в Москве в годы своей отставки, Толстой показал себя любителем греческого богослужения, сам бегло говорил и читал по-гречески. По словам святителя Филарета «граф Александр Петрович Толстой обнаруживал необыкновенно высокое мнение о греческой Церкви»⁷¹.

Вступив на пост обер-прокурора, Толстой почти сразу же обозначил проблему отношений с Восточными церквями в качестве одной из самых важных. Во всеподданнейшем отчете за первый год своей руководящей деятельности он писал: «Ревнуя о благе вселенской Православной Церкви, которой мы составляем отрасль, Святейший Синод выше всего ставит единение, в духе веры и любви, с матерью церкви нашей, великою Церковью Константинопольскою и

прочими Восточными Церквями, да ничто не нарушит сего взаимного священного союза»⁷². По некоторым сведениям этот пассаж был написан лично Толстым⁷³.

К середине XIX в. общение между русской иерархией и восточными патриархами осуществлялось только при посредстве и под контролем Министерства иностранных дел, и Синод вынужден был даже при решении протокольных вопросов учитывать внешнеполитический курс правительства. Так в 1853 г. известительное послание об избрании на Константинопольскую кафедру нового предстоятеля осталось без положенного ответа Синода, поскольку император Николай I счел патриарха Анфима VI проанглийски настроенным.

Толстой всерьез озаботился проблемой восстановления отношений между Синодом и Вселенским патриархом: «Граф Александр Петрович, — вспоминал Филиппов, — возымел намерение положить конец такому неправильному и для иерархии сколько стеснительному, столько же и обидному порядку сношений между единоверными церквями»⁷⁴. Уже в январе 1857 г. Толстой испрашивал аудиенцию у императора для личного доклада по этому вопросу. Его обращение к монарху имело успех — Александр II соизволил, «чтобы со стороны Святейшего Синода возобновлены были сношения с ... святейшим патриархом Константинопольским»⁷⁵.

Выполняя высочайшее повеление, Святейший Синод обратился к занимавшему с 1855 г. патриарший престол Кириллу VII с приветственным посланием, составленным в почтительном и любезном тоне. Ответ патриарха Константинопольского был вскоре получен: в характерном для греков цветастом стиле Кирилл VII благодарил Синод и выражал уверенность в дальнейшем укреплении братской любви и общения между Церквями⁷⁶.

Казалось, что цель Толстого достигнута. Однако его намерения оживить отношения Русской Церкви с Константинополем не встретили активной поддержки синодалов. Святитель Филарет прямо писал, что «при виде неустойчивости в греческой иерархии небезопасно было войти прямо в официальные сношения в имеющихся в виду церковных вопросах, чтобы вместо укрепления единомыслия не впасть в явное разномыслие»⁷⁷.

Реакция иерархии сильно огорчила Толстого. «Живо помню я, — писал Филиппов, — и то глубокое огорчение, к которому он, очевидно, не готовился и, которое, однако, ему пришлось изведать, когда, получив Высочайшее разрешение составить и поднести Государю Императору соображение о порядке непосредственных сношений Святейшего Синода и восточными патриархами, он сообщил об этом кому следовало, и, вместо ожидаемой им радости о таком великом успехе, встретил полное равнодушие к делу и сомнение в необходимости и пользе его предприятия»⁷⁸.

И снова обер-прокурор, как и в деле с переводом Священного Писания, выяснив, что его инициатива не поддерживается Синодом, не стал навязывать свое мнение. В этом Толстой существенно отличался от своего предшественника на посту обер-прокурора. Протасов не стеснялся добиваться реализации своих замыслов в обход Синода, а синодальные решения оставлял без исполнения. Святитель Филарет (Дроздов), писал о том периоде А.Н. Муравьеву: «При Синоде с некоторого времени возгосподствовал произвол обер-прокурора, по которому он решения Синода останавливает на сколько времени хочет или и совсем оставляет без действия»⁷⁹.

Поворот в отношениях обер-прокурора и Синода вполне соответствовал и политической культуре нового царствования с его либерализацией общественной жизни. Неудивительно, что после назначения Толстого обер-прокурором, в околоцерковной среде возникли ожидания скорых перемен в системе церковно-государственных отношений. К этому времени относится появление

целого ряда проектов преобразований в церковной жизни: выдвигаются предложения о необходимости созыва Поместного собора, реформы высшего церковного управления, системы духовного образования, обсуждается положение православного духовенства. Эти проекты в виде записок, мнений и отзывов имели широкое хождение в обществе. Среди авторов были как светские деятели, так и архиереи, писатели и публицисты, высшие сановники и диссиденты.

Один из проектов по реорганизации обер-прокуратуры Муравьев в марте 1857 г. направил обер-прокурору и членам Синода: Его записка получила одобрение и поддержку Первенствующего члена Синода митрополита Петербургского Григория (Постникова) и императорского духовника протопресвитера В. Бажанова. Реакция Толстого была сдержанней: «записка по своей важности требует внимательного прочтения, — отвечал он Муравьеву, — и, без сомнения, потребует также немало времени для соображения и справок»⁸⁰. Когда же отрицательное отношение к проекту высказал митрополит Филарет (Дроздов), Толстой и вовсе отказался включать проект в разработку: стал медлить с ответом Муравьеву, несколько раз редактировал его, и в конечном итоге ограничился несколькими любезными письмами с уверением в готовности всесторонне изучить записку и проект и сдал дело в архив.

Даже идею созыва Поместного собора, которую Толстой в принципе не отвергал, обер-прокурор не взялся разрабатывать. Записка о Соборе была передана Толстому по воле императрицы Марии Александровны. Оставить без внимания такой документ обер-прокурор не мог, но в своем отзыве назвал созыв Собора слишком серьезным делом, требующим тщательной подготовки. Похоже, реформы в сфере церковного управления не увлекали Толстого.

Но это не означало, что Толстой был принципиальным противником преобразований в церковной сфере. Именно благодаря обер-прокурору началась подготовка реформы системы духовного образования и воспитания. Знакомство Толстого с материалами ревизии Духовных школ стало поводом для соответствующего синодального определения. Подготовка к реформе велась ближайшими доверенными сотрудниками графа. В 1858 г. во Францию для сбора сведений о системе духовного образования был командирован чиновник особых поручений Н.А. Сергиевский, а Соломон с той же целью ездил в Грецию. Урусов ознакомился с реалиями семинарской и академической жизни. Были запрошены мнения епархиальных архиереев и ректоров академий и семинарий. Филиппов свел воедино поступившие предложения. Тот же Филиппов в 1860 г. был назначен делопроизводителем синодального комитета, созданного для разработки новых уставов духовно-учебных заведений. И хотя основные мероприятия реформы были осуществлены после ухода Толстого с поста обер-прокурора, его можно с полным правом назвать одним из отцов пореформенной духовной школы.

В своей деятельности Толстой старался не допускать снижения церковного влияния на общественную и государственную жизнь. Особенно ярко это проявилось в деле о методах противодействия расколу.

В конце 1857 г. великий князь Константин Николаевич, назначенный членом Секретного комитета по делам раскола, выступил с предложением отказаться от мер принуждения по отношению к раскольникам, перейдя к постепенной легализации старообрядчества. Понимая, что Синод вряд ли согласится с этим, великий князь счел необходимым отстранить Церковь от участия в разработке мероприятий, касающихся проблемы раскола. Предполагалось упразднить Секретный комитет, объединявший иерархию и представителей правительства, а его дела передать государственным органам.

Активность великого князя всерьез обеспокоила обер-прокурора. Толстой был убежден в правильности прежнего правительственного курса, направлен-

ного на дискриминацию старообрядцев. В противодействии попыткам ослабить давление на раскол, обер-прокурор действовал в единстве и согласии с Синодом. Толстой решил ввести в курс дела митрополита Московского Филарета, который, не являясь членом Секретного комитета, не мог знать о возможном изменении правительственной политики в делах раскола. Будучи в Москве, Толстой проводил консультации со святителем, митрополит начинал готовить систему аргументов и контрпредложений.

Предложения Константина Николаевича обсуждались в Совете министров 10 и 24 апреля 1858 года. Зедергольм писал старцу Макарию накануне решающего заседания: «кажется все или многие против графа и за раскольников. Сегодня многое будет решено. Граф идет на бой с Конст. Ник. и озабочен — помолитесь батюшка, чтобы Господь помог правому делу и Православию»⁸¹.

В результате обер-прокурору все же удалось доказать, что «... правительство может и должно противодействовать расколу и что подобные правительственные меры и прежде достигали своей цели и вполне законны»⁸². По итогам заседаний Совета министров император «изволил указать, что в изменении ныне действующей системы надобности не представляется»⁸³.

Отношение графа к проблеме старообрядческого раскола полностью соответствовало настроениям иерархии. Отстаивая церковную позицию, обер-прокурор не побоялся вступить в конфликт с одним из влиятельнейших правительственных деятелей и братом императора. Святитель Филарет, выражая признательность Толстому за его ревность о православии, писал: «Благодарение Богу и благочестивейшему Государю, что сим решением охранено духовное управление от крайнего затруднения и расстройства»⁸⁴. «Подвизающимся об истине», назвал Толстого старец Макарий⁸⁵.

Еще более непреклонным защитником церковных прерогатив показал себя обер-прокурор при подготовке бюджетной реформы. Новые принципы организации бюджетной системы включали в себя требование о полном сосредоточении финансовой ревизии в ведении органов Государственного контроля. На протяжении нескольких лет, с февраля 1859 г. до своей отставки в марте 1862 г., Толстой при постоянном содействии митрополита Филарета последовательно отстаивал принцип невмешательства государства в денежные дела Церкви.

Относительно просто оказалось добиться исключения из компетенции Государственного контроля пожертвований и доходов от недвижимости, поступавших в монастыри и приходские церкви. Обер-прокурор организовал подготовку мнения Синода о негативных последствиях участия чиновников в сборе пожертвований, и уже на первых этапах разработки реформы, в мае 1859 г., местные церковные средства были признаны не попадающими под общие правила о финансовом контроле.

Сложнее обстояло дело с финансами, находившимися в распоряжении Святейшего Синода. На протяжении нескольких месяцев, с октября 1859 по январь 1860 г., сотрудники Толстого пытались не допустить передачи в казначейство капиталов, сформировавшихся от деятельности синодальных типографий: разработчики реформы настаивали на государственном происхождении этих средств. Обер-прокурор требовал признать все вообще синодальные финансы находящимися вне государственной компетенции, отказывался подписывать журналы заседаний готовившей реформу правительственной комиссии, обращался с докладами к императору, привлек мнение митрополита Филарета — словом, развернул настоящую агитацию в защиту церковных средств. Типографский капитал оставили в полном распоряжении Синода, однако на завершающем этапе подготовки реформы настоящая борьба развернулась по казалося бы незначительному вопросу.

Государственный бюджет должен представлять все без исключения средства и потребности государственные — такой принцип был положен в основу бюджетной реформы. Это означало, что правительством будут контролироваться все расходы на государственные нужды: и бюджетные, и поступающие из внебюджетных источников. Информацию о состоянии синодальных капиталов тоже считалось необходимым иметь в виду при составлении общегосударственного бюджета, для чего предполагалось ежегодно предоставлять такие сведения в Государственный совет.

Еще при подготовке проекта новых бюджетных правил Толстой решительно выступил против этого предположения. Однако мнение обер-прокурора было отвергнуто комиссией в весьма категоричной форме. В июне 1861 г. император утвердил мнение комиссии, и проект был направлен в Государственный совет для окончательного рассмотрения. Но обер-прокурор не отступил и перед монархом: он подал особое мнение в департамент экономии Государственного совета и нашел там сторонников своей позиции, подключил к обсуждению вопроса Московского митрополита с его авторитетом, влиянием и компетенцией, и, вероятно, использовал все возможности неформального воздействия на царя. Так или иначе, церковная позиция восторжествовала: особым высочайшим повелением 14 марта 1862 г. синодальные капиталы остались в исключительном ведении Синода.

Позиция Толстого принципиально расходилась с правительственным курсом и в политике по отношению к православной церкви на Востоке. Церковные дела всегда были неотъемлемой составляющей пресловутого «восточного вопроса». После поражения в Крымской войне Россия утратила прежнее влияние на дела восточной Церкви. Тем не менее внутренние проблемы православного Востока позволяли России участвовать в делах Османской империи.

В конце 1850-х гг. стремление болгар к церковной автономии вылилось в серьезный конфликт с Константинопольским патриархатом, известный под названием «греко-болгарской распри». Обе стороны конфликта поставили вопрос о вмешательстве России. Россия всячески поддерживала национальное возрождение славянских народов в том числе и в церковных делах. Правительство и сам царь склонялись к поддержке болгар: «Православная Церковь должна убедить патриарха признать автокефалию», — писал Александр II ⁸⁶.

Однако с церковной точки зрения поведение болгар, отказывавшихся от подчинения Константинополю, могло привести к расколу. Поддержка их стремлений к автокефалии со стороны Синода была сомнительна и бесперспективна, на что обращал внимание митрополит Филарет (Дроздов).

Канонический аспект проблемы был конечно очевиден для укорененного в церковной жизни и озабоченного проблемой православного единения обер-прокурора. Толстой как и в делах с расколом и церковными капиталами привлек авторитет святителя Филарета Московского, обширная переписка с которым составила отдельный том опубликованных мнений митрополита. Граф подготовил для императора обстоятельный доклад, в котором, отстаивая церковную позицию, привел и ряд политических аргументов. Обер-прокурор обратил внимание монарха на реальную опасность церковного разрыва с восточными патриархами и окончательной утраты влияния на Константинополь. Александр II, судя по его замечкам на докладе, не согласился с рядом тезисов Толстого. И все же, благодаря активной позиции графа, Синоду удалось избежать участия в канонически небезупречном вмешательстве во внутренние дела Константинопольского патриархата.

Во всей своей деятельности на посту обер-прокурора Толстой исходил из соображений церковной пользы. Его мнение могло не совпадать с позицией епископата, но в благих намерениях графа сомнений не возникало. «Дела раз-

деляют иногда наши мнения, — писал митрополит Филарет Толстому, — но милость Господня да сохранит нераздельными наши сердца в желании правды и блага и мира православной церкви»⁸⁷. Сам Толстой при возникновении разногласий с синодалами обычно уступал, да и в спорах между иерархами не выступал в роли арбитра. Искренне стремясь к единению с духовенством, он оценивал себя лишь как «мирянина, поставленного в соприкосновении с церковными делами»⁸⁸.

Такая позиция, конечно, полностью удовлетворяла Синод: «Господь да спасет графа Александра Петровича, — писал своему духовнику митрополит Московский. — Он, уважая митрополита, уступает его мнению, когда имеет свое. Так теперь вызываются (в Синод. — Ю.Б., А.Ф.) желаемые митрополитом, тогда как вместо некоторых граф предложил бы других»⁸⁹. Действия графа тоже, как правило, одобрялись иерархами: «Он (А.П. Толстой. — Ю.Б., А.Ф.), — писал Санкт-Петербургский митрополит Григорий к митрополиту Филарету, — помогает нам, при всем затруднении, так много, что покойный граф (Н. А. Протасов. — Ю.Б., А.Ф.) едва ли бы решился так много действовать в нашу пользу. Мы весьма счастливы, что он у нас»⁹⁰. Служба в качестве обер-прокурора не изменила умонастроений Толстого. Он сохранил репутацию глубоко церковного человека. «... душевно радуюсь, иметь такого начальника, — писал Зедергольм о графе, — благочестивого, преданного Церкви»⁹¹.

«Поборник православия» — такой эпитет прилагал к графу преподобный Макарий Оптинский⁹². Насколько оправдана подобная характеристика, ведь значительных изменений в положении Церкви и духовенства в обер-прокуратство Толстого не произошло, а личное благочестие само по себе не может служить критерием административной деятельности?

Во-первых, ряд мероприятий, осуществленных за время пребывания Толстого на посту обер-прокурора, все же не могли не отразиться на дальнейшем течении церковной жизни. Окончательное решение вопроса о переводе Священного Писания на русский язык, которому граф не стал противодействовать, хотя и придерживался иного мнения, стало одной из важнейших вех в истории Русской Церкви синодального периода. Впервые со времен царя Алексея Михайловича стал слышен голос Церкви при определении политики правительства в Восточном вопросе. Начавшийся при Толстом пересмотр системы духовного образования стал первым шагом к масштабной реформе духовно-учебных заведений 1867—1969 годов.

Во-вторых, во всей деятельности Толстого прослеживается четкая система взглядов на церковно-государственные отношения в России. В этих взглядах находилось место и принципам церковной автономии и пресловутой «симфонии» Церкви и государства. Защищая церковные капиталы, Толстой четко разграничивал систему церковного управления и государственные учреждения: «... невозможно и самый Синод, или соборное управление Церковью, ставить в одной категории с министерствами и главными управлениями»⁹³. «Русская Церковь, — писал Толстой, — со времени преобразований Петра I, слывет у всех недоброжелателей ея (в том числе и у раскольников) поработенную светской власти; но до сих пор большинство русского народа не давало этому веры, именно потому, что между представителем патриарха, то есть Святейшим Синодом и Государем не было никаких посторонних посредников... Царь помазанник являлся как бы естественным природным защитником Церкви»⁹⁴.

Рисуя «живое нравственное единение, в котором духовная часть пребывала у нас всегда с гражданской»⁹⁵, Толстой отмечал, что «Россия есть единственное государство в Европе, в котором и правительство и народ вполне признают, что “несть власть, аще не от Бога”. Государь всю законность свою получает от церковного помазания»⁹⁶.

Таким образом, сакральность власти и священная обязанность блюсти церковные интересы, как суть православной монархии, были для Толстого не только пафосными выражениями, но руководящим принципом в осуществлении обязанностей обер-прокурора. С учетом его административного опыта и политического веса можно говорить, что граф Толстой представлял собой идеального обер-прокурора в рамках синодальной модели церковно-государственных взаимоотношений.

Однако даже ему не удалось достичь полного взаимопонимания и единства с Синодом. Обер-прокурор нашел высшее духовенство «слишком бездразновенным перед светской властью»⁹⁷. Корректное отношение к членам Синода Толстой видимо полагал достаточным условием для активизации иерархии в общественной и духовной жизни страны. Однако даже самые инициативные представители епископата а priori негативно относились к самому институту обер-прокуратуры и искали пути обновления системы церковно-государственных отношений. Епископ Агафангел (Соловьёв), известный своими выступлениями против участия государства в управлении Церковью, писал, что даже самый благочестивый обер-прокурор не способен по-настоящему понять церковные проблемы, поскольку не принадлежит к духовенству. Наладить тесное взаимодействие Толстому удалось лишь со святителем Филаретом Московским.

Взгляды обер-прокурора на церковно-государственные отношения не соответствовали и основным направлениям правительственного курса. Хотя Толстому и удавалось отстаивать свою позицию, он не встречал одобрения ни в среде высшей бюрократии, ни у императора. Кроме того, прямым руководителем церковной политики оставался монарх. Даже в вопросах церковного управления мнение обер-прокурора могло игнорироваться. Так назначение Первенствующим членом Синода митрополита Исидора (Никольского) в 1860 г. произошло вопреки желанию Толстого. После смерти Петербургского митрополита Григория (Постникова), граф с митрополитом Филаретом представили по поручению императора характеристики на четырех возможных кандидатов на эту должность. Именно митрополит Исидор был назван ими в качестве наименее подходящего кандидата. По слухам, в пользу Исидора выступили близкий к Александру II князь А.И. Барятинский и царский духовник протопресвитер В. Бажанов⁹⁸.

Нарушением прерогатив обер-прокурора выглядела и подготовка проекта церковных преобразований министром внутренних дел П.А. Валуевым, начатая летом 1861 года. Санкция императора на разработку реформ была получена с условием предварительного согласования основных идей с митрополитом Московским. Но с обер-прокурором инициатива Валуева не обсуждалась, он даже не был о ней извещен.

Толстой был недоволен вмешательством Валуева в сферу собственной ответственности. По этой причине, по мнению американского историка Г. Фриза, обер-прокурор покинул свой пост.

Отставку Толстого, действительно последовавшую в конце февраля 1862 г., связывали и с делом о контроле над синодальными капиталами. Так, например, один из корреспондентов епископа Курского Сергия (Ляпидевского), проезжая через Москву в середине февраля 1862 г., сообщал: «Он (Толстой. — Ю.Б., А.Ф.) окончательно уволен... Причина удаления графа из Св. Синода — отобрание от церквей и монастырей их капиталов; это новость, известная здесь всем и вовсе не составляющая секрета»⁹⁹. Это утверждение можно встретить и в современной литературе.

Решение об отставке Толстого было принято уже в начале декабря 1861 года. Тот же Валуев 6 декабря записал в дневнике планы кадровых перестано-

вок, озвученные Александром II, среди которых назначение обер-прокурором вместо Толстого увольняемого министра народного просвещения Е.В. Путятина. 15 декабря отставку Толстого констатирует близкий ко Двору В.А. Муханов.

Слухи об увольнении Толстого возникали неоднократно. Весной 1858 г. об этом писал Зедергольм¹⁰⁰. К октябрю 1861 г. относятся сведения о том, что Толстой надеялся быть назначенным заместителем Царства Польского, и решил оставить службу, когда его расчеты не оправдались. И все же решение об отставке Толстого в декабре 1861 г. выглядит неожиданным.

24 ноября 1861, за считанные дни до появления информации об увольнении, обер-прокурор в письме святителю Филарету разрабатывал долгосрочные планы по противодействию проекту Валуева. Еще 2 декабря сам Валуев сообщал московскому митрополиту о предполагаемом назначении Толстого в создаваемый, в соответствии с его проектом, комитет по делам духовенства. Похоже, решение об отставке было внезапным и принималось отнюдь не по инициативе самого Толстого.

С другой стороны, после этого решения Толстой более двух месяцев полноценно исполнял свои обязанности. Хотя преемник Толстого — харьковский губернатор А.П. Ахматов — был определен уже к 22 декабря, официальная отставка последовала 28 февраля 1862 года. Толстой сохранял свой пост, поскольку долго подбирали замену Ахматову в Харькове. Увольнение с поста обер-прокурора формально не означало окончания государственной службы графа. Толстой был назначен членом Государственного совета и награжден орденом Белого Орла.

Причины отставки следует искать не только в противостоянии Толстого и Валуева. «Главная причина удаления Гр[афа], — писал Зедергольм, — та, что общее направление министров не согласно с его убеждениями, и что потому ему в делах, касающихся Церкви приходилось быть свидетелем таких распоряжений, которых остановить не может, а ответственность за которые принять на себя не хочет»¹⁰¹. Похоже, что реформаторский курс царствования Александра II, ясно определившийся с отменой крепостного права, не приветствовался Толстым. «Мрачный граф А.П. Толстой, — писал Муханов в своем дневнике 19 февраля 1861 г. — ... в недоумении продолжать ли службу в настоящих обстоятельствах»¹⁰². Сомнения в правильности политического курса дополнялись, возможно, недовольством характером собственной деятельности, по роду которой ему приходилось постоянно конфликтовать с теми или иными правительственными деятелями, отстаивая церковные интересы, но оставаясь, при этом чужим для епископата. Толстой, как человек с глубоко церковным сознанием, не мог не понимать противоречивости своего положения.

В Государственном совете Толстой почти не работал, уже с мая 1862 г. он ушел в длительный отпуск, который фактически не прекращался до полного увольнения со службы в 1866 году. Одним из первых дел графа стало паломничество в Святую землю — интерес графа к восточному православию теперь мог быть реализован в полной мере. Симпатии были взаимными: при посещении Толстым Палестины в 1863 г. «почет ему был необыкновенный»¹⁰³.

Посещение Святой земли смягчило строгие аскетические взгляды Толстого. Считавший прежде, что нарушение поста не может быть оправдано никакими обстоятельствами, Толстой теперь отмечал, «что если бы и везде утверждено было правилом для монахов — не есть мясо, для Иерусалима, следовало бы сделать исключение, потому что здесь есть нечего»¹⁰⁴.

Основную часть жизни Толстой проводил в Москве, где продолжал поддерживать тот уклад жизни, который сложился еще до его назначения на пост обер-прокурора. Он сохранил озабоченность состоянием Церкви и духовенства,

интересовался ходом синодальных дел. «Для Русской Церкви настали времена гонений», — говаривал граф. С его точки зрения правительство все менее и менее считалось с церковными интересами, «а настоящий состав архиереев не таков, чтобы можно было ожидать пользы». Единственным защитником Церкви перед правительством Толстой называл митрополита Филарета: «владыка наш — последняя плотина: подними ее, воды хлынут, заревут и все потопят»¹⁰⁵.

О политической жизни Толстой отзывался с видимым отвращением. С большим трудом подвигая себя на необходимую поездку в Петербург, граф писал: «Поездка очень неприятная нравственно и физически... мундиры, явления, пустейшие вопросы и ответы»¹⁰⁶.

До конца жизни сохранялась связь графа с Оптиной пустыней. Он часто посещал обитель, иногда с гостями. В 1866 г. Оптина пустынь увидела сразу целый набор представителей восточных церквей: грека, сирийца, еврея и даже эфиопа. Толстой построил дом в обители, возможно намереваясь провести там остаток дней. Впоследствии он предоставил этот дом для жительства своему бывшему сотруднику и единомышленнику Зедергольму, в то время уже монаху Клименту.

Именно с о. Климентом (Зедергольмом) связаны последние часы жизни графа. Летом 1873 г. Толстой находился в Женеве, где тяжело заболел. Для «подания ему духовной помощи и для напутствования» отец Климент был в срочном порядке направлен в Швейцарию. «Это так скоро и неожиданно устроилось, что мне не дали и опомниться», — писал Зедергольм брату Максиму Карловичу. 18 июля иеромонах Климент прибыл в Женеву, а 21 июля граф Толстой мирно скончался. Тело почившего графа было перевезено в Москву и погребено в Донском монастыре¹⁰⁷.

История служебной деятельности графа Александра Петровича Толстого выглядит необычно. Регулярные переходы из одного ведомства в другое, пятнадцатилетний перерыв в карьере не помешали ему проявить себя деятельным и способным администратором. На высшем из достигнутых постов он старался последовательно проводить достаточно целостную политику, отвечавшую с его точки зрения и интересам Церкви и задачам государства. Хорошая репутация, которой отличался граф на всем протяжении службы, также может служить определенным показателем успеха его деятельности. Редко о каком государственном деятеле можно услышать слова: «легче становится жить после встречи с таким человеком, как граф Александр Петрович»¹⁰⁸.

Примечания

1. СМОЛИЧ И.К. История русской Церкви. 1700—1917. Т. 1. М. 1996, с. 164.
2. РИМСКИЙ С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М. 1999, с. 53; FREEZE G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton. 1983, p. 195—200; АЛЕКСЕЕВА С.И. Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений Российской империи. (1856—1904 гг.). СПб. 2003, с. 31—34.
3. ФИЛИППОВ Т.И. Воспоминания о Толстом. — Гражданин. 1874, № 4, с. 108—113; СЕЛИВАНОВ А. Граф Александр Петрович Толстой 3-й. — Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. СПб. 1906, с. 356—361; ШИЛОВ Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1801—1917. Биобиблиографический справочник. СПб. 2001, с. 658—659.
4. ВОРОПАЕВ В.А. Гоголь над страницами духовных книг. Московские друзья Гоголя. М. 2002, с. 65—78; ЕГО ЖЕ. Письма святителя Игнатия к обер-прокурору Святейшего Синода графу А.П. Толстому (предисловие); ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ), свт. Полное собрание сочинений. Т. 6. М. 2004, с. 748—761.
5. Письмо Алексея Толстого отцу. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 1845 (личный фонд Толстых), оп. 2, д. 1110, л. 3.

6. Сборник биографий кавалергардов, т. 3, с. 356.
7. Формулярный список графа А.П. Толстого. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. ДЛС и ХД, оп. 464, д. 3252, л. 11.
8. Там же, ф. СПб. Главный архив. I-1, оп. 781. 1827 г., д. 3, л. 15.
9. Формулярный список графа А.П. Толстого. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, д. 3252, л. 6.
10. Сборник биографий кавалергардов, т. 3, с. 357.
11. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, д. 3252, л. 17.
12. М.С. Воронцов — А.Х. Бенкендорфу 14 августа 1830. Архив князя Воронцова. Т. 35. М. 1889, с. 477—478.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1665 (личный фонд П.А. Толстого), оп. 1, д. 2, л. 8.
14. Там же, л. 9—10.
15. Сборник биографий кавалергардов, с. 357.
16. Гражданин. 1874, № 4, с. 111.
17. Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Саввы, архиепископа Тверского. — Богословский Вестник. Т. 1. 1899, № 2, с. 430.
18. СМЕРНОВА-РОССЕТ А.О. Дневник. Воспоминания. М. 1989, с. 224; Воспоминания Т.И. Филиппова. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1099, оп. 1, д. 98, л. 7.
19. К.В. Нессельроде — М.С. Воронцову 24 декабря 1837. Архив князя Воронцова. Т. 40. М. 1895, с. 224.
20. М.С. Воронцова — Д.Н. Блудову 4 марта 1838 г. Архив князя Воронцова. Т. 38. М. 1892, с. 311.
21. С.В. Сафонов — М.С. Воронцову 11 марта 1838 г. Там же, с. 320.
22. С.В. Сафонов — М.С. Воронцову 16 декабря 1838 г. Там же, с. 346.
23. Отчет военного губернатора о состоянии Одессы за 1838 г. РГИА, ф. 1281, оп. 3, д. 22, л. 3—10.
24. Там же, л. 47об.—48.
25. Там же, л. 6об.
26. С.В. Сафонов — М.С. Воронцову 16 декабря 1838 г. Архив князя Воронцова, т. 38, с. 362.
27. РГИА, ф. 1281, оп. 3, д. 22, л. 48об.
28. С.В. Сафонов — М.С. Воронцову 16 января 1839 г. Архив князя Воронцова, т. 38, с. 355.
29. С.В. Сафонов — М.С. Воронцову 29 января 1839 г. Там же, с. 358.
30. С.В. Сафонов — М.С. Воронцову 4 февраля 1839 г. Там же, с. 361—362.
31. РГИА, ф. 1281, оп. 3, д. 22, л. 1—19.
32. Архив князя Воронцова, т. 38, с. 369, прим. П. Бартенева.
33. РГИА, ф. 1281, оп. 3, д. 22, л. 19об.—23.
34. С.В. Сафонов — М.С. Воронцову 15 марта 1839 г. Архив князя Воронцова, т. 38, с. 375.
35. К.В. Нессельроде — М.С. Воронцову 21 февраля 1839 г. Там же, т. 40, с. 246.
36. А.И. Левшин — М.С. Воронцову 22 марта, 15 июня 1840 г. Там же. Т. 39. М. 1893, с. 163, 165.
37. Частично опубликованы (см.: Гражданин. 1874, № 4, с. 108—113). Неопубликованные варианты: ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, д. 74, л. 1—2.
38. Н.П. Гиляров — А.В. Горскому 4 октября 1856 г. Русское обозрение. 1896, № 12, с. 997.
39. БЕРГ Н.В. Воспоминания о Н.В. Гоголе. Русская старина. Кн. 1. 1872, с. 123.
40. ВОРОПАЕВ В.А. Гоголь над страницами духовных книг. М. 2002, с. 73.
41. ГОГОЛЬ Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 12. М. 1952, с. 372.
42. АКСАКОВ С.Т. История моего знакомства с Гоголем. М. 1960, с. 196.
43. ВОРОПАЕВ В.А. Гоголь и отец Матфей, с. 338—339.
44. АКСАКОВ С.Т. Ук. соч., с. 198.
45. Гражданин. 1874, № 4, с. 112.
46. См.: ФЕТИСЕНКО О.Л. Преподобный Амвросий Оптинский о «богословствовании мирян». Христианство и русская литература. Сб. 5. СПб. 2006, с. 265.
47. ЯКОВЛЕВ А.И. Святитель Филарет (Дроздов) и развитие русской национальной культуры в первой половине XIX века. Филаретовский альманах. Вып. 1. М. 2004, с. 179.
48. ГОГОЛЬ Н.В. Полное собрание сочинений в 17-ти томах. Т. 9. М.-К. 2009, с. 42—43.
49. Там же, с. 76.
50. Там же, т. 13, с. 304.
51. Переписку Гоголя и Толстого второй половины 40-х — начала 50-х XIX в. см.: ГОГОЛЬ Н.В. Полное собрание сочинений в 17-ти томах. Т. 13. М.-К. 2009, с. 304.

52. ФИЛИППОВ Т.И. Воспоминания о графе А.П. Толстом. ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, д. 74. л. 1об.
53. Из записок преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского. — Душеполезное Чтение. 1906, № 1, с. 24.
54. Там же.
55. ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, д. 74, л. 1.
56. Святитель Филарет, митрополит Московский. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831—1867. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Ч. 2. 2007, с. 304.
57. Русское обозрение. 1896, № 12, с. 997.
58. РГИА, ф. 797, оп. 26, отд.1, ст. 1, д. 122, л. 6.
59. БЕЛЯЕВ А. А. Профессор Московской духовной академии П.С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном. — Богословский Вестник. 1904, № 3, с. 579.
60. АЛЕКСЕЕВА С.И. Ук. соч., с. 70.
61. Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827—1869. М. 2006, с. 460.
62. ПОЛНЕР И.И. Александр Федорович Тюрин. — Русская Старина. 1898, № 10, с. 110.
63. РГИА, ф. 797, оп. 29, отд. 1, ст. 1, д. 47, л. 1—8. Утверждение С.И. Алексеевой о том, что Толстой находился под влиянием Сербиновича, основанное на письме А.Н. Муравьева, вряд ли можно считать верным. См.: АЛЕКСЕЕВА С.И. Ук. соч., с. 32.
64. РГИА, ф. 797, оп. 29, отд. 1, ст. 1, д. 9, л. 3.
65. Записка Т.И. Филиппова «о разных церковных вопросах». ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, д. 98, л. 36.
66. Переписку К.К. Зедергольма и прп. Макария Оптинского см.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 107, оп. 1, к. 6, д. 28; к. 7, д. 8.
67. Переписку Т.И. Филиппова и прп. Макария Оптинского см.: ЧЕТВЕРИКОВ С., протоиерей. Оптина пустынь. Paris. 1988, приложения, с. 237—238.
68. ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, д. 74, л. 1.
69. Там же, д. 668, л. 42об.
70. ОР РГБ, ф. 107, оп. 1, к. 6, д. 28, л. 24об.—25.
71. Заметки и письма Филарета, митрополита Московского. — Богословский Вестник. 1916, № 10—12, с. 235.
72. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1857 г. СПб. 1859, с. 128.
73. ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, д. 74, л. 2об.
74. Там же.
75. РГИА, ф. 797, оп. 27, отд. 2, ст. 2, д. 363, л. 1—1об.
76. Там же, л. 4—6об., 16—16об.
77. Богословский Вестник. 1916, № 10—12, с. 235.
78. ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, д. 74, л. 1об.
79. Письма митрополита Московского Филарета к А.Н.М. 1832—1867 гг. Киев. 1869, с. 511.
80. РГИА, ф. 797, оп. 87, д. 96, л. 15об.
81. ОР РГБ, ф. 107, оп. 1, к. 6, д. 28, л. 59.
82. Там же, л. 32.
83. РГИА, ф. 1275, оп. 1, д. 3а, л. 95.
84. ФИЛАРЕТ (ДРОЗДОВ), свт. Мнения, отзывы и письма. М. 1988, с. 215.
85. ОР РГБ, ф. 107, оп. 1, к. 7, д. 8, л. 85об.
86. Цит. по: ХЕВРОЛИНА В.М. Игнатъев Николай Павлович: российский дипломат. М. 2009, с. 193.
87. Митрополит Филарет — А.П. Толстому 5 июня 1860 г. Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского к высочайшим особам и разным другим лицам. Тверь. 1888, с. 86 (2-я пагинация).
88. А.П. Толстой — митрополиту Филарету 12 февраля 1860 г. ЛЬВОВ А.И. Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету. СПб. 1900, с. 438.
89. Святитель Филарет, митрополит Московский. Письма к преподобному Антонию..., ч. 4, с. 180.
90. Митрополит Григорий — митрополиту Филарету 14 августа 1858 года. ЛЬВОВ А.И. Письма..., с. 105.
91. ОР РГБ, ф. 107, оп. 1, к. 6, д. 28, л. 42об.
92. Там же, к. 7, д. 8, л. 138.
93. РГИА, ф. 576, оп. 35, д. 21, л. 115.

94. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам в 5-ти томах. Т. 5. СПб. 1885—1888, с. 362. Издателем документ ошибочно приписан митрополиту Филарету. Атрибуцию см.: ФИРСОВ А.Г. Ук. соч., с. 156—157.
95. Цит. по.: ЯСНОПОЛЬСКИЙ Л.Н. Ук. соч., с. 244.
96. Собрание мнений..., т. 5, с. 362.
97. ОР РГБ, ф. 107, оп. 1, к. 6, д. 28, л. 36.
98. РГИА, ф. 1088, оп. 2, д. 887, л. 2, 10—11об.; АЛЕКСЕЕВА С.И. Ук. соч., с. 47.
99. РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 639, л. 1—1об.
100. ОР РГБ, ф. 107, оп. 1, к. 6, д. 28, л. 48.
101. Письмо К.К. Зедегольма к брату. ОР РГБ, ф. 107, к. 6, ед. хр. 26, л. 53об.—54.
102. Русский архив. 1897, № 1, с. 45.
103. Из записок преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского. — Душеполезное Чтение. 1907, № 1, с. 14.
104. См.: ДМИТРИЕВСКИЙ А.А. Русская духовная миссия в Иерусалиме. М.-СПб. 2009, с. 117.
105. Душеполезное Чтение. 1907, № 5, с. 16; № 7, с. 317.
106. ОР РГБ, ф. 107, оп. 1, к. 6, ед. хр. 30, л. 59.
107. Там же, к. 7, ед. хр. 14, л. 278об., 281; В жизнеописании о. Климента указано, что его специально для поездки к Толстому рукоположили во священника (Православный немец..., с. 9—10); Из послужного списка о. Климента известно, что его иерейская хиротония состоялась 8 июля 1873 г. (Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной пустыни 1802—1889. ОР РГБ, ф. 213, к. 1, ед. хр. 1, л. 1134об. —1135).
108. И.В. Киреевский о А.П. Толстом. См.: Гражданин. 1874, № 4, с. 113.

Происхождение регулярного государства Петра Великого

С.А. Нефёдов

III. Итак, восточноевропейский абсолютизм был порождением «военной революции». Это был результат появления регулярных армий: содержание новой армии требовало введения новых налогов, что вызывало противодействие дворянства. Оно к тому же теряло свою военную опору — феодальное ополчение. Конфликт монархии и дворянства заканчивался тем, что регулярная армия прокладывала своему главнокомандующему («монарху-полководцу», *Kriegsherr*) путь к абсолютной власти. Получив абсолютную власть, монарх-полководец заставлял дворянство поступиться своими налоговыми привилегиями, и в некоторых случаях дело доходило до частичной конфискации дворянских земель. Увеличение доходов позволяло монархии содержать регулярную армию — но процесс «военной революции» на этом не останавливался, необходимо было создание военной инфраструктуры и четкой финансово-бюрократической организации. Монарх-полководец стремился переделать все общество на началах «регулярности», учредить для граждан уставы и заставить все государство маршировать как один батальон. Такова была история появления военно-бюрократического абсолютизма в Пруссии, Дании и Швеции.

Можно ли утверждать, что развитие России шло тем же путем? За исходную точку можно принять состояние Российского государства в XVI веке. До края Европы исходившая из Франции диффузионная волна распространения рыцарской кавалерии так и не дошла. Не достигнув Русской равнины, эта волна остановилась в пределах Речи Посполитой: так же как на Западе, в Польше установился рыцарский строй, при котором дворянство закрепостило крестьян и ограничило власть монарха сословными собраниями. Россия же подпала под влияние другой диффузионной волны — распространявшейся с юга волны османских заимствований.

В XVI в. Османская империя была самым могущественным государством Евразии, и ее порядки приходилось копировать многим странам. В основе военной мощи османов лежали два нововведения: система тимаров и корпус

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2013, № 12; 2014, № 1.

Нефёдов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

янычар. Тимариотская система, по сути, была восстановлением «хорошо забытого старого», она напоминала бенефициальную систему Карла Великого. Всадник-тимариот («сипахи») получал часть доходов с выделенной ему земли с крестьянами («тимара»), но не имел права распоряжаться крестьянами и требовать с них чего-то большего. В отличие от европейского феода, тимар был всего лишь способом оплаты воинов-всадников; он не передавался по наследству и в любой момент мог быть отнят. Кроме того, тимары, как правило, не превышали десятка-другого крестьянских дворов, и дохода с них едва хватало на снаряжение воина¹. Русская поместная система в деталях совпадала с системой тимаров — она была заимствована у османов в правление Ивана III. Таким образом, русские воины-«помещики» принципиально отличались от европейских рыцарей: они не владели своими поместьями и не могли распоряжаться крестьянами; они получали лишь то, что было записано в переписных книгах. Однако, помимо дворян-помещиков, на Руси имелись бояре и «дети боярские», которые владели своими вотчинами как собственностью; бояре традиционно составляли окружение великих князей, которые правили вместе с Боярской думой.

Помимо тимаров, важнейшей военной инновацией Османской империи было создание янычарского корпуса, по существу — первого регулярного армейского корпуса, вооруженного огнестрельным оружием. Именно появление янычар ознаменовало начало военной революции. (Хотя М. Робертс и другие историки-европоцентристы связывают военную революцию с реформами Морица Оранского.) В соответствии с теорией военной революции, результатом создания янычарского корпуса стало утверждение самодержавной власти турецких султанов и создание османской военно-бюрократической монархии. Потребности обороны от непрерывных татарских набегов побудили Ивана IV заимствовать эти османские новшества и создать, по образцу турецких янычар, регулярный корпус стрельцов. В соответствии с теорией, нехватка средств для содержания новой армии породила конфликт между царем и боярами, и тогда царь использовал новосозданные регулярные части (опричную гвардию), чтобы конфисковать часть боярских вотчин. Создание новой армии потребовало перестройки финансов и замены натуральных повинностей денежными налогами; в результате налоги с крестьян возросли в несколько раз. Народилась бюрократическая система управления: многочисленные ведомства-приказы, переписи и кадастры, сложное делопроизводство. Спротивление бояр было сломлено жестокими репрессиями, и в итоге Иван IV стал самодержавным властителем. Подобно османским «капыкулу», «рабам дворца», бояре падали перед царем на колени и называли себя «государевыми холопами»². Таким образом, первая российская военно-бюрократическая монархия появилась еще в XVI в., и ее основателем был Иван Грозный. «Сей государь, — говорил Петр Великий об Иване Грозном, — есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел еще в том столь далеко, как он»³. Конечно, не так чтобы Петр I в буквальном смысле подражал Ивану Грозному: речь идет об общем направлении политики и о сходстве задач, вызванных потребностями продолжающейся военной революции.

Созданная Иваном IV военно-бюрократическая монархия погибла вследствие пресечения династии и последовавшей Смуты. Польская интервенция продемонстрировала военное превосходство Речи Посполитой, и османское влияние сменилось польским: начались военные реформы по польскому образцу. По существу это был последний прилив диффузионной волны, связанной с распространением рыцарской кавалерии: вместе со знаменитыми «крылатыми» гусарами Московское государство заимствовало польские обычаи и идеологию

польского дворянства. Русские дворяне стали называть себя шляхтой, а свои поместья — «родовыми поместьями». Наказ 1601 г. предписывал верстать в службу «от отцов детей, от брата братьев, от дядей племянников» и воспрещал давать поместья всем прочим. Таким образом, дворянское звание стало наследственным и появилось «природное дворянство». К концу XVII в. дворяне получили право обменивать свои поместья; различие между поместьем и вотчиной почти стерлось⁴. После Смуты русское дворянство оскудело; многие дворяне ходили в лаптях, а попытки повысить крестьянские оброки приводили к тому, что крестьяне уходили на монастырские или боярские земли — туда, где давали им «льготу». Формально введенное при Годунове прикрепление крестьян к земле существовало лишь на бумаге, сыскать и вернуть ушедших было практически невозможно. Собираясь в Москве перед походами, дворяне писали коллективные челобитные; потом, подражая польской шляхте, они стали устраивать бунты-«рокоши», требуя реально прикрепить крестьян к земле. В конечном счете московская шляхта добилась своего: Уложение 1649 г. утвердило крепостное право. Однако российское крепостное право XVII в. отнюдь не приравнивало крестьян к польскому холопству или барщинным крепостным времен Екатерины II: крестьяне могли жаловаться в суд на злоупотребления помещика — в том числе и на господские поборы «через силу и грабежом»⁵. Много повывавший Юрий Крижанич писал, что на Руси «крестьянам... живется намного лучше, нежели во многих местах Греческой, Испанской и других подобных земель, в которых кое-где мясо, а кое-где рыба слишком дороги, а дрова продаются на вес... Ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо»⁶. Пахотной земли в то время хватало, а повинности и налоги после Смуты резко уменьшились: в пересчете на хлеб оброки помещенных крестьян были в три раза меньше, чем при Иване Грозном, а налоги — в десять раз меньше. Таким образом, прикрепление крестьян долгое время не сказывалось на их благополучии; помещики остановили отток крестьян в южные области и не торопились повышать оброки: они боялись возвращения Смутного времени.

Помимо прикрепления крестьян, польское влияние сказывалось также и в усилении роли Боярской думы и Земских соборов. П.П. Смирнов отмечал, что обычаем теперь было «отнюдь не наследование, а избрание царя Земским собором, что практиковалось со времен смерти Ивана Грозного; такой порядок подсказывался и примером весьма авторитетного для Руси XVII в. соседнего Польско-Литовского государства». «После смерти Грозного наследственная монархия в России сменилась избирательной, — писал Л.В. Черепнин. — Все последующие цари до Алексея Михайловича избирались Земским собором или добивались трона при его фиктивном участии. Алексей Михайлович занял престол как прямой его [Михаила] наследник, но затем, по-видимому, был утвержден Земским собором»⁷. Принято считать, что, в отличие от европейских сословных монархий, в России отношения между сословиями и монархом не были кодифицированы и определялись главным образом традицией⁸. «Практика осуществления властных функций была такова, что царь действовал в рамках сложившейся традиции», — констатирует П.В. Седов. «Скрепленные традицией отношения между монархом и знатью позволяли достигать соглашения о разделе прибавочного продукта и эксплуатации населения», — уточняет Д. Островский⁹. Однако в рамках традиции существовали также и отдельные документы, регулировавшие правовые отношения в структурах власти. Цари были ограничены в своих правах «кестоцеловальными записями» — документами наподобие скандинавских «королевских обещаний» и «уставов вступления». Дьяк Григорий Котошихин писал, что «прежние цари, после царя Ивана Васильевича, обираны (избраны. — С.Н.) на царство: и на них были иманы

писма, что им быть не жестоким и непалчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всяких делах з бояры и з думными людьми сопча, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делати»¹⁰. Указание на то, что царь должен был советоваться с боярами, имеется и в Уложении 1649 г.: 2-я ст. 10-й главы Уложения говорит, что «спорныя дела... вносити ис приказов в доклад к государю... и к его государевым бояром и околничим и думным людем. А бояром и околничим и думным людем сидети в полате и... государевы всякия дела делати всем вместе».

Таким образом, вопреки распространенному мнению, русские цари, правившие в конце XVI и в первой половине XVII в., не были «самодержцами». Их выбирали на престол, и они были ограничены в своих решениях необходимостью советоваться с Боярской думой и Земскими соборами. Этот порядок совпадал с порядками в других странах Европы, в частности, в Скандинавии, где короли правили совместно с риксродом и риксдагом и родовитая аристократия влияла на принимаемые решения.

«Боярин» и «окольничий» в XVII в. были формально ненаследуемыми чинами, наподобие членов ригсрода в Дании. Однако по традиции (как и в Дании) эти чины могли быть пожалованы лишь представителям ограниченного числа знатных родов. Члены 16 родов могли стать боярами, минуя другие чины, а представителям 15 других родов сначала надо было получить чин окольничего. Бояре выставляли свою знатность и влияние напоказ: они носили особую, расшитую золотом и жемчугами, одежду, собольи шубы и высокие «горлатые» шапки; при выезде боярина сопровождали десятки дворян-«знакомцев». С удельных времен бояре содержали вооруженные дружины из «боевых холопов», которых в народе звали «нахалами», — во время стрелецкого бунта 1682 г. эти дружины сражались со стрельцами на улицах Москвы¹¹. Среди боярских родов поддерживалась строгая местническая иерархия, чем знатнее было лицо, тем более высокие должности оно занимало. Никакие государственные заслуги не могли уравнивать дворянина с боярином. Даже знаменитый князь Дмитрий Пожарский не мог спорить со знатными боярами, и одному из них, известному «тушинцу» Салтыкову, он бы «выдан головой». Человек из простонародья не имел никаких шансов попасть в окружение царя; даже простые истопники во дворце были дворянами¹². А.Г. Маньков писал, что «Боярская дума еще прочно держала в своих руках во второй половине XVII в. важнейшие рычаги феодальной экономики и социальных отношений»¹³. Сопоставление царских именных указов и указов с боярскими приговорами показывает, что едва ли не все крупные законодательные акты начинались словами «царь указал, и бояре приговорили». Именные царские указы относились к более мелким вопросам, и по большей части к военной сфере. «На протяжении XVII в. боярство не «исчезало» и не «растворялось», а наоборот, набирало силу», — резюмирует Седов¹⁴. Более того, при царе Федоре Алексеевиче бояре попытались поделить между собой страну и стать наследственными и несменяемыми наместниками «царств» и «княжеств». Соответствующий указ был одобрен царем и не вступил в силу лишь из-за сопротивления патриарха Иоакима, который «всконечно» восстал против угрозы разрушения государства¹⁵.

Согласно детально аргументированной концепции Н.П. Павлова-Сильванского Россия XVII века была обычной сословной монархией: как и в других европейских государствах, в России имелись четко выраженные сословия — сильная аристократия, многочисленное дворянство, горожане и крестьяне. Более того, Седов находит в конце XVII в. «тенденцию к укреплению сословного строя»¹⁶. Откуда же взялось «азиатское» самодержавие, как традиционно считается, отличающее Россию от Запада? Военная революция в России, начавшаяся в середине XVI в., и, в соответствии с теорией, создание

регулярного корпуса стрельцов привели к формированию военно-бюрократической монархии Ивана Грозного. Именно тогда появились те «азиатские» обычаи, которые удивляли приезжавших в Россию иностранцев. Но в XVII в. эти обычаи уже не отражали реального соотношения общественных сил. После Смуты нехватка средств для содержания стрельцов обострилась, денежные выдачи были уменьшены, поэтому стрельцам разрешили заниматься ремеслами и торговлей; многим вместо денег давали земельные наделы, и им приходилось пахать землю¹⁷. Дисциплина ослабла, учения проводились редко, и стрелецкий корпус терял свой регулярный характер. Стрельцы были недовольны, и когда в 1648 г. в Москве начался «соляной бунт», многие из них примкнули к бунтовщикам. Поскольку поместное ополчение тоже отказывалось подчиняться властям, царь Алексей Михайлович принял требования бунтовщиков и выдал им на расправу своих советников.

Пережив события 1648 г., царь Алексей попытался возродить опричный корпус; роль избранной гвардии стал выполнять «приказ» (полк) «стремянных стрельцов»; они получали повышенное жалованье, их командиров царь потчевал тетеревами за своим столом¹⁸. В 1662 г. стремянные стрельцы подавили «медный бунт», и царь стал чувствовать себя увереннее; в последний период царствования Алексея Михайловича власть его укрепились¹⁹. Котошихин писал о царе Алексее, что он «государство свое правит по своей воле... что хочет, то учинить может», в отличие от своего отца, который «хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего»²⁰. Алексей Михайлович еще при жизни представил своего сына Федора как наследника «всем чинам Московского государства» и добился их формального признания; это дало возможность обойтись без Земского собора в вопросе о престолонаследии. Однако и в последний период царствования Алексея Боярская дума не была отстранена от дел: царь постоянно советовался с боярами²¹. В царствование юного и больного Федора Алексеевича реальная власть вновь оказалась в руках боярских группировок²². После смерти Федора, в мае 1682 г., стрельцы снова подняли бунт, и Стремянный полк открыл мятежникам ворота Кремля²³. Единственным представителем царской семьи, способным поддержать авторитет власти в обстановке начавшейся анархии, оказалась царевна Софья. Софья укрылась вместе с царями в Троице-Сергиевой лавре, призвала на помощь поместное ополчение и привела стрельцов к покорности. Таким образом, в критический момент монархия нашла опору в дворянстве; другой опорой Софье послужила боярская аристократия.

В занимаемом ею положении Софья не могла проявлять самовластие, и она искала поддержки знати, раздавая думные чины — в первую очередь своим родственникам, Милославским. Современники свидетельствуют, что Софья правила вместе с боярами²⁴; к моменту действительного воцарения Петра I Россия не имела традиции самодержавного правления. «Самодержавие первых Романовых не было “самовластием”, — писал Павлов-Сильванский, — оно фактически было связано силой сословий... а также сильным тогда еще консерватизмом обычного права. Царь должен был править по старине в согласии с Боярской думой»²⁵. Многие современные историки также отмечают, что вплоть до петровского времени русские цари в своих решениях зависели как от Боярской думы, так и от Земского собора²⁶. Более того, сам Петр был избран на царство Земским собором, и даже после отстранения Софьи он долгое время не имел решающего влияния на дела — к примеру, патриарх Адриан был избран на престол вопреки воле молодого царя²⁷. С признанием же отсутствия «самовластия» в России XVII в. становится ясно, что абсолютизм появился при Петре I — и во весь рост встает вопрос о происхождении петровского абсолютизма. Теория военной революции, предполагая влияние военных преобразова-

ний на социально-экономическое развитие, позволяет подойти к решению этого вопроса в его основе.

Еще в конце XVI в. начался новый этап военной революции, связанный с реформами Морица Оранского. Теперь военные инновации пришли из Западной Европы — через шведов и поляков. В польской армии, помимо «крылатых гусар», имелись полки немецких наемников, обученных по голландскому образцу, и война с Польшей заставила Василия Шуйского перенимать эту практику. Было нанято 8 тыс. немецких и шведских ландскнехтов. Но денег не хватало, наемникам не платили жалованье, и летом 1610 г. в битве при Клушине они изменили русскому царю²⁸. Следующий опыт создания полков «иноземного образца» относится к началу 1630-х годов, когда предстояло возобновить борьбу с Польшей. Шведы, союзники России в этой борьбе, вновь предложили свою помощь. В январе 1630 г. в Москву прибыла шведская военная миссия, и возглавлявший ее полковник Александр Лесли предложил царю Михаилу Федоровичу создать наемную армию европейского образца. После длительного согласования планов в 1631 г. Лесли в сопровождении двух русских послов отправился в Стокгольм с заданием завербовать в Швеции или в Германии 5 тыс. солдат и офицеров и, кроме того, закупить 10 тыс. мушкетов. Эти опытные солдаты и офицеры должны были обучить 10 тыс. русских солдат и вместе с ними образовать шесть пехотных полков «иноземного строя». Осенью 1632 г. эти полки в составе многочисленной русской армии выступили к Смоленску, но осада была неудачной. Попытки отправить под Смоленск подкрепления натолкнулись на отсутствие денег в казне, и в итоге полки «иноземного строя» вместе со всей русской армией капитулировали. Когда остатки этих полков вернулись в Москву, они были распущены: наемников набирали только на время войны, их постоянное содержание обходилось слишком дорого²⁹. Таким образом, первые опыты использования полков «иноземного строя» были неудачными по причине отсутствия необходимых финансовых средств. В 1620-х годах московское правительство провело земельную перепись и назначило новые налоги, но дворяне стали подавать коллективные челобитные с жалобами. Протест был столь сильным и массовым, что власти были вынуждены предоставить помещикам льготы: налог с помещичьих крестьян был установлен в 10—16 раз меньшим, чем с государственных крестьян³⁰. Поскольку основная часть крестьян почти ничего не платила в казну, государство испытывало постоянный финансовый кризис, и это обрекало на неудачу все попытки создания новой армии.

Когда в 1654 г. началась новая война с Польшей, правительство Алексея Михайловича попробовало получить необходимые средства путем чеканки медных денег с номинальной стоимостью. Считается, что эта идея принадлежала А.Л. Ордин-Нащокину, который передал во дворец некие «статьи в тетрадах»; в этих «статьях» говорилось о том, «как для пополнения ратей в полки с поместей и с вотчин и с скольких дворов даточных и рейтар взять, и почем им в год кормовых денег давать, и как о медных деньгах для тех же ратных людей промысл чинить»³¹. Предложения Ордин-Нащокина полностью копировали реформу, проведенную в 1625—1630 гг. шведским королем Густавом Адольфом: именно так, с помощью введения медных денег и наборов рекрутов («даточных») Густав Адольф создал первую в Европе регулярную армию. События были ускорены поражением, которое русская армия потерпела от шведов под Ригой; в 1658—1659 гг. были проведены три массовых набора даточных и сформировано 55 полков. Это была целая армия «иноземного образца», которой командовали и которую обучали несколько тысяч нанятых на Западе офицеров³². Огромные масштабы медной чеканки, естественно, привели к росту цен; в июле 1662 г. в Москве вспыхнул «медный бунт»; к восставшим присоединились и солдаты стоявших под Москвой полков, недовольные тем, что им

платят медью³³. Таким образом, новая армия была создана на медные деньги и начала распадаться, когда эти деньги обесценились. Правительству пришлось срочно начать переговоры о мире с Польшей. После заключения мира армия «иноземного образца» была резко сокращена, солдаты частью обращены в стрельцов, частью отправлены в свои деревни с обязательством по призыву вернуться в строй. Оставшиеся же, как и стрельцы, жили слободами, имели семьи; часто вместо жалования они получали землю и, таким образом, превращались в военнообязанных крестьян. По существу, созданная в 1658—1662 гг. армия иноземного образца потеряла регулярный характер и превратилась в собираемую от случая к случаю крестьянскую «милицию»³⁴. В конечном счете в 1695 г., при первом походе на Азов, в боевой готовности оказалось лишь 14 тыс. солдат; остальное войско состояло из ратников «русского строя», то есть из стрельцов и из поместного ополчения. Впоследствии, в 1717 г., князь Я.Ф. Долгорукий говорил Петру, что его отец устроением регулярных войск путь ему показал, «да по нем несмысленные все его учреждения разорили», так что Петру пришлось «почитай все вновь делать и в лучшее состояние приводить»³⁵. Попытки создания регулярной армии «иноземного образца» упирались главным образом в финансовую проблему.

Казна оставалась пустой; с учетом инфляции доходы были меньше, чем в конце XVI века. Так же, как в других странах (например, в Дании), дворянство защищало свои налоговые льготы и противодействовало обложению поместных крестьян государственными налогами. Нехватка средств на содержание солдат заставляла понемногу повышать налоги, но это не решало финансовую проблему: как и раньше, поместные крестьяне платили в казну в 8—16 раз меньше, чем государственные. «Из этого видно, какой громадный источник дохода уступила казна в безотчетное пользование владельцев крепостных крестьян», — писал В.О. Ключевский³⁶. На протяжении XVII в. цари правили вместе с Боярской думой, которая поддерживала сословные привилегии дворянства, и даже Алексей Михайлович не решился нарушить эти привилегии ради создаваемой им армии «иноземного образца». Цари не были самодержцами и желали жить в мире со своими боярами и дворянами — недаром Алексея Михайловича называли «тишайшим». Военные реформы имели половинчатый характер. В отличие от Бранденбурга и Дании, Россия не испытала шока, связанного с чужеземным нашествием, поэтому ее правители могли тянуть время и обходиться паллиативными мерами: решающие события российской «военной революции» были еще впереди.

Попытки военных преобразований в XVII в. в Швеции и Дании сопровождались усвоением голландских военных технологий, заимствованием промышленных и культурных достижений Голландии. Голландское влияние сказалось и в России. Для полков «иноземного строя» требовалось оружие — мушкеты и пушки. Поначалу и то и другое привозили из-за границы. Поскольку Швеция перекрывала выход к Балтике, то единственным каналом снабжения был путь через Архангельск. В период после Смуты этот путь был освоен тогдашними хозяевами морской торговли, голландцами, которые с огромной прибылью для себя продавали «москвитам» мушкеты и ружейные стволы из Льежа и Амстердама, а также железо и чугунные пушки из Швеции (если шведы сами отказывались продавать их в Россию). Привозили также шведскую медь (в России не было своей меди), из которой в Москве отливали медные пушки. Что касается чугунных пушек, то их в России в то время не делали: производство чугуна — это была новая западная технология, которая требовала постройки доменных заводов с вододействующими машинами. Впрочем, голландские купцы в России (так же как в Швеции и Дании) искали новые возможности для вложения своих капиталов, и один из них, Андриес Винуус, в 1632 г. предложил русским построить современный доменный завод

в Туле. Строительство стоило больших затрат, и Виниус был вынужден взять в компаньоны двух других купцов, Питера Марселиса и Телемана Акему. Первый завод был построен в 1637 г., а к 1660 г. в России было уже семь заводов, которые снабжали войска ядрами и пушками — правда, тульский чугун был «холодноломким» и качество орудий было далеко не лучшим³⁷. Пользовавшийся большим почетом у царя Виниус в 1646 г. принял православие и был записан в московские дворяне. В 1647 г. шведский резидент писал, что московское правительство «пользуется советами голландца Андрея Виниуса... который первым в России открыл железную руду и предан более русским, нежели немцам»³⁸.

Виниус, Марселис и Акема были первыми из числа голландских предпринимателей, которые связали свою судьбу с Россией. Еще одним известным «русским голландцем» был советник и помощник Ордин-Нащокина Ян ван Сведен. В 1659—1662 гг. ван Сведен обеспечил вооружение армии «иноземного строя», поставив в Россию из Голландии 105 тыс. мушкетов и карабинов; переселившись в Россию, он построил здесь первую бумажную мельницу и первую суконную фабрику. В 1665 г. Ордин-Нащокин поручил ван Сведену организацию регулярной почтовой службы, которая стала доставлять в Москву европейские газеты³⁹. «Русские голландцы» жили преимущественно в Немецкой слободе под Москвой; помимо купцов население этой слободы состояло из офицеров полков «иноземного строя», приглашенных в Россию медиков и мастеров различных специальностей.

Существование этого «островка» западной цивилизации сыграло исключительную роль в судьбе Петра I. До семнадцати лет он практически не контактировал с обитателями Немецкой слободы, но в сентябре 1689 г., во время конфликта с Софьей, познакомился с офицерами полков иноземного строя Патриком Гордоном и Францем Лефортом. Царь попросил Гордона показать ему учения его полка и долго беседовал с генералом⁴⁰. В следующем году Петр поручил Гордону сформировать из своих «потешных» солдат регулярный Преображенский полк. Офицеры-иноземцы должны были обучать «потешных», среди которых была молодежь знатных родов, «спальники» и «стольники» Петра. Преображенский полк тогда насчитывал 350—400 солдат; Петр знал их всех и поддерживал со всеми теплые или даже дружеские отношения. Чтобы показать своим друзьям пример готовности учиться и выполнять команды, Петр сам записался сержантом и поднимался в звании сообразно своим успехам⁴¹. Преображенцам в будущем предстояло стать опорой царя, новыми янычарами, как называл их Ключевский⁴². Однако до 1698 г. никто не мог предвидеть этого будущего, и сам Петр впоследствии называл тогдашние учения преображенцев (и даже Азовские походы) не более чем «младенческим игранием»⁴³.

Постоянно общаясь со своими военными командирами и учителями, Петр часто посещал Немецкую слободу, а ее обитатели старались всеми способами понравиться молодому царю. Голландские купцы показывали Петру привезенные из-за моря диковины, Гордон развлекал царя великолепными фейерверками, а «дебосхан французский» Лефорт затянул Петра в пучину кутежей. «Тут же... — свидетельствует князь Куракин, — началось дебошство, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дня запершись в том доме бывали пьяны, и что многим случалось оттого умирать... И тут... первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземскими обходиться и амур начал первой быть к одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова»⁴⁴. Среди этих развлечений сформировалась «компания» Петра, «Все-пьянейший собор» — примерно два десятка русских и «немцев» (в те времена «немцами» называли также голландцев, англичан, шведов). В этой «компании» не считали чинов и званий, конюхи из числа «потешных» (как Александр Меньшиков) пировали там вместе князьями и генералами. Петр называл своих

компаньонов «товарищами», а Гордона — «батюшкой», собутыльникам было приказано именовать царя «запросто» — «бомбардиром» или «шкипером». Почти всем «товарищам» впоследствии было суждено стать видными деятелями петровского царствования.

Подпавав под очарование Немецкой слободы, Петр стал с пренебрежением относиться к русским обычаям и порядкам. Вдобавок, молодой царь был уязвлен тем, что его не допускали к делам управления и патриарх Адриан был избран вопреки его воле. Постепенно вызревали семена будущего конфликта — в начале 1690-х годов они дали всходы, когда православные церковные процессии пародировали петровский «Всеянейший собор»⁴⁵.

Помимо пирушек и потешных маневров у Петра была еще одна всепоглощающая страсть: парусные корабли. Все началось с найденного в сарае английского ботика, но затем увлечение разрослось до такой степени, что Петр превратился в плотника и вместе с дюжиной помощников стал строить фрегаты на Переславском озере. «Действительно, как так получилось, что море и корабли заняли особое место в жизни этого человека, все предки которого родились и умерли, видя перед собой лишь всхолмленные просторы Великоорусской равнины?» — удивляется Е.В. Анисимов⁴⁶. В самом деле, этот вопрос — едва ли не главный в истории реформ Петра, и в поисках ответа нужно присмотреться к окружению царя, то есть к «Всеянейшему собору».

Люди постарше и посolidнее стремились избежать этой буйной компании, поэтому может показаться странным присутствие в ней пятидесятилетнего дипломата, инженера и ученого — Андрея Андреевича Виниуса. Как показали недавние исследования, этот человек сыграл особую и до сих пор недооцененную роль в истории Петра Великого⁴⁷. Андрей Виниус был сыном знаменитого основателя тульских заводов; он получил превосходное образование, знал шесть языков, служил в Посольском приказе и с дипломатическими миссиями объездил почти всю Европу. Помимо его собственного происхождения из известного купеческого рода, Виниус приходился родственником одному из самых богатых голландских купцов, Николаасу Витсену, бургомистру Амстердама, представителю Голландии в Генеральных штатах и президенту Ост-Индской компании. С 1665 г., когда Витсен приехал в Россию в составе нидерландского посольства, Виниус и Витсен поддерживали тесные деловые связи. Разумеется, Витсена интересовали прежде всего возможности расширения торговли через Россию, но, как у каждого настоящего первопроходца, его коммерческий интерес сочетался с научным: Витсен был ученым географом и этнографом, изучавшим страны, через которые проходили торговые пути. Голландцев, в частности, интересовал путь через Сибирь в Китай, и Виниус стал главным корреспондентом Витсена в России, поставлявшим сведения о Сибири. На основе этих данных Витсен потом издал свою «Карту Тартарии» — так называли в Европе страны Северо-Восточной Азии⁴⁸.

Однако главный интерес голландцев касался не Сибири, а вопроса об освоении торгового пути по Волге через Каспийское море, в Персию. Основным товаром Персии был шелк-сырец, который обычно вывозили в Европу через турецкие порты. Османские султаны собирали в этих портах пошлину, равную цене товара, поэтому освоение дороги через Россию казалось купцам более выгодным вариантом. Еще в 1667 г. Ордин-Нащокин подписал договор с армянской торговой компанией о транзите персидского шелка через Россию. Персидские армяне поначалу везли небольшие партии шелка через Архангельск, где их скупали голландские купцы во главе с Кунардом ван Кленком, однако этот маршрут был маловыгодным, и в конце концов они получили позволение торговать через принадлежавшую шведам Нарву⁴⁹. Русское правительство намеревалось принять участие в шелковой торговле, и Ордин-Нащо-

кин поручил ван Сведену построить современный парусный корабль для плавания по Каспийскому морю. Виниус участвовал в реализации этого проекта и представил Ордин-Нащокину особую записку, в которой доказывал необходимость строительства не только парусников, но и галер. Виниус, считал, что галеры практичнее парусных судов, так как они способны подниматься по впадающим в Каспийское море рекам и, вероятно, таким образом можно будет добраться до Индии⁵⁰. Были наняты голландские корабельные мастера и матросы, но когда построенный корабль «Орел» спустился по Волге к Астрахани, он был захвачен здесь казаками Разина. Они захватили также много шелка, привезенного в Астрахань персидскими армянами, вследствие чего началась тяжба о возмещении убытков. Отношения с Персией были испорчены, и персидские купцы лишились права на свободный транзит товаров через Россию⁵¹.

В 1672 г. Виниус был направлен в Европу со специальным посланием царя, призывающим к созданию антитурецкой коалиции и к прекращению, ради этой «вышей» цели, войны между Францией и Голландией. Фактически это означало оказание дипломатической поддержки Голландии, которая подверглась нападению французской армии. Во время этой поездки Виниус встречался с Витсенем и с руководителями республики Соединенных провинций⁵². Через год после возвращения Виниус встречал в Москве Кунрада ван Кленка, приехавшего в Россию в качестве голландского посла. Задачей ван Кленка было добиться помощи путем вовлечения России в войну с союзником Франции, Швецией. В случае вступления в войну Россия могла бы приобрести Нарву, Ивангород и Нотебург — ключевые пункты «шелкового пути». Кроме того, ван Кленк предложил царю Алексею проект организации совместной русско-голландско-персидской торговли шелком, который предполагал свободный провоз голландцами своих товаров вплоть до Астрахани⁵³. Реализация этого проекта, по оценке ван Кленка, могла дать голландским купцам несколько миллионов рейхсталеров в год. Чтобы добиться своих целей, ван Кленк через посредство Виниуса предлагал главе Посольского приказа А.С. Матвееву богатые подарки⁵⁴. Если учесть, что в то время все годовые доходы русского правительства составляли примерно 2 млн рейхсталеров⁵⁵, то становятся понятными как грандиозные масштабы «каспийского проекта», так и горячая заинтересованность всех причастных к нему лиц, в том числе и Виниуса (который даже завел шелковую фабрику). Однако компаньоны достигли лишь частичного успеха: право на провоз шелка было вновь предоставлено персидским армянам, которые, таким образом, могли сбывать его голландцам, минуя посредничество русских купцов. Но в начале 1676 г. царь Алексей умер, Матвеев вскоре отправился в ссылку, и новые власти, вняв протестам русских купцов, дезавуировали заключенный договор⁵⁶.

Шелковая мануфактура Виниуса перестала давать доход, и он передал ее Посольскому приказу⁵⁷. В 1675 г. Виниус стал заведовать почтой, он получал выписываемые Посольским приказом европейские газеты и докладывал правительству поступающую из разных источников информацию. Переведенные Виниусом материалы входили в состав предназначенных для царя и его окружения рукописных сборников новостей — «Курантов»; иногда почтмейстер сам читал новости царю и боярам⁵⁸. Среди корреспондентов Посольского приказа было много голландских купцов, которые вели торговлю с Россией и в надежде на получение привилегий регулярно осведомляли русское правительство о событиях за границей. Не довольствуясь этим, почтовые служащие вскрывали и перлюстрировали проходившие через их руки письма⁵⁹. Таким образом, Виниус стоял в центре обширной сети по сбору информации внешнего и внутреннего характера; часть этой информации он тайно поставлял Витсену, голландскому резиденту ван Келлеру и, возможно, некоторым другим лицам. О

том, какое влияние приобрел Виниус, говорит то обстоятельство, что когда в ходе одной тяжбы ему потребовалось заявить о благородном происхождении (что не соответствовало действительности), в его пользу лжесвидетельствовали не только ван Келлер и Гордон, но также датский резидент Бутенант и шведский резидент фон Кохен⁶⁰.

Голландцы продолжали попытки реализовать «каспийский проект», и в начале 1690 г. Витсен прислал царю подробный план организации торговли с Персией и Китаем через территорию России. Как и раньше, речь шла о том, чтобы предоставить голландцам право свободного транзита, но в торговле должны были участвовать и русские купцы, которые становились членами голландских торговых компаний. В случае успеха этого проекта Витсен обещал перевести на каспийский транзитный маршрут всю азиатскую торговлю Ост-Индской компании. В результате реализации проекта московское правительство должно было получить огромные доходы от таможенных пошлин⁶¹. К письму Витсена была приложена «карта Тартарии», составлению которой так способствовал Виниус и на которой был изображен морской путь от Архангельска в Китай (хотя в то время никто не знал о существовании пролива между Азией и Америкой). Кроме того, на карте была изображена неизвестная река, якобы текущая с востока и впадающая в Каспийское море — по этой реке можно было добраться до пределов Индии. К. Ботерблюм утверждает, что именно Виниус преподнес и растолковал царю карту Витсена⁶². Петр заинтересовался проектом Витсена, голландский резидент Келлер писал, что москвитяне замыслили грандиозные торговые проекты, и что голландцы могут принять в них участие⁶³.

1 апреля 1691 г. цари Петр и Иван в своей грамоте изъявили милость Витсену за «объявление», «каким подобием могут удобнейшие состояться торги и прибыльные торговые прибитки к доброму получению и великому сбору нашей Царского Величества пошлинной казны... от проезда торговых людей через наши Царского величества Великороссийские государства в Персиду и через Сибирь в Хинское или Китатское государство». Особой благодарности Витсен удостоился за то, что «изобразил и подал нам, Великим Государям, чертеж тех Сибирского и Хинского государств»⁶⁴. Цари обещали издать указ по поводу проекта Витсена — но указа не последовало: по-видимому, Боярская дума не разделяла энтузиазма молодого Петра. На ближайшее время дело ограничилось тем, что в марте 1692 г. по согласованию с Витсеном было отправлено русское торговое посольство в Китай; это посольство возглавил друг Виниуса, голландский купец Избрант Идес. Известно, что в дороге Идес руководствовался картой Витсена⁶⁵. Специалисты полагают, что именно письмо Витсена помогло Виниусу войти в круг ближайших друзей молодого царя. Кроме того, в силу своих обязанностей Виниус рассказывал царю о европейских новостях.

У Виниуса была обширная библиотека, состоявшая по большей части из голландских и немецких книг. Петру особенно понравилась книга об истории мореплавания и судостроения, автором которой опять же был Витсен. Виниус переводил для царя эту книгу, а потом по просьбе Петра стал учить его голландскому языку⁶⁶. Молодой царь не имел учителей, достойных этого имени, и Виниус постепенно утвердился в роли наставника. Он учил Петра голландскому языку и, конечно, в процессе обучения рассказывал о Голландии, о мореплавании, о европейской политике. Опытные учителя могут формировать мировоззрение своих учеников. Как известно, Александр I был обязан своему воспитателю, республиканцу Ф. Лагарпу, «всем, кроме своего рождения», а Николай I стал дисциплинированным кадетом под руководством своего учителя, генерала М.И. Ламздорфа. Какие цели преследовал Виниус? Конечно, на

первом месте стояли интересы голландской торговли — в особенности судьба грандиозного «каспийского проекта».

Многие историки отмечают, что после первой поездки на Переславское озеро любовь Петра к парусному спорту стала ослабевать, что, занятый маневрами и кутежами, он два с половиной года не интересовался судьбой судов, которые он приказал построить. Поначалу плавание под парусами было для него лишь одной из потех, но в 1691 г. настроение царя изменилось: М.Ф. Поссельт пишет, что под влиянием неких «иностранцев» Петр оценил перспективы создания флота и вернулся на Переславское озеро⁶⁷. Очевидно, Витсен и Виниус использовали увлечение царя плаванием под парусами, чтобы возбудить в Петре любовь к морю, к океанским кораблям и к далекой стране мореходов и купцов. Петр еще не видел моря и не успел побывать в Голландии, но летом 1692 г. он несколько дней праздновал победу голландцев и англичан над французским флотом в сражении у мыса Ла-Хог. Эта победа вызвала у Петра такой энтузиазм, что он порывался отправиться в Голландию, чтобы служить под командой Вильгельма III, и приказал своему Переславскому «флоту» салютовать в честь голландского штатгальтера.

Все эти поступки вызывали немалое удивление иностранных послов — ведь Россия не числилась среди союзников Голландии в этой войне⁶⁸. Действительно, по какой причине Петр стал праздновать морские победы Вильгельма III, подписываться по-голландски («Piter») и по-голландски обращаться к своим друзьям («Min Heer»)? При том, что его ближайшие друзья, Гордон и Лефорт, не были ни голландцами, ни моряками, а Гордон был прямым врагом Вильгельма III и панически боялся моря? Да и Лефорт лишь с трудом переносил морские «забавы» Петра⁶⁹. В 1693 г. Петр вместе с Виниусом (и другими членами «компании») отправился в Архангельск, чтобы посмотреть на знаменитые голландские «флейты» и фрегаты. Через посредство Виниуса и Витсена он заказал один фрегат и в следующем году снова поехал в Астрахань, чтобы встретить его. На этом фрегате был впервые поднят российский морской флаг — такой же, как голландский, лишь с изменением порядка цветов. Зачем был нужен этот корабль? Оказывается, Петр собирался искать морской путь в Китай и Индию через Северный океан — как это предлагалось в проекте Витсена. Однако трудности северного мореплавания были очевидны (Петр едва не погиб во время шторма), и следующим заказом Петра Витсену была галера. Почему именно галера — ведь Петр мечтал о парусных кораблях? Как предлагал Виниус еще в 1668 г., галеры нужны были для того, чтобы плавать за шелком в Персию и, если удастся, подняться до Индии по какой-то неведомой реке. Стараниями Виниуса и Витсена Петр одобрил «каспийский проект»: по образцу голландской галеры в Дединове на Оке предполагалось построить целый галерный флот, который вместе с парусными галиотами займется транспортировкой персидского шелка. Петр намеревался самолично участвовать в экспедиции на Каспийское море⁷⁰. Однако на деле поиски «реки в Индию» были отложены до 1710-х годов, а персидский поход Петра I состоялся лишь через 28 лет.

Первое препятствие для «каспийского проекта» создала возобновившаяся война с Турцией и Крымом. При организации первого похода на Азов на Виниуса была возложена задача обеспечить полки артиллерией и закупить через посредство Витсена пушки в Голландии. Поход 1695 г. закончился неудачей, и Петр пришел к выводу, что без помощи флота турецкими крепостями не овладеть, и строить галерный флот нужно не в Дединове, а в Воронеже. Виниусу было приказано организовать доставку заказанной в Голландии галеры в Москву; ее везли в разобранном виде на 20 специальных санях. По образцу этой галеры в Преображенском срубили части для 22 галер, Виниус отправил их в Воронеж, где и началась сборка. Галерный флот сыграл решаю-

щую роль в кампании 1696 года; в конечном счете Азов был взят, и Петр поручил Виниусу организовать празднества в ознаменование победы. Характерной деталью этого празднества было триумфальное шествие, в котором Петр шел в костюме голландского капитана — еще одно свидетельство странной заочной любви царя к далекой стране ⁷¹.

Некоторые авторы называют Виниуса «идеологом» при молодом Петре. Переписка Петра и Виниуса во время Азовских походов и позже, в период Великого посольства, красноречиво говорит о характере их отношений. Петр пишет Виниусу намного чаще, чем другим лицам, и пишет по-дружески, как равному. Интересно, что в их переписке 1694—1695 гг. часто встречаются аллегории на темы греко-римской мифологии — явление совершенно нетипичное для русской культуры того времени. Возникает естественный вопрос: кто, если не Виниус, в свое время переводивший басни Эзопа, мог научить молодого царя изъясняться таким языком? ⁷² В своих письмах Виниусу царь выказывает крайнюю степень доверительности, он упоминает бытовые подробности, пишет о своих пирушках и о том, что им иногда сопутствовало. Вот например, письмо от 2 июля 1698 г.: «На день святых апостол было нас гостей мужеска и женска пола больше 1000 ч. и были до света и беспрестанно употребляли тарара, тарара кругом, из которых иные и свадьбы сыграли в саду» ⁷³. Рядом с такими деталями обсуждаются и серьезные вопросы: Виниус постоянно просит Петра нанять мастеров разных специальностей — и может сложиться впечатление, что инициатором промышленной модернизации России был не Петр, а Виниус ⁷⁴. При ближайшем рассмотрении это впечатление усиливается. С 1694 г. Виниус фактически руководил Сибирским приказом, где он застал состояние хаоса: воеводы творили насилие, царские доходы разворовывались и казна была пуста. Три года ушло на проверки и отстранение проворовавшихся чиновников, и это было не просто, так как многие сибирские воеводы происходили из княжеских родов и имели могущественных покровителей в Боярской думе. Виниус убедил Петра, что воевод нужно назначать не по знатности, а по способностям — вероятно, это было первое массовое применение петровского принципа возвышения за заслуги. Затем Виниус организовал караванную торговлю с Китаем, ввел государственную монополию на торговлю мехами, восстановил питейную монополию и увеличил доходы Сибирского приказа в двадцать раз! На эти деньги он начал строительство горных заводов на Урале — именно для этих заводов Виниус искал мастеров за границей. По существу, Виниус проводил в Сибири ту политику реформ, которые позднее проводил Петр в масштабах всей страны ⁷⁵.

Царь в этот период был занят в основном военными и морскими делами. После взятия Азова встала задача создания флота для Азовского моря; нужны были мастера, чтобы строить корабли, и морские офицеры, чтобы командовать этими кораблями. Петр послал пятьдесят своих стольников учиться морскому делу за границу — в Голландию, Англию и Венецию. В числе «командированных» были многие друзья Петра, и царь, как и раньше, не пожелал отделяться от своей «компании» и сам отправился в учение за границу в качестве «бомбардира Петра Михайлова». Впрочем, стажировка царственного плотника на голландских верфях была не столько данью необходимости, сколько результатом увлечения Петра морским делом, а также подогреваемым Виниусом интересом к Голландии ⁷⁶. «Образовательное путешествие» царя в далекие земли было неслыханным делом для традиционного мировоззрения Московии, тогда как для Виниуса и Витсена такое путешествие было в порядке вещей. Они, конечно, знали о том, как Йохан Скитте уговорил молодого Густава Адольфа посетить Голландию под именем капитана Гирса, и о реформах, которые за этим последовали. И хотя история не сохранила непосредственных свидетельств о

роли Виниуса в организации путешествия Петра, имеются свидетельства о другом проекте такого рода. В 1699 г. Петр I намеревался отправить на учебу в Голландию своего сына Алексея, и его воспитателем должен был стать Виниус⁷⁷. Что это, как не признание заслуг Виниуса в воспитании самого Петра?

В самом начале путешествия с Петром произошел странный случай, во многом повлиявший на дальнейшие события его царствования. Голландский купец И. Любс, один из друзей и осведомителей Виниуса, якобы прислал письмо, в котором сообщал, что шведы замыслили убить царя, когда он будет проезжать через Ригу, и что убийство поручено некоему капитану Врангелю⁷⁸. Сообщение о готовившемся покушении и недовольство царя приемом в Риге спустя несколько лет послужили одним из поводов для войны со Швецией. Однако шведы в то время не желали зла царю Петру — наоборот, они оказывали ему помощь в войне с Турцией, поэтому сообщения Любса и Виниуса о коварных шведских планах выглядят неправдоподобными. Скорее всего, это была интрига Виниуса, который еще в 1675 г. вместе с ван Кленком пытался спровоцировать войну между Россией и Швецией: война за Нарву была частью «каспийского проекта».

Когда Петр в составе «Великого посольства» прибыл в Голландию, то первым предложением, с которым обратилось посольство к Генеральным штатам, было предложение об организации шелковой торговли с Персией. Однако в качестве ответной услуги Штатов послы просили о помощи в войне с Турцией, а международное положение было таково, что Голландия была заинтересована в скорейшем окончании этой войны. При встрече с Петром (на которой присутствовал и Витсен) штатгальтер Вильгельм III уговаривал царя заключить мир с турками и обещал свое содействие в получении Россией портов на Балтийском море. Таким образом, речь снова шла о прорыве «нарвского заслона» на пути шелковой торговли. Сохранился текст произнесенной на этой встрече приветственной речи Петра, в которой он выражал восхищение «священной особой» Вильгельма III в столь неумеренных выражениях, что историки долгое время отказывались считать этот документ подлинным. Более того, царь обещал Вильгельму помощь русской армии в случае новой войны с Францией. Однако никаких реальных договоренностей достигнуто не было, переговоры свелись к обмену любезностями⁷⁹. Неофициально посольство добилось более существенных результатов. Нидерланды были страной, в которой крупные города и купеческие корпорации пользовались значительной самостоятельностью, и через посредство Витсена Петру удалось установить связи с амстердамским купечеством. Это сыграло важную роль в Северной войне, когда амстердамские купцы в огромных количествах поставляли в Россию оружие, несмотря на официальный запрет правительства Соединенных провинций⁸⁰. Во время пребывания в Голландии Петр находился под опекой Витсена, который составил для царя «культурную программу», предусматривавшую беседы с купцами, посещение порта, мануфактур, мастерских, музеев и лабораторий крупных ученых. Петр некоторое время изучал математику и навигацию у Альбертсона ван Дама, работал в мастерских инженера-механика ван дер Гейдена, побывал у изобретателя микроскопа Левенгука и в анатомическом театре профессора Рюйша, познакомился с архитектором Шейнфойтом и со знаменитым военным инженером ван Кегорном⁸¹. Цель Витсена и Виниуса, очевидно, состояла в том, чтобы вызвать восхищение царя и приобщить его к голландской культуре, сделать из Петра «русского голландца». С этого времени в душе Петра поселилась мечта превратить Россию в Голландию, а главное — построить свой Амстердам, город кораблей, каналов и многоэтажных каменных зданий.

Петр возвращался в Россию с решительным намерением при поддержке цивилизованных голландцев преобразовать свою страну и, как он выражался в

минуты откровенности, «обратить скотов в людей»⁸². «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландию», — писал Н.М. Карамзин⁸³. Как видно, это «перевоспитание» Петра I было проявлением голландского диффузионного влияния — влияния, которое сказывалось во всех странах Балтии. Густав Адольф и Фридрих Вильгельм тоже посещали Голландию и, вернувшись, пытались подражать этому центру западной цивилизации: нанимали голландских мастеров, строили мануфактуры и флот, отправляли экспедиции за моря. В Копенгагене голландское влияние оказалось столь сильным, что местные бюргеры потребовали уравнивать их в правах с дворянами — и в конечном счете добились своего. Однако развитие балтийских государств все же шло в другом направлении, нежели развитие Голландии, — в направлении к абсолютизму. Россия тоже двигалась к абсолютизму, хотя до своего возвращения из Голландии Петр не был абсолютным монархом: он правил вместе с Боярской думой. Таким образом, предстоит еще ответить на вопрос, каким образом и почему Петр Великий стал самодержцем и императором.

(Окончание следует)

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».

1. Вопросы истории, 2002, № 11, с. 30—53.
2. POE M. The Military Revolution, administrative development, and cultural change in Early Modern Russia. — The Journal of Early Modern History, 1998, vol. 2, № 3, p. 247—273; и др.
3. ГОЛИКОВ И.И. Деяния Петра Великого. Т. 9. М. 1838, с. 59—60.
4. СЫРОМЯТНИКОВ Б.И. «Регулярное государство» Петра Первого и его идеологи. М. 1943, с. 126; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Т. 4. М. 1937, с. 89—90.
5. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. 3. М. 1937, с. 199.
6. КРИЖАНИЧ Ю. Политика. М. 1997, с. 261, 286.
7. СМИРНОВ П.П. Правительство Б.И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент. 1929, с. 13; ЧЕРЕПНИН Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М. 1978, с. 345.
8. БУШКОВИЧ П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб. 2008, с. 34; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. 4, с. 221.
9. СЕДОВ П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб. 2006, с. 51; OSTROWSKI D. The Façade of legitimacy: Exchange of power and authority in Early Modern Russia. — Comparative Studies in Society and History, 2002, vol. 44, № 3, p. 542.
10. КОТОШИХИН Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1859, с. 105.
11. Там же, с. 25; ЕВРЕИНОВ В.А. Гражданское чиновничество в России. СПб. 1887, с. 14; СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 472.
12. ЕВРЕИНОВ В.А. Ук. соч., с. 21, 24.
13. МАНЬКОВ А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб. 1998, с. 31.
14. СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 13, 7.
15. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Боярская дума Древней Руси. М. 1882, с. 507.
16. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н.П. Феодализм в древней Руси. М.-Пг. 1924; СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 552.
17. ЧЕРНОВ А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М. 1954, с. 127—128.
18. ПЛАТОНОВ С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. М. 1925, с. 109; БАЗИЛЕВИЧ К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М. 1936, с. 105.
19. САХАРОВ А.Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма. — История СССР, 1971, № 1, с. 121; АНДРЕЕВ И. Не тихий Тишайший. — Родина, 1998, № 9, с. 40.
20. КОТОШИХИН Г. Ук. соч., с. 105.
21. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 62; ЧЕРЕПНИН Л.В. Ук. соч., с. 343.
22. СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 551.

23. БОГДАНОВ А.В. В тени Петра Великого. М. 1998, с. 261.
24. ХЬЮЗ Л. Царевна Софья. СПб. 2001, с. 134, 139.
25. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н.П. Ук. соч., с. 155.
26. СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 13—14; БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 9, 18; DUNNING Ch., SMITH N. Moving beyond absolutism: was early modern Russia a «fiscal-military» state? — Russian History, 2006, vol. 33, № 1.
27. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Петр I. Материалы к биографии. Т. 1. М. 2007, с. 37; БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 175, 178; ЧЕРЕПНИН Л.В. Ук. соч., с. 355.
28. ВАЛИШЕВСКИЙ К. Смутное время. СПб. 1911, с. 316—319.
29. БРАНДЕНБУРГ Н. Очерки состояния военного дела на Руси в первой половине XVII века. — Военный сборник, 1869, № 4, с. 162; ДЬЮКС П. Семейство Лесли в шведский период (1630—1635) Тридцатилетней войны. В кн.: Россия и мировая цивилизация. М. 2000, с. 155—157; СТАШЕВСКИЙ Е. Смоленская война. Организация и состояние Московской армии. Киев. 1919, с. 6, 149, 186.
30. ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Сошное письмо. Т. 2. М. 1916, с. 488—493.
31. БАЗИЛЕВИЧ К.В. Ук. соч., с. 12; СОЛОВЬЕВ С.М. Соч. Кн. 6. М. 1990, с. 47.
32. ЧЕРНОВ А.В. Ук. соч., с. 144—145.
33. БАЗИЛЕВИЧ К.В. Ук. соч., с. 108.
34. МАЛОВ А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656—1671 гг. М. 2006, с. 575.
35. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Т. 4, с. 66.
36. Там же, т. 3, с. 248.
37. ГАМЕЛЬ И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М. 1828, с. 6—12, 27; КУРЦ Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев. 1915, с. 169.
38. Письмо одного шведа из Москвы, в 1647 году писанное. — Северный архив, 1822, № 1, с. 151.
39. ВЕЛУВЕНКАМП Я. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550—1785. М. 2006, с. 179—180; ЦВЕТАЕВ Д. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. М. 1890, с. 716, 723.
40. ГОРДОН П. Дневник. 1684—1689. М. 2009, с. 213.
41. БОБРОВСКИЙ П. Потешные и начало Преображенского полка. СПб. 1899, с. 58, 63; БОЛТУНОВА Е.М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М. 2011, с. 175—176.
42. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Т. 4, с. 88.
43. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб. 1887, с. 28—29.
44. КУРАКИН Б.И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682—1695 гг. — Русская старина, 1890, т. 68, № 10, с. 249.
45. КОРБ И.Г. Дневник путешествия в Россию (1698 и 1699 гг.). СПб. 1906, с. 255; БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 182; УСТРЯЛОВ Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб. 1858, с. 128.
46. АНИСИМОВ Е.В. Время петровских реформ. Л. 1989, с. 20.
47. МИЛЮКОВ С.Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Вinius — государственный деятель России второй половины XVII — начала XVIII века. Канд. дисс. М. 2000; ЮРКИН М.Н. Андрей Андреевич Вinius. 1641—1716. М. 2007; VOTERBLOEM K. Moderniser of Russia: Andrei Vinius, 1641—1716. London. 2013.
48. VOTERBLOEM K. Op. cit., p. 60—61; МИЛЮКОВ С.Г. Ук. соч., с. 37.
49. VOTERBLOEM K. Op. cit. P. 61; КУРУКИН И.В. Персидский поход Петра Великого. М. 2010, с. 22; ВЕЛУВЕНКАМП Я. Ук. соч., с. 152.
50. Дополнение к актам историческим. М. 1855, с. 404—405; КОЗЛОВСКИЙ И.П. Андрей Вinius, сотрудник Петра Великого. СПб. 1911, с. 8.
51. КУРЦ Б.Г. Ук. соч., с. 150.
52. БЕЛОВ М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. В кн.: Россия в XVII—XVIII вв. М. 1966, с. 63; МИЛЮКОВ С.Г. Ук. соч., с. 41.
53. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 50, 1675 г., д. 3, л. 536—541.
54. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб. 1900, с. 422 и примеч. 67.
55. МИЛЮКОВ С.Г. Ук. соч., с. 73—76.
56. РГАДА, ф. 50, 1676 г., д. 1, л. 16—17.
57. VOTERBLOEM K. Op. cit., p. 90.
58. Ibid., p. 55—58.
59. КУРЦ Б.Г. Ук. соч., с. 160.
60. VOTERBLOEM K. Op. cit., p. 57—58, 67, 103, 108—109.
61. РГАДА, ф. 50, 1690 г., д. 1, л. 1—5об.
62. VOTERBLOEM K. Op. cit., p. 142.

63. БЕЛОВ М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVIII в. В кн.: Международные связи России в XVII—XVIII вв. М. 1966, с. 72.
64. РГАДА, ф. 50, 1691 г., д. 2, л. 25—26.
65. ИДЕС И., БРАНД А. Записки о посольстве в Китай. М. 1968, с. 16—18.
66. ВОТЕРВЛОЕМ К. *Op. cit.*, p. 142, 149; МИЛЮКОВ С.Г. Неизвестное послание А.А. Виниуса к Петру Первому. — Документ. Архив. История. Современность, 2010, вып. 10, с. 251.
67. ПОССЕЛЬТ М.Ф. Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт, или начало русского флота. СПб. 1863, с. 7, 9.
68. БЕЛОВ М.И. Ук. соч., с. 82; БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., т. 1, с. 144.
69. ПОССЕЛЬТ М.Ф. Ук. соч., с. 45.
70. Там же, с. 40—41; МИЛЮКОВ С.Г. Ук. соч., с. 65.
71. УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 303; БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М. 1940, с. 272—274; МИЛЮКОВ С.Г. Ук. соч., с. 66.
72. ЮРКИН М.Н. Ук. соч., с. 219—220.
73. УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч. Т. 3, с. 442.
74. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1, с. 198—247.
75. МИЛЮКОВ С.Г. Ук. соч., с. 112, 106—148.
76. Там же, с. 59.
77. ВОТЕРВЛОЕМ К. *Op. cit.*, p. 185.
78. *Ibid.*, p. 74.
79. ВЕНЕВЕТИНОВ М.Л. Русские в Голландии. Великое посольство 1697—1698 гг. М. 1897, с. 102, 73—75; ВОЗГРИН В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л. 1986, с. 61; МАТВЕЕВ В.М. «Дипломатия в верхах» в XVII веке: Петр I и Вильгельм III в Утрехте и в Лондоне (1697—1698). В кн.: Петр Великий, реформатор России. Вып. 13. М. 2001.
80. KONINGSBRUGGE VAN H. In war and peace: the Dutch and the Baltic in early Modern Times. — *Tijdschrift voor Skandinavistiek*, 1995, vol. 16, № 2, p. 194—195.
81. ПЕКАРСКИЙ П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб. 1862, с. 7—11.
82. ЮЛЬ Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом. — Лавры Полтавы. М. 2001, с. 180.
83. КАРАМЗИН Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. 1991, с. 36—37.

«Советизация» Америки в 1920—1930-е гг.

И.М. Супоницкая

«Совершенно ясно, — заметил после поездки в 1928 г. по Соединенным Штатам немецкий философ Г. Кайзерлинг, — что только американская система, а отнюдь не большевистская, заслуживает названия социалистической»¹. Подобное суждение может показаться парадоксальным личным мнением мыслителя. Однако Т. Драйзер, в то же время побывавший в СССР, пришел к схожей мысли. «Я предчувствую, что наша страна со временем советизируется — возможно, уже на моих глазах» — писал он, полагая, что стране с крупными корпорациями несложно перейти к советской системе². В этом был уверен и кандидат в президенты от коммунистической партии США У. Фостер. «Когда правительство Соединенных Штатов возглавит коммунист, — заявил он в 1928 г., — что этот день настанет, так же несомненно, как восход солнца, — то правительство будет не капиталистическим, а советским, за ним будет стоять Красная армия, чтобы установить диктатуру пролетариата»³. Фостер намеревался вместе со свержением капитализма уничтожить все буржуазные партии и превратить страну в Соединенные Советские Штаты Америки⁴. В 1930-е гг. популярным лозунгом компартии стал «Коммунизм — это американизм XX века», привлекая новых членов. Хотя еще раньше, в 1925 г., В. Маяковский в поэме «Летающий пролетарий» писал о том, как «Великая Американская федерация присоединяется к Союзу советов!», правда, это должно было произойти через 200 лет.

Уже на рубеже XIX и XX вв. социалисты видели в трестах базу будущего нового общества. А в утопическом романе «Взгляд назад» (1888 г.) Э. Беллами предсказал победу национализации в Америке и переход собственности к одной государственной корпорации. Книга породила в Соединенных Штатах движение за национализацию, по стране создавались клубы Беллами.

Новый импульс идея социализма получила после революции 1917 г. в России. В 1919 г. в США возникли сразу две коммунистические партии. Инициатором одной из них был молодой журналист Джон Рид, вернувшийся из советской республики. Коммунисты и им сочувствующие, подобно Драйзеру, верили, что Америка тоже перейдет вскоре к новому, справедливому обществу,

---

Супоницкая Ирина Марковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

и стремились ускорить его приход. Один из них, Морис Коэн, полагал, что деятельность компартии, «авангарда рабочего класса», приведет к установлению советской системы во всем мире, то есть к «созданию лучшего общества для масс»⁵.

В Новом Свете оказалось немало поклонников советской республики. Американцев привлекали энергия россиян в стремлении создать новое общество, социальная активность и оптимизм, свойственные им самим. Советская Россия перехватила у Америки лидерство в социальном эксперименте, динамизме развития; о ней говорили как о «громдой лаборатории». Американцы откликнулись на призыв советской власти помочь в восстановлении разрушенного гражданской войной хозяйства, тем более, что послевоенный экономический кризис оставил многих без работы. «Больше всего, — писал в воспоминаниях инженер-химик Немми Спаркс, — нас тянуло к этой удивительной русской революции, к новому миру, который только что создавался». Не найдя работу по специальности на родине, он уехал в Сибирь, в организованную там Автономную индустриальную колонию Кузбасс (АИК), где участвовал в пуске коксохимического завода, и домой вернулся коммунистом. Рабочий-инструментальщик Луи Гросс из Техаса остался в России; побывал в разных регионах, вступил в компартию и получил советское гражданство, заметив: «Я теперь стопроцентный ред»⁶.

Идеи коммунизма увлекли не только рабочих, но и американских интеллектуалов. Побывавшие в советской республике журналисты Л. Стеффенс, А. Уильямс (в СССР известен как Вильямс) и Дж. Рид восторженно отзывались об увиденном. «Я был в будущем, и оно работает», — заявил Л. Стеффенс⁷. Его поразил энтузиазм советских людей 1920-х гг.; у молодежи он обнаружил черты психологии нового общества, свободного от индивидуалистических ценностей капиталистического мира. «Они обладают таким чувством собственного достоинства, которого вам не приходилось видеть, — писал Стеффенс в 1923 г. — Они ничего не боятся... У них нет собственности, они не могут ничем владеть, они могут только служить, их религиозный идеал — эффективность»⁸.

Некоторым американским журналистам, работавшим в Советском Союзе, были близки идеи социализма. Корреспондент United Press International Ю. Лайонс прожил в СССР несколько лет (1928-1934). Выходец из бедной семьи еврейских иммигрантов из Белоруссии, он с детства впитал социалистические взгляды. Его перу принадлежит книга о Н. Сакко и Б. Ванцетти. Лайонс не был членом компартии США, но принадлежал к массовому отряду попутчиков, разделявших коммунистические взгляды. Ему первому из западных журналистов Сталин в 23 ноября 1930 г. дал интервью. Другой попутчик, Л. Фишер, работал в советской России 14 лет, отсылая сочувственные статьи о молодой республике рабочих и крестьян в еженедельник «The Nation».

Просоветскими материалами отличался один из влиятельных журналистов, корреспондент газеты «New York Times» У. Дюранти, который провел в СССР 12 лет (1922—1934). Ему благоволил Сталин, дав в 1933 г. два интервью. Репортажи о большевистском режиме принесли Дюранти известность и Пулитцеровскую премию, хотя в журналистских кругах он прослыл апологетом советской власти, даже аморальным и беспринципным человеком. Дюранти сдержанно комментировал коллективизацию и репрессии сталинского режима, приводя слова пословицы: «Нельзя сделать омлет, не разбив яиц» (русский аналог: лес рубят — щепки летят). Как и Фишер, Дюранти отрицал факт голода на Украине. Когда молодой английский журналист Г. Джоунс, нарушив запрет советских властей на поездки иностранцев по стране, побывал на Украине (он знал русский, так как его мать несколько лет прожила в России) и опубликовал материал о катастрофическом голоде, Дюранти обвинил его, по сути, во

джи⁹. Но вскоре о голоде узнал весь мир, а Дюранти чуть не лишился Пулитцеровской премии.

Одним из приверженцев коммунистической идеологии и Советского Союза был журналист Макс Истмен, ученик философа Дж. Дьюи, лидер леворадикальных литераторов и редактор журнала «The Masses», пропагандировавшего идеи кооперативного движения и социализма. Истмен считал русскую революцию «высшим социальным достижением человечества», а большевистское правительство — «наиболее справедливым, мудрым, гуманным и демократическим правительством, которое когда-либо существовало»¹⁰. В СССР он видел образ будущей Америки. В 1922—1924 гг. Истмен жил в России, хорошо знал ее властную элиту (был женат на сестре Н.В. Крыленко), участвовал в работе XII и XIII съездов РКП(б). Будучи почитателем Л. Троцкого, написал его биографию, переводил его работы. Перед отъездом Истмена в Америку Троцкий передал ему письмо Ленина к съезду, которое тот опубликовал, вызвав сенсацию на Западе и нападки партийцев на Троцкого, который тут же отказался от информации, объявив ее вымыслом журналиста, что, впрочем, не помешало их дальнейшему сотрудничеству.

Со второй половины 1920-х гг. росло число американских визитеров в СССР. Среди них были писатели и литераторы (Т. Драйзер, Дж. Дос Пассос, Э. Уилсон), философы и политики (Дж. Дьюи, Р. Нибур, Р. Лафоллетт, Р. Тагвелл).

Дьюи после поездки в Советский Союз в 1928 г. расценил его как «великий эксперимент», самый интересный из всех, которые когда-либо проводились на земле, правда, добавил, что предпочел бы видеть его в России, а не в собственной стране. Самым важным он считал попытку большевиков сформировать «новую ментальность и новую мораль кооперативного социального типа». Такое общество будет отличаться от западного капитализма с частным капиталом и индивидуальной прибылью¹¹. Философ надеялся на появление подобного общества в Америке и работал над созданием для него новой национальной традиции — коллективистского индивидуализма¹².

О необходимости радикального изменения американской системы писал еще в 1914 г. политический мыслитель, один из лидеров прогрессизма Г. Кроули. Он полагал, что концентрация богатства и финансовой власти привела к «хаотичному индивидуализму», поэтому стране необходимо «эффективное регулирование» государства. На смену демократии индивидуализма должна прийти «высоко социализированная демократия», демократия коллективизма¹³. Либералы, собравшиеся вокруг основанного Кроули журнала «The New Republic» (Дж. Дьюи, У. Липпман, Э. Уилсон, М. Каули, С. Чейз), надеялись на мирную трансформацию Америки без революционных потрясений, в отличие от экономически отсталой России.

Назвав американскую систему социалистической, Кайзерлинг, разумеется, не имел в виду победу в ней социализма российского образца, как полагали Драйзер и Фостер. Американцев, считал немецкий мыслитель, роднит с русскими приверженность «общему делу». «В американской нации, — писал он, — социальные тенденции превалируют над индивидуальными»¹⁴. Взгляду Кайзерлинга близко мнение другого философа, Дж. Сантаяна, который отмечал «героический общественный дух» американцев, назвав среди трех признаков американизма наряду с трудолюбием и стремлением к преуспеванию «свободный дух кооперации»¹⁵. Эта традиционная приверженность «общему делу» и желание перемен в стране, вступившей в эпоху крупных корпораций, объясняют интерес американцев к советскому эксперименту.

В кризисные 1930-е гг. СССР стали даже рассматривать как модель для Соединенных Штатов. Привлекала, прежде всего, плановая система и соци-

альная политика. Профессор Колумбийского университета Дж. Каунтс, дважды побывавший в 1920-е гг. в Советском Союзе, заметил, что эта страна бросила вызов Америке не Коминтерном, Красной армией и ГПУ, но Госпланом и системой образования¹⁶. В 1932 г. Лига за независимые политические действия во главе с Дьюи представила четырехлетний план выхода США из кризиса, который включал федеральную помощь безработным, общественные работы, социальное страхование, общественную собственность на коммунальные предприятия, железные дороги и пр. Историк Ч. Бирд в своем пятилетнем плане возложил контроль за его выполнением на Национальный экономический совет с представителями бизнеса, рабочих и аграриев, а в основных отраслях предлагал ввести систему картелей¹⁷. Однако, поддерживая идею планирования, американские либералы отчетливо понимали дефекты советской системы и осуждали тоталитаризм и террор в СССР.

Если большинство надеялось изменить страну с помощью реформ, то некоторые во время кризиса перешли на радикальные позиции. В 1931 г. литератор Э. Уилсон заявил о банкротстве либерализма, который не может предложить ничего, кроме общественного владения сферой коммунальных услуг. Он полагал, что в Америке пришло время для социализма, хотя считал американскую компартию неэффективной и предлагал «отделить идеологию коммунизма от коммунистов»¹⁸. Журналист Дж. Чемберлин находил противоречивым понятие «плановый капитализм» и тоже не видел альтернативы «социалистической Америке или промышленной демократии» в условиях современного хаоса¹⁹. Леворадикалы почитали Ленина, Истмен называл его «сверхчеловеком в политике», а другие — даже современным Христом. «Если Америка хочет сохранить свою душу, — заявил один из них, — ...она должна перейти от буржуазной экономики и психологии к восприятию пролетарской философии жизни»²⁰.

Во время президентской кампании 1932 г. радикальные интеллектуалы в открытом письме «Культура и кризис» призывали поддержать кандидатов от компартии У. Фостера и Дж. Форда, поскольку только эта партия «стоит за социализм не на словах, а на деле» и предлагает реальное решение проблем кризиса — создание правительства рабочих и фермеров²¹. Письмо подписали 52 человека, среди них писатели Ш. Андерсон, Э. Колдуэлл, Дж. Дос Пассос, Э. Уилсон, хотя ни один из них не был членом компартии. «Только социализм, — говорилось в письме, — может уничтожить эксплуатацию и бедность, которые господствуют при капитализме. Общественное владение и управление средствами производства и распределения является исходной точкой социальной, экономической и культурной реорганизации». Авторы были убеждены, что в США с высоким уровнем развития производства гораздо легче построить социализм, чем в России. «Капитализм разрушителен для культуры, — заключили они, — тогда как коммунизм стремится сохранить цивилизацию и ее культурное наследие»²².

Сторонники планирования были и среди представителей крупного бизнеса. Президент компании «Дженерал электрик» Дж. Своуп в 1931 г. предложил Гуверу начать регулирование производства и цен с помощью торговых ассоциаций, созданных в каждой отрасли. План Своупа поддержала Торговая палата, но президент Гувер отказался от него, назвав фашистским, разновидностью корпоративного государства Муссолини²³. Он был использован во время «нового курса» Ф.Д. Рузвельта.

Американское правительство также испытало влияние советской системы. Если президент Гувер не хотел и слышать о планировании экономики, то Рузвельт видел в нем «путь в будущее». «Возможно, не далек тот день, — заявил он в 1932 г., — когда планирование станет частью национальной политики этой страны»²⁴. Сторонниками планирования были три его советника из

Колумбийского университета, Р. Моули, А. Берли и Р. Тагвелл, прозванный «красным Рексом». После посещения в 1927 г. СССР профессор экономики Тагвелл перешел от идеи регулирования национальной экономики к необходимости ее планирования, для чего считал нужным изучать советский эксперимент, особенно опыт работы Госплана. «Вызов России Америке, — заявил он, — состоит не в достоинствах советской системы, хотя и они нуждаются в рассмотрении. Этот вызов скорее в идее планирования, целенаправленном, разумном контроле над экономикой. Это, полагаю, мы должны воспринять как руководство для нашей экономической жизни, чтобы заменить устаревшие идеи философии *laissez-faire*»²⁵.

Тагвелл верил, что на смену конкуренции придет кооперация и что общественный контроль заменит частный, а потому в России видел будущее Америки. Выступая по радио в 1932 г., он даже заявил о необходимости отказаться от американской системы бизнеса и перейти к планированию по советскому образцу, кооперированию сельского хозяйства и промышленности²⁶. В советской системе Тагвелла привлек характер экономики, работающей «в общественных интересах»; отсутствие резкого неравенства в распределении доходов, рабочий контроль над производством. Он даже склонялся к мысли, что планирование всего хозяйства возможно лишь при общественной собственности и контроле над средствами производства, чего добиваются коммунисты²⁷. Американский экономист не знал реальностей советского хозяйства, не выполнившего ни одного плана, и того, что само планирование преследовало скорее пропагандистские, идеологические цели.

Взгляды Тагвелла в администрации Рузвельта считали радикальными, хотя некоторые, подобно министру сельского хозяйства Г.А. Уоллесу, под чьим руководством он работал, их разделяли. В 1935 г. Тагвелл возглавил Администрацию по переселению, целью которой было помочь бедным семьям во время кризиса, спасти их от голода. Он намеревался переселить около полумиллиона человек (фермеров, арендаторов) на плодородные земли, а также построить 50 городов. Тагвелл рассматривал этот проект как фундамент будущего кооперативного общества. Однако Конгресс назвал проект социалистическим, обвинив автора в антиамериканизме, и срезал финансирование. В результате было построено лишь 3 города и переселено около 4 тыс. человек²⁸. Тагвелл ушел в отставку, его организация была признана неконституционной и реорганизована. В 1940-е гг. экономист внедрял планирование в Пуэрто-Рико, где стал губернатором.

Другой поклонник сталинского режима — американский посол в СССР в 1936—1938 гг. Джозеф Дэвис. В марте 1938 г. он присутствовал на политическом процессе Н. Бухарина, А. Рыкова и др., слышал их признательные показания, поверил в заговор, который они замыслили под руководством М. Тухачевского, и пришел к выводу о справедливости решения суда. Советское правительство, по его мнению, действовало быстро и энергично, и к 1941 г. пятая колонна в СССР была уничтожена, чистки освободили страну от предателей²⁹. Фильм по его книге «Миссия в Москву» (1943 г.), понравился Сталину, его показали советским зрителям. Дэвис стал единственным западным дипломатом, награжденным в 1945 г. орденом Ленина.

Противники администрации Рузвельта упрекали ее в «культе планирования», которое приведет к социализму и коллективизму; а также в «русофильстве». Один из самых яростных критиков «нового курса» экс-президент Гувер утверждал, что активное вмешательство государства в экономику будет способствовать централизации власти, усилению бюрократизации, ограничению предпринимательской активности, а значит — снижению экономической эффективности и потере американских ценностей. В результате США превратятся в

разновидность коллективистского государства, подобие СССР и гитлеровской Германии.

Гувер, по существу, обвинил Рузвельта в «советизации» Америки, назвав «новый курс» попыткой «коллективизировать американскую систему жизни»³⁰. Первым принципом коллективизма он считал концентрацию власти и видел в ней нарушение принципа разделения властей, когда исполнительная власть подминает законодательную и ограничивает независимость судебной системы. Решение Рузвельта о создании государственной компании по управлению долиной реки Теннесси, чему препятствовал сам Гувер в бытность президента, он расценил как «переход к социализму с помощью электричества»³¹. (Совсем как Ленин: «социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны»).

При Рузвельте, полагал Гувер, доминирующую роль в структурах, определявших политику (госдепартамент, министерства финансов, сельского хозяйства, труда, внутренних дел, комитеты по регулированию), играли представители левого крыла демократической партии, симпатизировавшие советской России (Д. Ачесон, Г. Моргентау, Г. Икес и др.), которых он назвал «тоталитарными “либералами”»³².

Правительство Рузвельта, по его мнению, признало Советский Союз под давлением коммунистов и их попутчиков, несмотря на то, что он не выполнил поставленные условия (уплата долга, религиозная свобода, прекращение коммунистической пропаганды). «С признанием СССР наши двери открылись для коммунистического проникновения...»³³.

На первый взгляд обвинения Гувера можно было бы расценить как брюзжание потерявшего власть консерватора, однако они оказались не бесосновательны.

СССР немало способствовал «советизации» Америки, активно занимаясь пропагандой своих успехов, приглашая известных людей, с восторгом рассказывавших о новом обществе. С этой же целью он участвовал во Всемирной выставке 1939 г. в Нью-Йорке, затратив огромные деньги. Советский павильон поражал размерами грандиозной 24-метровой скульптуры рабочего с рубиновой звездой в руке (работа Вячеслава Андреева), напоминавшей американскую статую Свободы; фрагментом станции метро Маяковская в натуральную величину, а также огромным (4-метровым) макетом Дворца Советов, который должен был превзойти самое высокое здание в мире — небоскреб Эмпайр Стайт билдинг в Нью-Йорке. Он убеждал посетителей в скорой победе СССР в соревновании с Америкой. Павильон пользовался популярностью, добавив сторонников нового рабоче-крестьянского общества.

Давно известно, что Советский Союз и Коминтерн финансировали коммунистическое движение в мире, в том числе и в США, руководили деятельностью компартий. Но только открытые для исследователей в 1990-е гг. архивы Коминтерна Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) окончательно это подтвердили, показав «советский мир американского коммунизма» — тесную связь компартии США с Советским Союзом и Коминтерном³⁴.

До установления дипломатических отношений между СССР и США деньги для американской компартии доставляли курьеры, в том числе Дж. Рид, бизнесмен А. Хаммер, получивший одну из первых концессий. В 1920 г. Рида арестовали с деньгами и бриллиантами в Финляндии, когда он возвращался из России домой. Субсидии компартии США продолжались до конца 1980-х гг., генеральный секретарь Г. Холл в 1988 г. оставил расписку в получении 3 млн долларов³⁵.

Кризисные 1930-е гг. — время наибольшей политической активности коммунистов. В феврале 1930 г. Коминтерн потребовал изменить методы работы

компартии, сделав акцент на «массовые революционные действия пролетариата — забастовки, демонстрации и пр.»³⁶. Весной 1930 г. в нескольких городах коммунисты вывели на улицы более 1 млн человек, выступивших против безработицы; в 1931 г. руководили крупнейшей забастовкой горняков. Они создавали независимые от АФТ профсоюзы, которые вошли в Лигу профсоюзного единства; по инициативе компартии прошли голодные марши безработных на Вашингтон и поход ветеранов (бонус-армия) в 1932 году.

До 1935 г. коммунисты были в оппозиции к администрации Рузвельта, называя его общественным врагом № 1, даже фашистом. Но их позиция резко изменилась после выступления Г. Димитрова на 7-ом Конгрессе Коминтерна (1935 г.), который поддержал политику Рузвельта и раскритиковал американскую компартию за сектантство. Коммунисты перешли к сотрудничеству с демократической партией, вошли в Народный фронт. Под их влиянием находилась четверть членов Конгресса производственных профсоюзов. Численность компартии к 1939 г. достигла пика, составив, по ее подсчетам, около 100 тыс. чел., хотя зарегистрированных было 66 тыс., зато сочувствующих — в 10 раз больше³⁷.

При установлении дипломатических отношений с Соединенными Штатами советское правительство обязалось отказаться от коммунистической пропаганды в Америке. В интервью 1936 г. Сталин уверял в соблюдении договоренностей³⁸. Однако Советский Союз и Коминтерн продолжали пропаганду, определяли стратегию и тактику компартии, ее кадровую и организационную политику, отношение к рабочему движению и администрации Рузвельта. По их приказу был снят лозунг «Коммунизм — это американизм XX века», несмотря на сопротивление американских коммунистов (им не помогло обращение к Димитрову)³⁹. Даже конфликты между партийными лидерами разрешались в Москве, как и прежде, когда по ее указанию объединились возникшие в 1919 г. две компартии. В письме от 2 февраля 1938 г. Коминтерн требовал прекратить политические разногласия между тов. Фостером и тов. Браудером. «Компартия США никогда не была независимой политической организацией», — заключили исследователи⁴⁰.

Об интересе к марксизму в американском обществе и его пропаганде, которой занимались в 1930-е гг. коммунисты, на слушаниях комитета по расследованию антиамериканской деятельности говорил историк Д. Бурстин, около года состоявший в компартии. В Гарвардском университете открыто существовал кружок по изучению марксизма, его члены организовали среди учителей профсоюз, где рассказывали о коммунистической идеологии. После заключения в 1939 г. пакта между СССР и Германией Бурстин, как и его коллеги, вышел из компартии⁴¹.

Но СССР занимался не только пропагандой коммунизма. С 1920-х гг. советские спецслужбы начали работу за рубежом, ею руководила военная разведка — ГРУ. Коминтерн обязал все компартии создать подпольный аппарат, в США с этой целью в 1932 г. был направлен Дж. Питерс. В отчете 1939 г. о работе аппарата его руководитель Р. Бейкер, сменивший Питерса, сообщал, что за четыре года были налажены связи между ЦК партии и штатами, созданы группы людей, не прикрепленных к парторганизациям, то есть засекреченных⁴². Партия занималась вербовкой агентов для советской разведки, сбором информации. На советские спецслужбы, как свидетельствуют документы, работали не только сам генеральный секретарь Браудер, его жена и сестра, но и множество рядовых членов компартии⁴³.

Сотни американских коммунистов учились в Международной ленинской школе в Москве, где им преподавали марксизм-ленинизм, советскую историю и прочие предметы. Некоторые из них были приняты в компартию СССР.

Выпускники школы заняли ведущие позиции в компартии США, в том числе ее подпольном аппарате ⁴⁴. Учащиеся проходили даже военную подготовку. В письме от 28 июня 1936 г. представитель американской компартии в Коминтерне Рэндольф сообщал руководителям Коминтерна Д. Мануильскому и А. Марти, что американские студенты были посланы на две недели в военный тренировочный лагерь, где получили инструкции по военной тактике, обучались приемам джиу-джитсу и пр. Их даже одели в форму Красной армии. Рэндольф предлагал отменить подобную практику, особенно для американцев, ссылаясь на то, что враги, узнав о ней, заявят о подготовке Советским Союзом восстания против правительства США ⁴⁵. (Во время войны в Испании коммунисты послали туда три батальона американских добровольцев (3,3 тыс. чел.) ⁴⁶).

О шпионаже свидетельствует и другой источник, рассекреченный в США в 1995 г., — советская дипломатическая переписка 1940-х годов. Опасаясь сговора между СССР и Германией, Соединенные Штаты в 1943 г. начали расшифровку этой переписки (проект «Венона»), которая оказалась донесениями советских разведчиков генералу П. Фитину, главе внешней разведки НКВД. Она подтвердила сотрудничество компартии США с советскими спецслужбами, о чем после войны рассказали перебежчики, бывшие советские агенты Э. Бентли и У. Чендлер, работавшие в подполье курьерами. «Шпионаж был регулярной деятельностью американской компартии», она стала пятой колонной и работала в интересах СССР против своей страны — таков вывод историков Дж. Хейнса и Х. Клера после изучения этих материалов ⁴⁷.

В докладах ФБР 1945 и 1946 гг. президенту Трумэну, составленных на основе информации перебежчиков, говорилось о деятельности в США в 1930—1940-е гг. нескольких тайных коммунистических групп ⁴⁸.

Один из создателей подполья — коммунист Гарольд Уэр, сын старшей деятельницы рабочего и социалистического движения в США Э. Блур, «матушки Блур», как ее называли в Америке, с детства впитавший идеи коммунизма. В молодости вступил в компартию; выпускник сельскохозяйственного колледжа Уэр написал для Ленина обзор о состоянии американского сельского хозяйства, а во время голода 1921 г. в советской России отправился с тракторным отрядом на помощь голодающим. Десять лет Уэр помогал создавать крупное коллективное аграрное хозяйство в СССР.

В 1930-е гг. он выполнял другое задание компартии: работая в администрации по регулированию сельского хозяйства (AAA), организовал из сотрудников госаппарата в Вашингтоне тайный коммунистический клуб численностью около 75 чел., позднее его участники, в основном члены компартии, разделились на несколько подпольных групп. Среди них были юристы (братья Э. Хисс и Д. Хисс, Дж. Эбт, Л. Прессман), экономисты (Х. Уайт, В. Перлоу). К 1938 г., как сообщил Чемберс, советские агенты проникли в государственный департамент, министерство финансов, Бюро стандартов и другие государственные структуры ⁴⁹. Они были даже в Белом доме.

Среди тайных информаторов Сталина, входивших в коммунистическое подполье, было 13 высокопоставленных сотрудников администрации Рузвельта, в том числе экономист Х.Д. Уайт, помощник министра финансов Моргантау; политический советник, дипломат госдепартамента Э. Хисс и административный помощник президента Рузвельта в аппарате Белого дома Л. Кёрри ⁵⁰.

Самая значительная фигура — талантливый экономист Хэрри Уайт, имевший наибольшее влияние на министра финансов Г. Моргантау. Вместе с Дж.М. Кейнсом он являлся создателем Бреттонвудских соглашений 1944 г., заложивших основу послевоенной мировой финансовой системы, а затем — первым директором Международного валютного фонда. Уайт, родом из семьи еврейских иммигрантов из Литвы, не был членом компартии, но разделял ее идеоло-

гию; помогал устроиться на работу многим коммунистам, в том числе экономисту В. Перлоу.

В 1944—1945 гг., как сообщалось в советских дешифрованных посланиях, Уайт посоветовал руководителям СССР настаивать на своем праве вето в ООН. Он пытался влиять на американскую политику в интересах СССР. Когда 3 января 1945 г. Советский Союз попросил у США заем в 6 млрд долл. на 30 лет под 2 ¹/₄ %, Уайт предложил дать 10 млрд под 2%, но проект был отклонен ⁵¹. Уайт попал под подозрение ФБР и ушел с государственной службы в Международный валютный фонд. В 1948 г. он был вызван в комитет по антиамериканской деятельности палаты представителей Конгресса и после первого заседания умер от сердечного приступа.

Другим высокопоставленным сотрудником администрации Рузвельта, ставшим советским агентом, был Эджер Хисс. Выпускник Гарвардской школы права, ученик либерального юриста Ф. Франкфуртера, члена Верховного суда, входивший в ближайшее окружение Рузвельта, он являлся одним из активных деятелей «нового курса». С 1933 г. работал в администрации по регулированию сельского хозяйства, с 1936 г., — в государственном департаменте, дойдя к концу войны до поста главы Офиса специальных политических связей, занятого стратегическим планированием. Хисс готовил документы для Ялтинской конференции и входил в состав американской делегации, был одним из создателей Организации Объединенных Наций, генеральным секретарем учредительной конференции в Сан-Франциско в 1945 г., которую открывал.

Консервативные историки постоянно критикуют внешнюю политику Ф. Рузвельта и, в частности, Ялтинские соглашения. Одну из последних атак предприняли в 2012 г. С. Эванс и Х. Ромерстайн в книге «Секретные агенты Сталина. Подрыв правительства Рузвельта», где они утверждают: во время Ялтинской конференции Хисс оказался единственным переговорщиком около уже больного Рузвельта кроме недавно назначенного госсекретарем Э. Стеттиниуса, поэтому были приняты невыгодные для США решения, в частности, о предоставлении Советскому Союзу трех голосов в ООН (для Украины и Белоруссии). Благодаря своим агентам, полагают авторы, Сталин оказывал реальное влияние на политику Соединенных Штатов, чем объясняют победу коммунистов в Китае ⁵². Вопрос о степени влияния советских спецслужб нуждается в тщательном исследовании, но авторы явно преувеличивают их роль, включая в агенты влияния даже ближайшего советника Рузвельта Г. Гопкинса.

Три члена группы Уэра — Л. Прессман, Н. Уитт (Witt), Дж. Эбт, как и Хисс, — выпускники Гарварда, занимали посты в администрации Рузвельта. После гибели Уэра в автокатастрофе группу возглавил Уитт. Две другие группы возглавляли Н. Сильвермастер, родившийся в России, и В. Перлоу, сын иммигрантов из Сибири. Оба в США получили высшее образование. Экономист-статистик В. Перлоу после окончания Колумбийского университета работал в госструктурах, в том числе в министерстве финансов под началом Х. Уайта.

Советская разведка работала по трем направлениям: военному, политическому и общему, ее задача — сбор военно-технических данных. Агенты не знали друг друга и были связаны только с курьером ⁵³.

Исследователь коммунистического движения в США Т. Дрэпер писал, что основная часть коммунистов занималась только пропагандой коммунистической идеологии и не участвовала в конспиративной работе ⁵⁴. Однако по расшифрованной советской переписке обнаружено 349 американских граждан и иммигрантов, сотрудничавших со спецслужбами СССР. Более 50 чел., занимавших важные политические посты, сообщает Гувер, являлись членами компартии ⁵⁵.

Подобную «советизацию» администрации президента Рузвельта объяснил профессор истории университета Эмори Х. Клэр, автор многих работ о коммунистическом движении и советском шпионаже в США: «Значительное большинство агентов, завербованных советской разведкой, были идеологическими шпионами. Это относится и к людям, работавшим в американском правительстве. Программа Нового курса, начавшаяся в 1933 году, означала небывалый рост государственного аппарата. Многие молодые идеалисты отправились в Вашингтон работать в администрации Франклина Рузвельта. Некоторые из них были коммунистами. К концу 1930-х годов они оказались на таких должностях, где у них появился доступ к секретам. А поскольку работы в правительстве можно было лишиться, если открыто демонстрировать свою принадлежность к коммунистической партии, партия организовала в правительственных учреждениях свои тайные ячейки. Эти тайные ячейки стали той базой, в которой советская разведка искала кандидатов для вербовки»⁵⁶.

Одним из молодых «романтиков-радикалов» был Лоурэнс Дагген, сотрудник отдела Латинской Америки госдепартамента, который вместе с женой и приятелем Н. Филдом из Европейского отдела увлекся советским экспериментом и стал работать на НКВД. После допроса 11 декабря 1948 г. агентами ФБР по делу Хисса Дагген выбросился из окна⁵⁷.

Самое удивительное в деятельности этого типа советских агентов — их бескорыстность, они работали исключительно по идейным соображениям, искренне веря в справедливость советской социальной системы и надеясь увидеть ее в собственной стране. Это были молодые люди с высшим образованием, обеспеченные, представители среднего класса, часто дети иммигрантов из России, как Х. Уайт, В. Перлоу, Н. Сильвермастер. Когда советский агент полковник Б. Быков перед Рождеством спросил Чэмберса, можно ли наградить «источники» (так называли информаторов) деньгами, тот ответил отрицательно, объяснив, что это будет воспринято как оскорбление, поскольку они — коммунисты «по принципиальным соображениям»⁵⁸.

Во многом благодаря подобным честным и бескорыстным сотрудникам советская разведка смогла в 1930—1940-е гг. добиться наивысших успехов. Этих убежденных коммунистов не оттолкнули от Советского Союза даже политические репрессии и советско-германский пакт 1939 г., они продолжали сотрудничать с КГБ и ГРУ и в 1940-е годы.

Однако большинство леворадикалов советская политика отрезвила, заставив отказаться от утопических идеалов коммунизма, признать ошибочность надежд на советский эксперимент и вернуться к либеральным ценностям. Увлечение коммунистическими идеалами и советской Россией длилось в Соединенных Штатах недолго. Опасения Гувера, одного из самых непримиримых врагов советской власти, в «советизации» Америки не сбылись. Еще в 1919 г. в письме Вильсону он справедливо заметил, что коммунизм не представляет угрозы для Соединенных Штатов, ибо его идеи распространяются только в обществе с большим разрывом между средними и низшими классами, когда последние «невежественны и в нищете»⁵⁹.

Действительно, коммунизм или фашизм не были популярны в США, стране с широким средним слоем населения, созданной на принципе приоритета прав и свобод личности. Американцы привыкли добиваться защиты своих интересов с помощью представительной власти, а не насилия. Они категорически отрицали идею классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Общество без прав и свобод человека было для них неприемлемо. Даже первый почтитель советской республики и свидетель ее рождения Дж. Рид начал испытывать сомнения. В последние годы жизни он не соглашался с большевиками в Коминтерне, не принимал их отношение к крестьянству. Его разочарование было

столь велико, что, как предположил историк Р. Пайпс, он не захотел выздороветь после тифа⁶⁰.

В преследовании Троцкого философ Дьюи увидел крах революционного марксизма и полагал, что диктатура пролетариата приведет к диктатуре над пролетариатом. Он пришел к мысли о неприменимости российского опыта в США: «Мы должны перестать смотреть на Советский Союз как на модель для решения наших собственных экономических проблем и как на источник защиты демократии от фашизма. ...Я всегда чувствовал, что традиции России и нашей страны настолько различны, что мы не можем буквально подражать им (в буквальном смысле)»⁶¹.

В письме 1934 г. «Почему я не коммунист?» среди самых важных обстоятельств Дьюи назвал чуждую Америке автократическую природу русской церкви и государства, игнорирование коммунистами глубокой веры американцев в индивидуальность и неприемлемость классовой войны как средства разрешения социальных конфликтов⁶². В 1937 г. он не исключал возможности союза гитлеровской Германии и советской России. Хотя Дьюи, как и другие либералы, критиковал западную демократию, считая ее несовершенной, ему были дороги ее ценности, отсутствовавшие в тоталитарных режимах СССР и фашистской Германии⁶³.

Многие, прежде очарованные, интеллектуалы превратились в непримиримых противников Советского Союза и антикоммунистов. В работе «Конец социализма в России» (1938 г.) Истмен писал о поразительных изменениях, произошедших в 1930-е гг. в СССР. «Власть перешла от рабочих и крестьян к привилегированной бюрократии». Битва за социализм проиграна, заключает он, в стране произошла контрреволюция. Сталинский тоталитарный режим по существу не отличается от режима Гитлера и Муссолини. Еще одно доказательство тому — политические процессы и расстрел старых большевиков. «Эксперимент социализма в России завершен», — делает вывод Истмен⁶⁴. Он назвал марксизм «устаревшей религией», «немецкой романтической мечтой». «Я считаю, что нам нужно расстаться с этими утопическими и абсолютными идеалами»⁶⁵.

После коллективизации и голода, вызванного ею, журналисты Лайонс и Чемберлин уехали из СССР враждебно настроенными к сталинскому режиму, также признав советский эксперимент и социализм утопией. Лайонс в своей книге «Командировка в утопию» критиковал тоталитарный режим. «Авторитарный социализм, — писал Чемберлин, — просто наиболее экстремальная форма коллективистской утопии. ...В природе коллективистской диктатуры — жертвовать индивидуумом ради мнимых интересов государства. ...Коллективистское государство означает конец личности (individual personality)»⁶⁶.

Члену национального комитета Молодежной коммунистической лиги Дж. Векслеру хватило одной поездки в СССР в 1937 г., чтобы полностью отказаться от коммунистических идей. Везде он видел портреты Сталина, люди боялись говорить о политических процессах; американские студенты рассказали ему о ночных арестах. Возвратившись в Америку, Векслер с женой вышли из Молодежной лиги, став антикоммунистами⁶⁷.

Такое же разочарование постигло коммунистку Д. Пойнц. Она была членом ЦК компартии США, работала нелегально, по заданию Коминтерна ездила в Китай. Во время поездки в СССР узнала о репрессиях, гибели друзей и вышла в 1937 г. из компартии. Однажды в Нью-Йорке, где она жила, ее вызвали в Центральный парк, втащили в машину, и больше ее никто не видел⁶⁸. По предположению знакомых, она была убита советскими спецслужбами.

Не скрывал своих сомнений Драйзер после посещения нового общества, правда, в русской версии книги они были вырезаны: «Иногда мне кажется: не

новая ли это форма самодержавия?» Увиденное в советской России заставило писателя говорить о ее будущем в сослагательном наклонении: «Если со временем она (система детского образования в СССР. — *И.С.*) не превратится в модификацию догматического коммунизма в России, то может возникнуть новое рациональное общество с идеальным правительством, которого еще никогда не существовало»⁶⁹. Но победил именно «догматизм». Писатель признался, что он «неисправимый индивидуалист» и «не полностью разделяет советскую идеологию и методы ее претворения в жизнь». Впрочем, это не помешало ему остаться верным другом СССР и в 1945 г. незадолго до смерти вступить в компартию.

Прекрасно понимал различия между американским и русским социализмом Кайзерлинг. Подданный Российской империи, родом из Эстляндии, он имел русские корни (его прадедом был министр финансов Е.Ф. Канкрин), но после революции, потеряв имение, уехал в Германию на родину жены, внучки Бисмарка. Хорошо зная Россию, философ заметил, что в ней «индивид как таковой должен умереть во благо сообщества. Ничего подобного мы не видим в Америке. То, чего русский социализм хочет добиться террором и принуждением, в Америке происходит без всякого насилия и само собой. ...В Америке социализм проявляется в форме всеобщего благосостояния, а в России в форме всеобщей бедности. Америка — социалистическая страна благодаря свободному сотрудничеству всех, Россия — благодаря классовому господству»⁷⁰.

Ценности индивидуализма и либерализма оказались для американцев дороже российского коллективизма. После второй мировой войны увлечение коммунизмом сменилось антикоммунизмом.

Примечания

1. КАЙЗЕРЛИНГ Г. Америка. Заря нового мира. СПб. 2002, с. 200.
2. DREISER TH. Dreiser Looks at Russia. N.Y. 1928, с. 10.
3. Цит. по: DRAPER TH. American Communism and Soviet Russia. N.Y. 1960, p. 298.
4. FOSTER W.Z. Toward Soviet America. N.Y. 1932, p. 213, 268, 275.
5. KLEHR H., HAYNES J.E., FIRSOV F.I. The Secret World of American Communism. New Haven-London. 1995, p. 218.
6. Цит. по: КРИВОШЕЕВА Е. Большой Билл в Кузбассе. Страницы интернациональных связей. Кемерово. 1990, с. 124, 166.
7. The American Image of Russia. 1917—1977. N.Y. 1978, p. 79.
8. American Appraisals of Soviet Russia, 1917—1977. Metuchen.-N.J. 1978, p. 215.
9. BASSOW W. The Moscow Correspondents. Reporting on Russia from the Revolution to Glasnost. N.Y. 1988, p. 68—69, 72.
10. CANTOR M. Max Eastman. N.Y. 1970, p. 84.
11. DEWEY J. Impressions of Soviet Russia and the Revolutionary World: Mexico-China-Turkey. N.Y. 1929, p. 73, 103.
12. DEWEY J. Individualism Old and New. N.Y. 1930.
13. CROLY H. The Promise of American Life. N.Y. 1914, p. 23, 25.
14. КАЙЗЕРЛИНГ Г. Ук. соч., с. 195.
15. SANTAYANA G. Character and Opinion in the United States. N.Y. 1921, p. 169, 196—197.
16. COUNTS G.S. The Soviet Challenge to America. N.Y. 1931, p. X.
17. SCHLESINGER A.M. Jr. The Age of Roosevelt. 3 vols. Boston. 1957—1960, vol. 1, p. 207—208.
18. KLEHR H. The Heyday of American Communism: The Depression Decade. N.Y. 1984, p. 78; PELLIS R.H. Radical Vision and American Dreams. Culture and Social Thought in the Depression Years. N.Y. 1973, p. 58. (WILSON E. An Appeal to Progressives. — New Republic. LXV, 14.I.1931, p. 237.).
19. CHAMBERLAIN J. Farewell to Reform. N.Y. 1932: http://www.cooperativeindividualism.org/chamberlain-john_farewell-to-reform-1932.html

20. CANTOR M. *Op. cit.*, p. 81; SCHMALHAUSEN S.D. *An American vs. America. Behold America!* N.Y. 1931, p. 755.
21. *Culture and the Crisis.* N.Y. 1932, p. 23, 27.
22. *Ibid.*, p. 18—19, 30.
23. HOOVER H. *The Memoirs of Herbert Hoover.* N.Y. 1952, vol. 3, p. 420.
24. Цит. по: GRAHAM O.L., Jr. *Toward a Planned Society: From Roosevelt to Nixon.* N.Y. 1976, p. 18.
25. TUGWELL R.G., HILL H.C. *Our Economic Society and its Problems.* N.Y. 1934, p. 527.
26. ROSEN E.A. *Hoover, Roosevelt, and Brains Trust: From Depression to New Deal.* N.Y. 1977, p. 163—164, 175.
27. TUGWELL R.G., HILL H.C. *Op. cit.*, p. 512—514, 543.
28. GRAHAM O.L., Jr. *Op. cit.*, p. 44—45.
29. DAVIES J.E. *Mission to Moscow.* N.Y. 1941, p. 269—270, 280.
30. HOOVER H. *The Memoirs of Herbert Hoover*, vol. 3, p. 471.
31. *Ibid.*, p. 440.
32. *Ibid.*, p. 354—355.
33. *Ibid.*, p. 436.
34. См. публикации документов: КУРКОВ Н.В. К вопросу о финансировании компартии США Коминтерном. *Американский ежегодник.* 1993. М. 1994, с. 170—178; KLEHR H., HAYNES J.E., FIRSOV F.I. *The Secret World of American Communism.* New Haven-London. 1995; KLEHR H., HAYNES J.E., ANDERSON K.M. *The Soviet World of American Communism.* New Haven-London. 1998.
35. KLEHR H., HAYNES J.E., FIRSOV F.I. *Op. cit.*, doc. № 1, p. 22—24; doc. № 3—4, p. 29; KLEHR H., HAYNES J.E., ANDERSON K.M. *Op. cit.*, doc. № 45, p. 155.
36. KLEHR H. *The Heyday of American Communism: The Depression Decade.* N.Y. 1984, p. 32.
37. KLEHR H., HAYNES J.E., FIRSOV F.I. *Op. cit.*, p. 9—10; KLEHR H., HAYNES J.E., ANDERSON K.M. *Op. cit.*, p. XXXIV, 1.
38. СТАЛИН И.В. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» господином Рой Говардом. 1 марта 1936 года. *Сочинения.* Т. 14. М. 1997, с. 105—107.
39. KLEHR H., HAYNES J.E., ANDERSON K.M. *Op. cit.*, doc. № 8, p. 39.
40. *Ibid.*, p. 4; doc. № 7, p. 38.
41. *Thirty Years of Treason: Excerpts from Hearings before the House Committee on Un-American Activities, 1938—1968.* N.Y. 1971, p. 605—607.
42. BAKER R. *Brief on the Work of the CPUSA Secret Apparatus, 26 January 1939.* KLEHR H., HAYNES J.E., FIRSOV F.I. *Op. cit.*, doc. № 27, p. 86—87.
43. *Ibid.*, p. 235—243.
44. *Ibid.*, p. 202.
45. *Ibid.*, doc. № 57, p. 203—204.
46. *Ibid.*, p. 183.
47. HAYNES J.E., KLEHR H. *Venona. Decoding Soviet Espionage in America.* New Haven-London. 2000, p. 7
48. *Soviet Espionage in the United States, November 27, 1945*, p. 23: <http://education-research.org/PDFs/SOVIET%20REPORT.pdf>; *Underground Soviet Espionage (NKVD) in Agencies of the United States Government, October 21, 1946*: <http://education-research.org/CSR/Holdings/Soviet/NKVD.htm>
49. HAYNES J.E., KLEHR H. *Op. cit.*, p. 62; CHAMBERS W. *Witness.* Chicago. 1952, p. 27.
50. ПОЗНЯКОВ В.В. *Разведка, разведывательная информация и процесс принятия решений: поворотные пункты раннего периода холодной войны (1944 —1953 гг.). Холодная война, 1945—1963 гг. Историческая ретроспектива.* М. 2003, с. 329.
51. HAYNES J.E., KLEHR H. *Op. cit.*, p. 140—142.
52. EVANS M.S., ROMERSTEIN H. *Stalin's Secret Agents. The Subversion of Roosevelt's Government*, 2012: <https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/m-stanton-evans/stalins-secret-agents/#review>; ГРИГОРЬЕВ А. *Агенты Сталина в Вашингтоне*: <http://www.golos-ameriki.ru/content/roosevelt/1548184.html>
53. *Underground Soviet Espionage (NKVD) in Agencies of the United States Government, October 21, 1946*, p. 7—8, 12.
54. DRAPER TH. *American Communism and Soviet Russia.* N.Y. 1960, p. 213.
55. HAYNES J.E., KLEHR H. *Op. cit.*, p. 9; HOOVER H. *The Memoirs of Herbert Hoover*, vol. 3, p. 353.

56. «Дело Хисса»: Юбилей шпионского процесса: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1933346.html>
57. WEINSTEIN A., VASSILIEV A. *The Haunted Wood*. N.Y. 1999, p. 12—21.
58. CHAMBERS W. *Op. cit.*, p. 414.
59. Hoover H. to Wilson W., March 28, 1919. *The Papers of Woodrow Wilson*, vols. 1—69. Princeton. 1966—1993, vol. 56, p. 376.
60. ПАЙПС Р. *Россия при большевиках*. М. 1997, с. 257.
61. DEWEY J. *Significance of the Trotsky Inquiry*. *Later Works, 1925—1953*. Carbondale. 1987, vol. 11, p. 333, 335.
62. DEWEY J. *Why I Am Not a Communist?* (1934). *The New Deal. A Documentary History*. Columbia. 1968, p. 176—177.
63. DEWEY J. *Freedom and Culture*. N.Y. 1939, p. 102.
64. EASTMAN M. *The End of Socialism in Russia*. 1938: <http://www.marxists.org/archive/eastman/1938/end-socialism.htm>
65. Цит. по: ДОЙЧЕР И. *Троцкий в изгнании*. М. 1991, с. 473.
66. LYONS E. *Assignment in Utopia*. N.Y. 1937; CHAMBERLIN W.H. *Collectivism: A False Utopia*. N.Y. 1937, p. 227—228, 235.
67. *The American Image of Russia. 1917—1977*. N.Y. 1978, p. 132—134.
68. CHAMBERS W. *Op. cit.*, p. 36.
69. DREISER TH. *Op. cit.*, p. 10, 12.
70. КАЙЗЕРЛИНГ Г. *Ук. соч.*, с. 200, 207.

Правовое регулирование развития коренных народов Дальнего Востока в 1920—1930-е гг.

А.В. Ахметова

Проблема соответствия правовой системы Российской Федерации международному законодательству о положении традиционных этносов на данный момент остается неразрешенной. Нестабильная рыночная экономика Российской Федерации вкупе с социальными проблемами сдерживает развитие нормативно-правовой базы, направленной на регулирование жизни и деятельности коренных народов Севера России.

Вопрос о формировании юридического статуса аборигенного населения уходит своими корнями в дореволюционный период, так как взаимодействие российского правительства с традиционными этносами началось еще в эпоху самодержавия.

Политика царской власти, направленная на освоение сибирских территорий, претерпела радикальную трансформацию с момента их присоединения к Российской империи до начала XX века. Долгое время не существовало общегосударственных актов, регламентирующих отношения колонизаторов и аборигенов, проживавших на занимаемых территориях. Тем не менее, при всей вариативности методов присоединения отдельных земель и народов, принципы государственной политики по отношению к коренным этносам Сибири и Дальнего Востока на протяжении конца XVI — начала XVIII в. не менялись. В их основе лежало сочетание сотрудничества, главным образом, с военно-политической элитой отдельных местных общин, и насилия по отношению к тем, кто пытался сопротивляться.

В 1822 г. был принят первый общегосударственный нормативно-правовой акт — «Устав об управлении инородцев»¹. Он представлял собой редкий для своего времени образец законодательного нормотворчества, в котором была сделана попытка юридического оформления положения коренного населения колонизируемой страны.

Местному населению предоставлялась полная свобода заниматься традиционными промыслами, земледелием и скотоводством. В целом, для Устава было характерно стремление сохранить не только экономическое благосостояние, но и своеобразный бытовой уклад аборигенов.

Ахметова Анна Валиуровна — кандидат исторических наук, доцент Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Для российского законодательства данного периода было характерно минимальное вмешательство в организацию управления аборигенными народами, регулируемую нормами обычного права, и сохранение их традиционной среды обитания. Юридические нормы системы управления национальными территориями имели отношение только к низшему звену территориальной структуры России. Для своего времени они были гуманными и прогрессивными. В отличие от коренных народов других стран, аборигены Российской империи не знали крепостничества. Это обстоятельство содействовало повышению у них уровня самосознания и свободолюбия.

Дальнейшее развитие рыночных отношений в России повлекло за собой колонизацию ряда территорий. Это лишило часть аборигенного населения мест традиционного проживания и вовлекло их в невыгодные торговые обмены, что отразилось на традиционном образе жизни коренных народов.

«Устав об управлении инородцев» был положен в основу «Положения об инородцах» 1892 года. Оно представляло собой кодификационный акт, включавший 588 статей и обширные приложения к ним. Данный акт повторял многие параграфы Устава и учитывал произошедшие за 70 лет изменения и дополнения его норм. Как результат общественно-экономических преобразований более детально регламентировались отношения по найму коренных жителей на работу, получению ими займов, передаче имеющихся у них промыслов в оброчное содержание ².

«Положение об инородцах» являлось целостным юридическим актом, включавшим общие нормы, которые регулировали отношения органов государственной власти Российской империи с местным населением. Положение фиксировало следующие аспекты: права коренных народов (ч. 1), порядок организации и деятельности органов самоуправления (ч. 2), основные функции родовых управлений, степных дум, инородных управ, а также процесс судопроизводства (ч. 3), регламентировало порядок сбора податей и повинностей (ч. 4).

Согласно этому Положению, инородцами считались подданные Российской империи, по отношению к которым использовался специфический порядок управления, и на которых не распространялось в полном объеме, в силу их происхождения, действие общегосударственных законов. Статус инородца мог быть получен только по рождению.

Царское законодательство, несомненно, имело недостатки. Основным объектом для критики была юридическая неопределенность признаков, на основе которых инородцы разделялись на разряды. Современники обращали внимание на то, что предпринимаемых мер было недостаточно, чтобы уберечь эти народы от экономической несостоятельности, вымирания, сохранить за ними их уголья; на то, что государственная опека на практике превращалась в полное бесправие аборигенов перед русской администрацией. Не получили воплощения идеи об использовании в управлении инородцами национальных обычаев: начатая работа по их обобщению и применению так и не была завершена. Неудовлетворенность таким положением стимулировала поиски новых моделей, в числе которых обсуждался вопрос об организации специальных территорий, аналогичных американским или австралийским резервациям.

Вместе с тем, при всех недостатках, как законодательства, так и, в особенности, его реализации, нельзя не видеть, что Россия впервые в мире предлагала собственное цивилизованное правовое решение проблем инородцев, образ жизни которых коренным образом отличался от норм гражданского общества.

В данный период государство признавало и учитывало особенности коренных малочисленных народов. Определяя их статус, оно исходило из идеи ог-

раниченного вмешательства общества и государственных институтов в систему традиционных социальных связей, культуру и экономику этих народов³. Формирование у них новых общественных порядков и ценностных ориентиров только поощрялось, но не форсировалось, аборигенам предоставлялась возможность самостоятельного выбора темпа интеграции в доминирующее российское общество⁴. При этом подразумевалось, что если «иностранцы являются последним остатком минувшего прошлого, то вместе с тем и привилегии, им данные, суть также остатки прошлого, воспоминание о том времени, когда Московское государство было еще слишком слабым, чтобы окончательно ассимилировать эти народности в этнографическом и политическом отношении»⁵.

Октябрьская революция 1917 г. открыла следующий этап государственной политики в отношении коренных малочисленных народов России. Особенностью этого важнейшего периода являлся процесс создания органов государственной власти и управления аборигенов, сопровождаемый учреждением специальных органов общероссийского и местного значения, реализующих государственную защиту этих народов⁶.

Важнейшее значение имеет тот факт, что в 1917 г. коренное население утратило свой особый статус инородцев и было уравнено в правах с другими народами России.

С первых месяцев советской власти на Дальнем Востоке предпринимались попытки оказать экономическую помощь аборигенам, обеспечить их политическое и социальное равенство. Было организовано снабжение части населения предметами первой необходимости, создавался специальный «иностранческий отдел», на который, как и на потребкооперацию, возлагалась задача экономического обустройства северян.

Исследователь и этнограф В.К. Арсеньев совместно с А.Н. Липским и Н.А. Липской совершил в 1918 г. экспедицию в горную область Ян-де-Янге (к западу от истоков р. Амгуни) для обследования амгунских эвенков и урмийских нанайцев. В мае того же года в Хабаровске состоялся съезд рыболовецкого населения Приамурья, на котором впервые выступали представители коренного населения.

«Декларация прав народов России» закрепила их право на самоопределение, равенство и суверенность, отмену национальных и религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, проживающих на территории России⁷.

В целом, «Декларация прав народов России» содержала основополагающие принципы, на которых строилась национальная политика советского режима в отношении народов Севера. Без анализа этого документа невозможно понять смысл решений советской власти в отношении малочисленных народов. В соответствии с провозглашенными ею принципами, существовавшей на протяжении веков эксплуатации должен был быть положен конец.

Главной целью советской политики в отношении коренных народов была их интеграция в социалистическое общество. Малочисленные народы находились на различных ступенях исторического развития, но все были на докапиталистической стадии. Марксистское понятие о способе производства позволяло теоретически обосновать возможность для аборигенных народов «перескочить капиталистическую стадию» и прямо перейти к социализму.

Советский режим провозглашал целью национальной политики возрождение северных национальных меньшинств, хотя такое направление полностью не исчерпывало интересы советской власти. Программа советского правительства в отношении коренных народов предусматривала улучшение их социальной и экономической жизни.

Коренным народам, как следует из обращения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и СНК РСФСР от 16 августа 1919 г. «К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири», гарантировались права, провозглашенные «Декларацией прав народов России», в том числе право самим определять свою судьбу. Также в нем говорилось, что земли фактического пользования инородцев не подлежат никаким ограничениям и урезкам, а поступают в их полное общественное распоряжение⁸.

Конституция РСФСР 1918 г. признавала наличие областей, отличающихся особым бытом и национальным составом (ст. 11). В статье 22 было указано, что установление или допущение отдельных привилегий или преимуществ на основании расовой и национальной принадлежности, притеснение национальных меньшинств и ограничение их равноправия противоречат основным законам республики⁹.

Конституция РСФСР 1924 г. также фиксировала право наций на самоопределение и оформление ими своего существования в составе Республики; недопустимость угнетения национальных меньшинств или ограничения их равноправия, равно как исключение преимуществ для отдельных национальностей; право на свободное пользование национальным языком на съездах, в суде, школе, управлении и общественной жизни (ст. 13)¹⁰.

Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац), созданный в соответствии с Конституцией 1918 г., осуществлял управление северными окраинами вплоть до 1924 г., и оно было чисто номинальным. Не имея своих органов на местах, Наркомнац не оказывал большого влияния на развитие коренных народов Севера.

9 апреля 1924 г. по Постановлению ВЦИК и СНК Наркомнац был ликвидирован. На его месте в 1924 г. был образован Комитет содействия народам северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера). Согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 2 февраля 1925 г. «Об утверждении Положения о Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК», Комитет имел своей задачей содействие планомерному устройению хозяйственной, политической и культурной жизни коренных этносов¹¹.

Для выполнения различных функций были созданы комиссии: под руководством А.Е. Смидовича — финансово-налоговая, П.А. Красикова — административно-правовая, А.Е. Енукидзе — научно-исследовательская, С.И. Мицкевич-Капсукаса — оздоровительная, А.В. Луначарского — просветительная. Всего в штате насчитывалось 27 сотрудников¹².

В 1925 г. были образованы местные комитеты содействия, которые являлись органами Комитета Севера при Президиуме ВЦИК и имели одинаковые с ним задачи.

Дальнейшую реализацию мероприятий по управлению национальными отношениями в северных регионах можно разделить на два этапа. Первый период охватывает 1926—1929 гг., когда Советы у коренных народов создавались по родовому принципу. Второй период приходится на 1932—1936 гг., когда были созданы кочевые и сельские Советы.

Формирование местных органов власти у народов Севера в первый период проходило в соответствии с «Временным положением об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР»¹³, утвержденным Декретом ВЦИК и СНК от 25 октября 1926 года.

В целях защиты прав и интересов народов Севера, а также вовлечения их в сферу управления советского государства, для поднятия их хозяйства и культурно-бытовых условий жизни были созданы органы туземного управления для аборигенов, ведущих кочевой, полукочевой и бродячий образ жизни и занимающихся, главным образом, рыболовством, охотой и оленеводством, а

также ведущих оседлый образ жизни и занимающихся морским зверобойным промыслом, поскольку эти народы не были выделены в особые республики и области.

В Дальневосточном крае выделялись алеуты, бирары, гиляки, гольды, дарурцы, ительмены, карагийцы, кереки, коряки, манегры, менджу, негидальды, олюторы, ольчи, ороконы, орочи, самогиры, солоны, тазы, чуванцы, чукчи, эскимосы, юраки.

Во Временном положении была предусмотрена следующая структура органов управления коренным населением: родовые Советы, родовые собрания, районные туземные исполкомы, районные туземные съезды.

На основании Временного положения 14 июня 1927 г. Далькрайком ВКП(б) и Далькрайисполком приняли решение, по которому местной администрации указывалось при организации структур «туземного» управления руководствоваться национально-территориальными признаками, придерживаясь родового начала только в тех случаях, когда «туземная» организация действительно сохранилась, и сами аборигены хотели бы ее оставить. В Дальневосточном крае было организовано 9 районных исполнительных комитетов и 127 «туземных» Советов¹⁴.

Данные органы не являлись еще в полном смысле структурами государственной власти. Их сфера деятельности была ограничена только делами аборигенов, а дела торговых, хозяйственных и прочих организаций, располагавшихся на их территории, оставались вне сферы их влияния¹⁵.

Комитетом Севера при Президиуме Дальревкома в 1925 г. был созван Первый туземный съезд ДВО, который стал очень представительным собранием. На него съехались делегаты от многих коренных народов Севера ДВО: нанайцы, нивхи, эвенки и т.д. На съезде были затронуты самые значимые проблемы социально-экономического и культурного развития коренных народов Дальнего Востока.

В целом за десять лет работы Комитет Севера провел колоссальную работу, были получены важные результаты для развития экономики и культуры коренных народов. Народам Севера были возвращены многие участки охотничьих и рыболовных угодий, они были освобождены от государственных и местных налогов.

1 июня 1927 г. было издано постановление ЦИК СССР «О возложении судебных функций на туземные органы управления северных окраин»¹⁶, по которому туземные органы управления могли отправлять правосудие по определенным уголовным и гражданским делам, руководствуясь местными обычаями, поскольку они не противоречили основным положениям советского законодательства. Органам туземного управления были подсудны гражданские и уголовные дела, возникающие среди аборигенов в пределах районов их оседлости или кочевья, в тех случаях, когда стороны принадлежат к одному племени, или когда истец, либо потерпевший, хотя и принадлежащий к другому племени или народности, обратится в тот орган туземного управления, которому подсудна противная сторона. Судебная компетенция органов туземного управления по гражданским делам не распространялась на дела, в которых участвовал государственный орган или кооперативная организация.

В целом, институт родовых Советов можно рассматривать как следствие взаимодействия народов Севера с более развитыми народами, установившими советскую форму государственности. В данном случае внешнее воздействие обуславливало образование Советов как социалистических политических органов, а внутренние условия диктовали формирование их специфической родовой разновидности.

Инициатива создания Советов принадлежала не самим народам Севера, поэтому даже родовая форма Советов не делала их сразу понятными населению, тем более, что существовавшая у них до революции официальная форма власти, также исходившая от Российского государства, была символом угнетения¹⁷.

Организация родовых Советов была связана и со многими другими трудностями, обусловленными тем, что они являлись продуктом взаимодействия доклассовой и социалистической национальных общностей, а потому в сжатом виде содержали в себе не только первобытнообщинные, но и в определенной мере социалистические отношения. Освоение социалистического строя представляло главную сложность. Так, например, коллективная власть Совета представлялась как единоличная власть его председателя, который сам, в свою очередь, отождествлял себя с Советом.

Введение родовых Советов часто способствовало укреплению власти бывших старшин и богатых общинников, которые нередко становились председателями Советов. По большей части это были те же люди, которых царский режим использовал в своей системе управления народами Севера.

Несмотря на все сложности, родовые Советы являлись, видимо, адекватной политической формой развития народов Севера на начальном этапе некапиталистического пути развития. Постепенно они получили широкое распространение. По данным В.А. Зибарева, в 1926 г. на Севере существовал 201 Совет и 16 райисполкомов, а в 1930 г. — соответственно 455 и 64¹⁸.

Участвуя в их работе, коренное население получало возможность приобретать те качества, которые являлись необходимыми для преодоления пассивности и формирования самостоятельности в решении политических, экономических и иных задач.

Политика поощрения народов Севера России реализовывалась через целую систему экономических и иных мер. Среди них можно назвать ежегодные поставки социально-экономического характера в национальные регионы СССР, установленные законом от 25 сентября 1930 г. и осуществлявшиеся на протяжении десятилетий. Согласно другому декрету, принятому в 1925 г., коренные народы были освобождены от налогов и военной службы. Большой вклад в разработку взаимоотношений советской власти с народами Севера внесли ученые-этнографы.

На рубеже 1920—1930 гг. произошла ликвидация особой системы управления у народов Севера и была введена обычная система советского управления, что связывалось со стремлением властей перейти к радикальному изменению всех сфер их жизни.

Так начался период «советизации» обустройства жизни коренных народов. Его суть заключалась в замещении этнического самоуправления государственным управлением, в принятии мер, обеспечивающих форсированную интеграцию этих народов в советскую систему общественных отношений.

В данных условиях развитие аборигенных народов могло происходить только в рамках основ советского государства, где господствовала государственная собственность на землю, леса, воды, недра, орудия и средства производства; функционировала плановая экономика; власть снизу доверху осуществлялась через централизованную систему государственных органов, в основе которой лежала коммунистическая идеология и действовала без каких-либо правовых ограничений надгосударственная структура — КПСС, основными принципами деятельности которой были классовость и партийность.

Первым шагом в указанном направлении можно считать образование на территории расселения малочисленных народов Севера национальных округов. В период 1929—1932 гг. была создана система управления, включавшая нацио-

нальные округа, национальные районы и национальные Советы. С 1930 г. происходил отказ от системы родовых Советов у народов Севера. Вместо этого создавались обычные органы местного советского управления от сельских Советов до национальных округов. Это означало конец «туземных заповедников», которые русские этнографы отстаивали в ранние годы советского режима. Туземцы политически и административно были соединены с территориями метрополии.

Система Советов, базировавшаяся на родовом принципе, не могла удовлетворить советские власти. Эта система во многом оставляла невредимой прежнюю племенную структуру. Влияние родовой верхушки оставалось очень сильным и определяло все решения Советов в родовых собраниях. Беднота была политически пассивной, а население в целом проявляло непонимание основных принципов политики нового режима. С точки зрения советских властей, главное состояло в том, чтобы Советы, как административно-политические органы, стали конкурентами родовых институтов.

Поэтому в первой половине 1930-х гг. система управления у народов Севера была коренным образом реорганизована. Изменения выразились в образовании национальных округов, создании сельских кочевых Советов.

Национальный округ — это вид советской автономии, представляющий собой национальное административно-территориальное образование. Национальные округа, образованные по предложению Комитета Севера, можно рассматривать, как последнюю попытку найти компромисс между потребностями охраны малочисленных народов Севера и неотвратимо наступающим промышленным развитием¹⁹.

Национальные округа представляли собой одну из форм управления, с помощью которой решались проблемы коренных народов. Ее использование находилось в контексте советской национальной политики, и главным назначением такой автономии было — способствовать выравниванию положения северных народов относительно других народов России, их консолидации и росту самосознания, гарантировать им известную самостоятельность и защиту.

В 1930 г. в составе Дальневосточного края (ДВК) были образованы: Чукотский, Охотский (эвенский), Корякский национальные округа, а также Зейско-Турский (эвенский) и Джелтулакский (эвенский) национальные районы.

В 1931 г. появилось дополнительно девять эвенских и эвенкийских национальных районов. А в 1932 г. были образованы Алеутский и Быстринский районы Камчатской области.

Однако ориентация тоталитарной системы на повсеместное единообразие форм экономической и социальной жизни народов страны привела к ликвидации Охотско-Эвенского округа и ряда других национальных образований уже в середине 1930-х годов. Корякский и Чукотский округа были включены в состав Камчатской области ДВК, а национальные районы Охотско-Эвенского округа вошли в состав Нижнеамурской области. Помимо округов в крае был образован ряд самостоятельных национальных районов.

Государственно-правовая специфика национального округа в период его становления состояла в том, что он:

- не имел конституционно-правовых основ, но учреждался в соответствии с политическими установками специальным актом высшего органа государственной власти РСФСР; трактовался как национальное административное объединение; входил в состав области, края;

- обозначал и закреплял территории расселения малочисленных народов и границы этих территорий; показывал особый статус коренных народов;

- был изначально неоднородным по своему национальному составу, но назывался по имени преобладающего на соответствующей территории, корен-

ного народа; его органы власти действовали согласно «Положению об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетов национальных округов северных окраин РСФСР» от 20 апреля 1932 года²⁰.

В местах проживания малочисленных народов Севера (алеутов, эвенков, юкагиров) создавались национальные районы. Они представляли собой разновидность национальных объединений в составе краев и областей примерно с тем же назначением, что и округа. Однако в отличие от последних, их государственно-правовая природа не получила достаточной определенности в законодательстве. Эти районы просуществовали недолго — в Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. они уже не упоминались.

Венцом проводимой советской политики в сфере административно-территориального устройства северных регионов стала Конституция СССР 1936 г. и следовавшая за ней Конституция РСФСР 1937 года²¹.

В этих Конституциях национальные меньшинства и народы Севера не упоминались в качестве носителей особых прав. О том, что они не забыты, свидетельствовали только три общих установления: о национальных округах, которым окончательно придавался статус специфических административно-территориальных единиц в составе краев, областей, гарантировалось представительство в Совете Национальностей Верховного Совета СССР и принятие положения о данных округах (ст. 102 Конституции РСФСР); о языке национального округа, на котором могло вестись судопроизводство в Российской Федерации (ст. 114 Конституции РСФСР); о равноправии граждан СССР и РСФСР вне зависимости от их национальности и расы, во всех сферах государственной, хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни, запрете ограничения прав или, наоборот, предоставлении преимуществ по названному основанию (ст. 123 Конституции СССР, ст. 127 Конституции РСФСР).

Можно утверждать, что с этого момента государственно-правовое развитие народов Севера приостановилось. Последующие десятилетия характеризуются, с одной стороны, интенсивным промышленным освоением территорий проживания указанных народов и разрушением их традиционного уклада жизни (это выражалось, например, в насильственном переводе кочевников на оседлость, переселении представителей коренных народов из мелких поселений в крупные, отлучении детей от родителей для воспитания в интернатах), а с другой — принятием череды повторяющихся государственных мер по подъему экономики и культуры народов Севера. Они сводились к материально-финансовой поддержке традиционных видов хозяйственной деятельности, в том числе путем освобождения колхозов и совхозов от некоторых налогов; выделения долгосрочных ссуд тем, кто переходил на оседлость; государственного обеспечения детей, обучающихся в школах и посещающих ясли; предоставления льгот при поступлении в вузы и средние специальные учебные заведения; проведения лечебно-профилактических мероприятий; издания литературы на родных языках и т.д.

Приоритет политических и идеологических соображений над экономическими интересами при проведении национальной политики советской власти можно рассматривать в качестве важнейшего позитивного фактора для коренных народов Дальнего Востока. Советская власть сразу подошла к проблемам народов Севера не с точки зрения рентабельности и капиталовложений, а с политических позиций.

Советское государство считало высшим политическим, идеологическим и культурным интересами — поддержание традиционных занятий этих народов. Оно поощряло производство, прежде всего, установлением высокого уровня цен на его продукцию. Это и была экономическая гарантия его сохранения и развития. Такая политика, к примеру, радикально отличалась от политики,

принятой в отношении коренного населения Северной Америки. Индейцы после разрушения традиционной социально-экономической системы получали только материальную помощь, что было мощным фактором деградации народа.

Советское государство придавало огромное значение реорганизации традиционной экономики народов Севера. Согласно марксистско-ленинской концепции, экономические изменения предопределяют все другие изменения в обществе. Поэтому советское правительство начало с изменений в производительных силах как предпосылки для создания нового общества. Эта деятельность включала, в частности, совершенствование орудий труда, механизацию, что должно было способствовать сближению коренных народов с индустриальным обществом. Задачей советской власти являлся перевод экономики народов Севера на новую основу, что заключалось в совершенствовании технологии, изменении организации труда и традиционных представлений. Эту задачу они связывали с марксистской идеологией, в соответствии с которой изменение в экономике предшествует и обуславливает все другие виды изменений. Большевики пытались реализовать попытку создания новой культуры, начиная с создания новой экономической системы.

Примечания

1. Полное собрание Законов российской империи. Собрание первое. Т. 38. 1822—1823. СПб. 1830, с. 394—417.
2. КРЯЖКОВ В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М. 2010, с. 40.
3. Там же, с. 43.
4. ГАРИПОВ Р.Ш. Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. — История государства и права. 2010, № 23, с. 10—12.
5. ГРАДОВСКИЙ А. Начала русского государственного права. Т. I. СПб. 1875, с. 399.
6. БАБАЙ А.Н., КИСЕЛЁВ Е.А. Конституционно-правовое положение коренных малочисленных народов Приамурья. Хабаровск. 2005, с. 28.
7. ЛИПАТОВ А.А. История Советской Конституции. В документах, 1917—1956 гг. М. 1957, с. 57..
8. Сибирский революционный комитет (Сибревком), август 1919 — декабрь 1925 гг.: сб. документов и материалов. Новосибирск. 1959, с. 26—28.
9. Коренные народы России: самоуправление, земля и природные ресурсы. Обзор законов и иных нормативных актов XIX—XX вв. М. 1995, с. 6.
10. КРЯЖКОВ В.А. Ук. соч., с. 44.
11. Собрание узаконений РСФСР. 1925, № 12, ст. 79.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 3977, оп. 1, д. 305, л. 55.
13. Собрание узаконений РСФСР. 1926, № 73, ст. 575.
14. ГАРФ, ф. 3977, оп. 1, д. 280, л. 281.
15. БОБЫШЕВ С.В. Советское государство и коренные народы Сибири и Дальнего Востока в 20—30-е гг. Комсомольск-на-Амуре. 2005, с. 22.
16. Собрание законодательства СССР. 1927, № 32, ст. 330.
17. ПОПКОВ, Ю.В. Процесс интернационализации у народностей Севера: теоретико-методологический анализ. Новосибирск. 1990, с. 164—165.
18. ЗИБАРЕВ В.А. Советское строительство у малых народностей Севера. Томск. 1968.
19. ВАХТИН Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб. 1993, с. 32.
20. Собрание узаконений РСФСР. 1932, № 39, ст. 176.
21. КУКУШКИН Ю.С., ЧИСТЯКОВ О.И. Очерк истории Советской Конституции. М. 1987.

А.К. Анастасьев

И.А. Попп

В дореволюционной, советской и современной историографии Александра Константиновича Анастасьева называли наиболее «реакционным губернатором», «одиозной личностью», «помпадуром» времен правления императора Александра III, взгляды которого соответствовали «новому духу времени» и полностью укладывались в принципы «бескомпромиссного консерватизма»¹. Такие мнения историков основывались на волепомятиях современников, лично знавших Анастасьева и не сочувствовавших либеральным идеям. Они поражались жестокости Александра Константиновича и думали: «Не дай бог России такого министра, как Анастасьев»². Начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов описывал конкретные примеры его «бестактности» и ссылаясь на слова министра внутренних дел И.Н. Дурново, который, якобы, называл Анастасьева «хамом» и «дрянью»³.

Понятны нелюбимые воспоминания людей, серьезно конфликтовавших с Анастасьевым. Председатель черниговской губернской земской управы В.М. Хижняков, написал множество анекдотичных историй о ненавистном ему «самовластном сатрапе»⁴. Другой общественный деятель этой же губернии И.И. Петрункевич называл черниговского губернатора Александра Константиновича «грубым и глупым человеком, от которого можно было всего ожидать»⁵.

Сегодня назрела необходимость более внимательно посмотреть на жизнь одного из выдающихся администраторов эпохи Александра III — Александра Константиновича Анастасьева, его деятельность и роль в усилении критики пореформенных учреждений.

Малой Родиной Александра Константиновича был город Елизаветград в Херсонской губернии, где он появился на свет 23 мая 1837 г. в дворянской семье. Его «официальный» отец — Константин Николаевич Анастасьев — посвятил себя военному делу и дослужился до чина генерал-лейтенанта. Мать — Мария Павловна, урожденная Мавро-Михали умерла, когда сын еще не достиг совершеннолетия⁶. Е.М. Феоктистов утверждал, что «биологическим» отцом Анастасьева считался «известный петербургский обер-полицмейстер Трепов», который, когда «возвысился и нажил себе сомнительными средствами милли-

---

Попп Иван Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Уральского государственного педагогического университета.

оны, то, конечно не забыл и свое незаконнорожденное детище»⁷. Юный Александр «воспитывался в частном учебном заведении», где находился до своего 17-летия. Несомненно, отсутствие родительской любви и проживание вне семьи не лучшим образом повлияли на формирование его характера.

В июне 1854 г. он успешно сдал экзамены в Минский пехотный полк и в звании унтер-офицера отправился на фронт. Участвовал в многочисленных боях с войсками коалиции и обороне Севастополя, где неоднократно проявил смелость. «Удостоился получить в числе прочих чинов сухопутных и морских войск, составлявших гарнизон Севастополя, монаршую искреннюю душевную признательность за непоколебимое мужество, примерную стойкость и достохвальное самоотвержение при бомбардировке Севастополя англо-французами 5 и 6 октября 1854 года». Кроме того, Анастасьев был награжден орденами Св. Анны 4-ой степени «с надписью за храбрость» и Св. Станислава 3-ей степени «За отличие и неустранимость, оказанную при защите Севастополя»⁸. В 1861 г. молодой, честолюбивый и смелый поручик уволился «от службы по домашним обстоятельствам» из-за женитьбы на дочери полтавского помещика Татьяне Даниловне Шкляревич. Вскоре в молодой семье появились две дочери — Ксения (1863 г.) и Татьяна (1865 г.). Однако Анастасьев не мог полностью посвятить свою жизнь семье: карьера и желание улучшить материальное положение влекли его на царскую службу.

В 1866 г. Александр Константинович был «зачислен чиновником VI класса особых поручений при генерал-полицмейстере» в Царстве Польском, где в течение последующих 10 лет «отлично-усердно» работал на разных административных должностях. В начале 1877 г. Анастасьева назначили Плоцким вице-губернатором, где он проявил свои профессиональные качества и работоспособность: часто исполнял обязанности губернатора, одновременно возглавляя местный статистический и особый строительный комитеты. За это он получил несколько орденов и чин статского советника⁹.

Обладая прекрасными административными способностями, Анастасьев не считался с интересами людей, стоявших ниже его в «Табели о рангах». Его неосмотрительное поведение вызывало возмущение и приводило к конфликтам. В должности плоцкого вице-губернатора Анастасьев повздорил с местным судебным следователем Вердеревским, который вышел из зала во время спектакля, а, вернувшись, увидел на своем месте Александра Константиновича. Это обстоятельство возмутило следователя, и после пьесы он публично заявил: «Что бы вы сделали с нахалом, который вырывает из под вас стул? — добавив, — этот невежда — Анастасьев!» Дело дошло до министра внутренних дел, но не имело никаких последствий для вице-губернатора, который благоразумно уклонился от прямых оскорблений в адрес судебного следователя¹⁰.

В мае 1881 г. Анастасьев стал тамбовским вице-губернатором, но, едва приступив к исполнению своих обязанностей на новом месте, получил должность пермского губернатора¹¹. На этом посту Александру Константиновичу удалось впервые почувствовать себя настоящим «хозяином» губернии. Естественно, ему хотелось проявить себя, показать профессиональные навыки. Особое внимание он уделил земскому самоуправлению и выборному мировому суду. Эти пореформенные учреждения новый губернатор не любил: сначала Анастасьев служил в армии, а затем работал в Царстве Польском, где не существовало подобных избираемых органов власти. Кроме того, Анастасьев не мог не почувствовать перемены во внутренней политике, произошедшие после убийства Александра II. Новый министр внутренних дел Д.А. Толстой презирал либералов и стремился проводить консервативный курс, наиболее близкий Александру III.

С первых же дней Александр Константинович строго следил за исполнением закона в вверенной ему губернии. В октябре 1882 г. в Чердынском уезде

проходили очередные выборы мировых судей. Среди избранных был кандидат права Ф.А. Клинберг. Анастасьев «заявил свой протест в том, что Клинберг не принадлежит к числу местных жителей уезда и внесен в список избравшихся судей лишь в самый день выбора»¹². На практике подобные недочеты встречались повсеместно, так как не всегда удавалось вовремя подыскать кандидатов, тем более в таком отдаленном уезде как Чердынский. В конечном итоге Сенат утвердил Клинберга в должности мирового судьи.

Подобные претензии «хозяин» губернии высказал в отношении выборов мировых судей в Красноуфимском и Осинском уездах¹³. Однако ему все же удалось повлиять на назначение мирового судьи: впервые в Пермской губернии Сенат не утвердил в должности мировых судей из-за плохих отзывов губернатора. Так, Анастасьев в начале 1883 г. послал в столицу недоброжелательные сведения о мировом судье А. Горизонтове, избранном на пермском губернском земском собрании для Ирбитского уезда: «Замечен в пристрастии к спиртным напиткам и не отличается безукоризненностью в нравственном отношении». Этих строк хватило для увольнения уже приступившего к работе мирового судьи. По такой же схеме был отстранен Ю.А. Луканин. Анастасьев объяснил Сенату, что этот человек «обладает крайне буйным характером»¹⁴.

В течении всего периода работы Анастасьев постоянно присылал жалобы в Сенат на неправильные выборы мировых судей. Соликамские гласные избрали почетных судей без предварительной публикации их списков, причем выборы были экстренные и вынужденные ввиду «необходимости пополнить крайне ограниченное число почетных мировых судей». Губернатор подал протест, но Сенат утвердил избранных кандидатов¹⁵. В начале 1883 г. «начальник» губернии «отрицал за Четиным право баллотироваться в мировые судьи» и долго «сражался» против его избрания, пока этот кандидат сам не отказался от выборов на судейскую должность¹⁶. Кроме того, «хозяин» губернии раскритиковал Соликамское земство за «перебаллотировку» Пономарева в должность мирового судьи¹⁷.

Уже в первом всеподданнейшем отчете за 1882 г. Анастасьев выразил недовольство кадровым составом земских учреждений. У Александра Константиновича сразу не сложились отношения с руководителями пермского земского самоуправления. Губернатор рапортовал, что «распорядителями земского дела являются по преимуществу волостные писари и даже сидельцы питейных заведений, попадающие на места председателей и членов земских управ посредством происков и интриг». Анастасьев очень резко отзывался о земских гласных: «традиционная страсть этого класса людей к наживе», «при малом своем кругозоре», «неразвиты и незнакомы с общественной жизнью», «ловкие люди». Причина такого внезапного «нападения» заключалась в том, что представители земств «стараятся в различных мелочах выставить свою самостоятельность и независимость от администрации»¹⁸. Эти строки вызвали сочувствие у императора, который «собственноручно начертал» на всеподданнейшем отчете Анастасьева: «Слишком рано введено было земство в губернии»¹⁹.

Воззрения Анастасьева на земское самоуправление были близки Александру III, который, еще до вступления на престол, характеризовал земских деятелей «неудобными крикунами»²⁰, а ближайшие царские сановники отзывались о земцах, как о «шалопах, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде», которые «разобщают царя с народом»²¹. Вероятно, «хозяин» Пермской губернии подобными отчетами и предложениями хотел понравиться императору и министру внутренних дел, заслужить их доверие.

В конце 1883 г. Анастасьев прислал в Министерство внутренних дел целый проект для комиссии по преобразованию местных учреждений М.С. Каханова. В нем отразились консервативные взгляды Александра Константиновича

на будущую реорганизацию местного управления. Сначала он скрупулезно охарактеризовал пермских гласных, среди которых не нашел «дворянского элемента — этого единственно культурного сословия, справедливо призванного играть столь видную и даже первенствующую роль в нашем самоуправлении», и пришел к выводу, что «при таких деятелях местное самоуправление угрожает превратиться в царство кабака».

Пермский губернатор хотел «иметь действительное влияние на направление земской деятельности» и отстаивал необходимость «усиления правительственной власти и контроля — с одной стороны; и введение земских учреждений в общую систему государственного управления — с другой». Главной идеей Анастасьева в 1882—1883 гг. была не отмена выборного начала в земском самоуправлении, а его полное подчинение губернаторской власти путем предоставления должностей председателей уездных и губернских земских собраний лицам из местной администрации. В секретных донесениях Толстому Анастасьев пытался отстоять свой проект необходимостью борьбы с земскими взяточниками и противниками Министерства внутренних дел ²².

Несмотря на неприятие выборного мирового суда, Анастасьев предлагал даже несколько расширить компетенцию мировой юстиции. В своем проекте пермский губернатор написал, что волостной суд ²³ «не пользуется популярностью», в нем «царит неправда», а «отправление судьями своих обязанностей превращается иногда в пьяную оргию, в которой принимают деятельное участие и тяжущиеся», и предложил «ограничить пределы их компетенции и, в виде корректива, учредить для них апелляционную инстанцию в лице хотя мирового судьи» ²⁴. Глава Пермской губернии в первом отчете сообщал Александру III, что «замечался важный недостаток: мировые судьи несочувственно относятся к деятельности полиции».

По его мнению, нарушители штрафовались «ничтожной» суммой, а дела, направленные полицией в мировой суд, долго не рассматривались. Для исправления удручающего положения он предлагал перейти от процесса избрания судей к их назначению: «служа ранее в губерниях Царства Польского, где мировые судьи назначаются от правительства, я убедился в преимуществе их пред выборными судьями» ²⁵. Губернатор не принимал в расчет «поведение» местных хранителей правопорядка: постоянно поступали жалобы «на медленность и бездействие полиции». Причем «начальники» губерний указывали на «вредные последствия, могущие произойти от таковой медленности», но «всегда бывали крайне снисходительны» к полицейским чиновникам ²⁶.

В августе 1883 г. «начальник» губернии самостоятельно попытался устранить ранее заявленные полицией недочеты в деятельности судей, не дождавшись указаний из столицы. Во время поездки в Екатеринбург он решил помочь полиции в «обуздании» местных мировых судей, которые «положительно» игнорировали составляемые ей акты и протоколы. «Желая по возможности поправить дело к общей пользе», Анастасьев пригласил к себе трех мировых судей. С одним из них — И.К. Кикиным — губернатор серьезно поругался.

Сложно определить виновного в этом конфликте: оба не отличались терпением и выдержкой. Анастасьев, будучи уже членом Государственного совета, в 1892 г. рассказывал К.П. Победоносцеву историю о члене черниговского окружного суда, которого пригласил к себе «переговорить по делу»: «Сели мы с ним и начали беседовать, при этом понадобился мне какой-то документ, относящийся к предмету нашего разговора. Подхожу к конторке, начинаю искать его и, обернувшись, вижу, что гость мой сидит! Можете себе представить: я — хозяин губернии, первое лицо в городе! Я — стою, а он — сидит! “Встаньте”, — говорю я ему, он сконфузился и встал. “Теперь можете уходить, потому что Вы не сумели соблюсти должного приличия в отношениях ко мне!” Он встал и ушел» ²⁷.

В 1885 г. в связи с огромным количеством дел «о лесных порубках» прокурор екатеринбургского окружного суда просил всех мировых судей сообщить «возможно точные сведения насколько предустановленная законом доказательная сила протоколов о лесных нарушениях повлияла на увеличение числа обвинительных приговоров по сим делам». Однако Кикин ответил прокурору, что «мировой судья назначен государем императором охранять силы законов его величества и внушать народу мир, честь и правду, а не для того, чтобы давать отчет прокурорам о том, ходит ли мировой судья в лес да считает ли пни!»²⁸

Анастасьев, следуя принципу подчинения суда администрации, пытался повлиять на судопроизводство и вмешался в работу мировых судей, которые по закону не подчинялись губернатору. Кикин тоже не проявил «дипломатичности», причем судья сильно задел самолюбие «начальника» губернии, заявив о полной независимости мирового суда от администрации. Терпения, мудрости и уважения не хватило обоим представителям разных ветвей власти.

Нетрудно представить, какой отзыв написал Анастасьев во всеподданнейшем отчете за 1883 г. о мировых судьях Пермской губернии. С этих пор настоящим врагом для него стал весь мировой суд: «нередко приходится даже слышать о продажности судей», «личный персонал мировых судей стоит на крайне низком нравственном уровне». Теперь не только председатели земских собраний и управ избирались из бывших «волостных писарей», но и большинство мировых судей, «успевших приобрести, чаще всего, неблаговидными средствами имущественный ценз». Несмотря на явную эмоциональность высказываний, губернатор рационально призывал обратить внимание на сильную зависимость мирового суда от земских собраний, но выход видел только в отмене процесса избрания судей, которые только «стремятся добиться популярности среди населения, не отступая для этой цели ни пред какими средствами»²⁹. Пермский губернатор требовал назначения судей «от правительства», то есть Министерством юстиции.

С. Мокринский, изучавший замечания разных губернаторов о мировом суде, назвал отзыв Анастасьева «первым по времени»³⁰. Действительно, во всеподданнейшем отчете за 1883 г. впервые прозвучали столь серьезные обвинения от высокопоставленного представителя власти, которые не могли не вызвать большого резонанса в правительственных кругах. Александр III приказал «обратить внимание министра юстиции», а также направил отчет на рассмотрение Комитета министров, где возник вопрос: «Не следует ли изменить существующий в Пермской и Вятской губерниях порядок назначения мировых судей?»³¹ Слова Анастасьева сильно подействовали на столичную общественность, которая начала думать, что «в Пермской губернии состав мировых учреждений ниже всякой критики»³². Консервативно настроенные «представители высшей административной власти» посчитали это общим наступлением на «ненавистную» выборную мировую юстицию и на следующий год писали о мировых судьях отчеты, подобные Анастасьеву³³.

Летом 1885 г. член харьковской судебной палаты В. Ненарочкин ревизовал мировую юстицию в Пермской губернии. Особое внимание ревизор уделил кадровому составу судебно-мировых учреждений: «Мировые судебные учреждения этой губернии не представляют таких аномальностей, которые вызывали бы особые правительственные меры. Ни продажности, ни полного противодействия их администрации, о чем упоминается во всеподданнейшем отчете бывшего пермского губернатора Анастасьева, как изволите усмотреть из представляемого подробного отчета, мною не обнаружено»³⁴.

Консервативный проект по преобразованию местного управления, жалобы на земское самоуправление и мировой суд помогли Анастасьеву: его заметили в столице и пригласили осенью 1884 г. на заседания кахановской комиссии. В

ходе ее работы образовалось две группы: либеральная и консервативная ³⁵. В состав последней входил пермский губернатор, но 28 февраля 1885 г. комиссия была закрыта, а ее проекты переданы в архив ³⁶.

В этом же году Анастасьев был назначен черниговским губернатором. Общее правительственное наступление на земское самоуправление возрастало, пропорционально увеличивалась ненависть к нему у Александра Константиновича. Всепогоднейшие отчеты наполнялись одинаковыми выражениями: «Зло укоренилось слишком глубоко для того, чтобы сразу могло быть уничтоженным. К преследованию его я, однако же, принял энергичные меры... единственным радикальным средством к прекращению этого зла может быть только изменение существующего ныне порядка выбора земских гласных» ³⁷.

В отчете за следующий год Анастасьев искал всевозможные заговоры и неправомерные действия земцев: «Партия не скупится даже на подкупы избирателей... гласными от города в земское собрание попадают лица, угодные воротилам и, безусловно, покорные их воле... крупные хищения общественных сумм, непосильные мирские налоги, полная безотчетность». Такие характеристики земства не могли не отразиться и на местном мировом суде: «Они простерли сферу своей деятельности даже на правосудие, которые в их руках превратилось в нечто недостойное такого имени... Партия избирает в мировые судьи людей совершенно недостойных такого высокого звания» ³⁸. Несмотря на способность Анастасьева преувеличивать «трагизм» ситуации, Александр III полностью поддержал конфликтного губернатора и велел «обратить самое серьезное внимание министра внутренних дел на эти беззакония и принять меры к немедленному прекращению их» ³⁹. От этих действий губернатора пострадали местные земские деятели В.М. Хижняков и И.И. Петрункевич, оставившие после себя воспоминания об Александре Константиновиче.

Во второй половине 1880-х гг. «хозяева» разных губерний постоянно присылали в столицу жалобы на земское самоуправление. На подобные заявления губернаторов Александр III реагировал однозначно: «печально», «почти отовсюду та же грустная и печальная картина земства», «грустная истина», «печальные факты», «почти везде то же самое!» Причем Комитет министров, скрупулезно разбиравший подобные пометы, не устанавливал истинные причины таких сообщений, а требовал лишь выразить «неодобрение» действий земских собраний ⁴⁰.

В это время власть хотела слышать неодобрительные отзывы о земстве, а губернаторы, подобные Анастасьеву, старательно подталкивали самодержавие к радикальным преобразованиям пореформенных учреждений. Это находит подтверждение в подготовке проекта министра внутренних дел Толстого «О земских участковых начальниках». Особое внимание уделялось мнениям губернаторов, «кои единодушно одобряют предлагаемые Толстым мероприятия» ⁴¹.

С 1889 г. в российских губерниях начали вводить должность земских начальников, чем «резко нарушался принцип раздельности административной и судебной властей, служивший одним из краеугольных камней судебной реформы» ⁴². Теперь не уездные земства публиковали объявления о предстоящих выборах мировых судей и подборе подходящих кандидатов на эти судебные должности, а губернатор объявлял о вакантных местах земских начальников, чтобы кандидаты «в случае желанья занять означенные должности, должны озаботиться заблаговременным представлением его превосходительству установленным порядком документов о своей службе» ⁴³. Земские начальники, заменившие выборных мировых судей в уездах, находились в полном подчинении местной администрации.

Консерваторы торжествовали: в 1891 г. курский губернатор сообщал, что земских начальников «ожидали» землевладельцы и крестьяне «с большими надеждами», так как «судебно-мировые учреждения не пользовались вообще со-

чувствием населения»⁴⁴. Владимирский губернатор утверждал, что «новые учреждения на первых же порах приобрели доверие населения и благотворно отразились не только на общественной, но и на частной жизни»⁴⁵. Почти все администраторы «пели хвалебные оды» земским начальникам⁴⁶.

Больше всех радовался ликвидации ненавистных судебно-мировых учреждений черниговский губернатор Анастасьев. Всем земским начальникам он приказал «грозно и решительно проявлять силу и полноту своей власти; разезжая на тройке с колокольчиками по участку, требовать, чтобы крестьяне издали сворачивали с дороги, подвергая тотчас каре не исполняющих этого требования; ко всем лицам волостного и сельского управления обращаться на ты; вообще проповедовались быстрота и натиск и, при всякой провинности обывателей, розги и розги»⁴⁷.

Уже через несколько месяцев после введения института земских начальников Анастасьев с удовольствием писал царю: «Земские начальники приобрели достоюдолжный авторитет среди населения вверенных им участков, которое смотрит на них как должно смотреть на истинно твердую и близкую власть: с сыновней почтительностью, послушанием и полным доверием». Дальнейшие строки губернатора дают нам возможность узнать, о каком же «правом», «гласном» и «скором» суде «мечтали» консервативные администраторы: «Множество дел, загромаждавших собой канцелярии мировых судей и мировых съездов, разрешаются теперь в двух-трех словах личной беседой земского начальника и не ведут к судебному процессу!»⁴⁸ Причем эти слова были подчеркнуты самим императором Александром III. Новая судебно-административная власть, полностью подчинявшаяся губернаторам и «судившая» с помощью неизвестных двух-трех слов, полностью устраивала самодержавие.

Александр III нравился консервативный администратор Анастасьев, которому только на посту черниговского губернатора трижды объявлялось «монаршее благоволение», а в 1891 г. за «отлично-усердную службу всемилостивейше пожалован чин тайного советника»⁴⁹.

На почве ультраконсервативной идеологии Александр Константинович сблизился с редактором газеты «Гражданин» В.П. Мещерским, который называл его «доблестным», «энергичным», «ультраправым», «умным» и «самостоятельным» губернатором⁵⁰. Причем Анастасьев знал о возможности Мещерского оказывать влияние на царя, и на приемах у Его Величества не скрывал, что неоднократно излагал свои мысли в газете «Гражданин»⁵¹. В 1892 г. Мещерский в беседе с Александром III заметил, что в Государственном совете отсутствуют люди с «жизненной и административной школой», и предложил «приобщать от времени до времени людей прямо, так сказать, от провинциальной жизни, в виде выдающихся губернаторов». Царь признался, что наметил Анастасьева⁵². Таким образом Мещерский сумел повлиять на удивительно быстрый карьерный рост Александра Константиновича. 22 июля 1892 г. черниговскому губернатору Анастасьеву «всемилоостивейшее повелено быть членом Государственного совета»⁵³.

Однако это стремительное назначение превратило Анастасьва «из бесстрашного борца, вдохновленного лучшими и высшими идеалами, в запуганного юпитерами Государственного совета человека, не дерзающего ни храбро высказывать свои мнения, ни бороться за правду своего убеждения». Если на должностях пермского и черниговского губернаторов Александр Константинович был настоящим хозяином, первым лицом губернии, который перманентно сражался с ростками либерализма в лице ненавистных органов земского самоуправления и пореформенного суда, то в Государственном совете он чувствовал себя «чужаком», «цветком, выкопанным из своей родной почвы и перенесенным в другую атмосферу и на другую почву»⁵⁴.

В качестве члена Государственного совета Анастасьев участвовал в деятельности нескольких департаментов, однако вскоре заболел и 15 августа 1900 г. скончался в Любече (Черниговская губерния). В конце 1900 г. дочь Анастасьева Ксения Александровна получила официальное сообщение от В.К. Плеве, в котором сообщалось, что на заседании Департамента гражданских и духовных дел почтили память ее отца, который отличался твердостью характера и стойкостью своих убеждений, что император наложил резолюцию: «Всегда с уважением относился к его деятельности!»⁵⁵

Александр Константинович был одним из виднейших консервативных бюрократов эпохи Александра III. Прекрасно чувствуя политическую конъюнктуру, Анастасьев сыграл одну из ключевых ролей в усилении критики пореформенных институтов. Его веские замечания о мировых судьях и земских деятелях воздействовали на мнение царя, других российских губернаторов и общественности. Несомненно, все они знакомились с «всеподданнейшими» отчетами «начальника» губерний Анастасьева, производившими сильное впечатление и формировавшими у власти и общества негативное мнение о деятельности земских и судебных учреждений. Это подготовило население к проведению ряда контрреформ, в том числе ликвидации выборной мировой юстиции в Российской империи. Наградой для деятельного губернатора стало назначение в Государственный совет, где, в силу личных качеств, бывший «хозяин» Пермской и Черниговской губерний не смог оправдать надежд консервативных кругов.

Примечания

Работа выполнена в рамках исследования, финансируемого грантом РГИФ № 13-11-66003а/У.

1. БОГУЧАРСКИЙ В. Предисловие. Воспоминания земского деятеля. В.М. Хижнякова. Пг. 1916, с. IX—XV; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М. 1970, с. 14; Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь. 1997, с. 113; ЖУКОВА Л.А. Проблемы взаимодействия властных структур и земского самоуправления в пореформенной России 1864—1918 гг. М. 1995, с. 20; ФЕДОРЧЕНКО В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 1. Красноярск-М. 2003, с. 53.
2. БОГДАНОВИЧ А.В. Три последних самодержца. М. 1990, с. 181.
3. Отдел рукописей Института русской литературы Российской академии наук (ОР ИРЛИ РАН), ф. 318, д. 9122, л. 48об.—50, 59об.
4. ХИЖНЯКОВ В.М. Воспоминания земского деятеля. Пг. 1916, с. 161—176.
5. ПЕТРУНКЕВИЧ И.И. Из записок общественного деятеля. Архив русской революции. Т. XXI. Берлин. 1934, с. 239.
6. ШИЛОВ Д.Н., КУЗЬМИН Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801—1906: Биобиблиографический справочник. СПб. 2006, с. 31—32.
7. ОР ИРЛИ РАН, ф. 318, д. 9122, л. 48об.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 777, д. 1284, л. 1—2об.
9. Там же, л. 5об.—7об.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, оп. 3, д. 885, л. 125—127.
11. Там же, ф. 1162, оп. 6, д. 13, л. 20—25.
12. Журналы XIV очередного Чердынского уездного земского собрания. Пермь. 1884, с. 61.
13. Журналы XIII очередного Красноуфимского уездного земского собрания. Кунгур. 1883, с. 92—93; Журналы XIII очередного Осинского уездного земского собрания. Оса. 1883, с. 247.
14. РГИА, ф. 1405, оп. 86, д. 2949, л. 11об.—12.
15. Журналы XV очередного Соликамского уездного земского собрания. Вятка. 1884, с. 517.
16. Журналы XI и XII чрезвычайных Пермских уездных земских собраний. Пермь. 1883, с. 7—10.
17. Журналы XI чрезвычайного Соликамского уездного земского собрания. Вятка. 1883, с. 7—8.
18. РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 99, л. 4—4об.
19. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881—1890 гг. генерал-губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. СПб. 1893, с. 143.

20. ВАЛУЕВ В.П. Дневник 1877—1884. Пг. 1919, с. 51.
21. ПЕРЕТЦ Е.А. Дневник Е.А. Перетца (1880—1883). М. 1927, с. 33, 38.
22. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 266, л. 343—424; оп. 3, д. 206, л. 9—12.
23. Сословный суд для крестьянского населения.
24. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 266, л. 368—369.
25. Государственный архив Пермского края (ГАПК), ф. 65, оп. 1, д. 48, л. 3об.
26. Государственный архив г. Шадринска (ГАСШ), ф. И-492, оп. 1, д. 136, л. 18; БЛИНОВ И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб. 1905, с. 316—319, 350.
27. ОР ИРЛИ РАН, ф. 318, д. 9122, л. 49об.
28. Екатеринбургская неделя. 1885, № 15, с. 244.
29. ГАПК, ф. 65, оп. 1, д. 49, л. 5.
30. МОКРИНСКИЙ С. Выборный мировой суд. В кн.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. СПб., с. 58.
31. РГИА, ф. 1405, оп. 86, д. 2949, л. 1—3об.; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881—1890 гг. генерал-губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. СПб. 1893, с. 395; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1883 г. губернаторов, начальников областей и градоначальников. СПб. 1884, с. 96.
32. Прения по реферату М.В. Красовского «О недостатках нынешнего устройства мировых судебных установлений в отношении уголовной юстиции» (В.И. Лихачев, Н.Б. Хвостов, М.В. Красовский). — Журнал гражданского и уголовного права. 1885, № 5, с. 77; Юридическое образование наших мировых судей. — Там же. 1887, № 1, с. 187.
33. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1884 г. губернаторов, начальников областей и градоначальников. СПб. 1885, с. 51, 88, 138, 165—166.
34. РГИА, ф. 1405, оп. 86, д. 2949, л. 40об.—43об.
35. ТОЛМАЧЕВ Е. Александр III и его время. М. 2007, с. 245—246.
36. РГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 51, л. 1.
37. Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива (НСБ РГИА). Всеподданнейший отчет начальника Черниговской губернии за 1886 г., л. 2—4.
38. Там же, л. 2—9.
39. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881—1890 гг., с. 147.
40. Там же, с. 142—144.
41. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. 1887—1892 гг. Т. II. М. 1966, с. 61, 132.
42. АННЕНСКИЙ Н. К сорокалетию судебных уставов. — Русское богатство. 1904, № 11, с. 258—264.
43. Екатеринбургская неделя. 1892, № 8, с. 155.
44. НСБ РГИА. Всеподданнейший отчет курского губернатора за 1890 г., л. 13.
45. Там же, л. 8—12.
46. Всеподданнейшие отчеты воронежского, костромского, полтавского, тамбовского, рязанского и др. губернаторов за 1890—1891 гг.; Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы. Т. X. СПб. 1895, с. 9—25.
47. ХИЖНЯКОВ В.М. Воспоминания земского деятеля. Пг. 1916, с. 93.
48. НСБ РГИА. Всеподданнейший отчет черниговского губернатора за 1890 г., л. 14.
49. ОР РНБ, ф. 777, д. 1284, л. 11об.
50. МЕЩЕРСКИЙ В.П. Мои воспоминания (1881—1894 гг.). СПб. 1912, ч. 3, с. 295, 378.
51. ОР ИРЛИ РАН, ф. 318, д. 9122, л. 49.
52. МЕЩЕРСКИЙ В.П. Ук. соч., с. 376—377.
53. ОР РНБ, ф. 777, д. 1284, л. 12об.
54. МЕЩЕРСКИЙ В.П. Ук. соч., с. 379—380.
55. РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 13, л. 103—104.

Военная служба крестьян Сибири в XVII—XVIII вв.

В.Д. Пузанов

В Московском государстве XV—XVII вв. нести военную службу полагалось не только военным — служилым людям, но и жилацким людям — крестьянам, посадским. Но если служилые люди должны были быть готовыми к войне всегда, то жилацкие — при необходимости: на них лежала обязанность защищать свои города. В 1502 г. Иван III требовал от рязанской великой княгини Аграфены, чтобы она не отпускала торговых людей Рязани ездить на Дон. Они должны были оставаться в Рязани для защиты южного города, пока рязанские служилые люди находились на службе московского великого князя¹.

При крупном набеге кочевников на юг Руси крестьяне были обязаны «сидеть в осаду» в свой уездный город с женами и детьми. В это время «у животины» могли остаться только несколько человек, чтобы увести скот в леса. Такие предписания постоянно встречаются в наказах воеводам украинских городов. Наказ воеводам Мценска 20 апреля 1638 г, содержит предупреждение, что если служилые люди и пашенные крестьяне не придут в город при набеге, то государь не будет их выкупать и обменивать из плена, дети же боярские, которые не привезли крестьян в город, подлежали заключению в воеводскую тюрьму². На этом требовании правительство настаивало очень серьезно.

Характерно, что в разрядных книгах устанавливалось количество не только служилых людей, но и жилацких, которых можно было использовать при обороне города. В северных городах посадские люди были преобладающей по численности военной силой, а иногда и только единственной группой, на которую мог рассчитывать воевода. Во Владимире в 1638 г. имелось 57 служилых людей (стрельцов, пушкарей, воротников), 20 отставных стрельцов и 367 посадских людей с пищальями и рогатинами. В Галиче имелось 9 пушкарей и «посадские люди». В Перми, Вятке, Хлынове, Каргополе под началом воеводы стояли только «посадские и жилацкие люди»³. Но подобное положение являлось исключением и объяснялось особым географическим положением северной Руси как единственной территории Московского государства, которой не угрожали набеги.

Историки Сибири давно отмечали значение той постоянной и упорной борьбы, которую русское население вело с кочевыми племенами за южные уезды Сибири в первое столетие колонизации края⁴. По мнению В.И. Шунко-

---

Пузанов Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, доцент Сургутского государственного университета.

ва, в уездах южной Сибири крестьяне «до конца века не получили нормальных мирных условий». Он считал, что кочевники оттеснили русское крестьянство на востоке от «наиболее благоприятных для земледелия территорий» и что «русское земледелие в силу условий политической жизни Сибири отходило в течение всего XVII в. к северу»⁵. В результате крестьянство развивало земледелие в районах, которые до прихода русских местное население не использовало или использовало только в небольшой степени. В истории этой борьбы с кочевниками на юге Сибири одной из малоизученных проблем является военная роль крестьян в отражении набегов, защита ими своих слобод.

После Смуты в Сибири происходила крестьянская колонизация западных районов края. Из русских уездных центров — городов Сибири — население постепенно заселяло район по реке Туре и ее притокам. На Туре находились три важных русских военных центра — Тюмень, Туринский острог и Верхотурье. Продвижение ойратов на восток, их частые набеги на юг русской Сибири не позволили русским крестьянам занять в 1620—1630-е годы районы, наиболее выгодные для земледелия — бассейн реки Исети. В 1630-е годы отряды Кучумовичей и ойратов разорили ряд слобод бассейна Туры. Главному удару подверглись не уездные города с гарнизонами и артиллерией, а крестьянские поселения — слободы и деревни, которые не могли оказать серьезного отпора даже небольшим отрядам кочевников.

В начале колонизации крестьяне строили слободы и деревни на юге Сибири без оборонительных укреплений. Эти крестьянские поселения появились в период замирения Сибири после Смуты, когда местные антирусские движения были подавлены, а Кучумовичи — главные соперники русской власти Сибири — разбиты. Кучумовичи не имели серьезной опоры на юге, так как там их главные союзники, ногаи, потерпели ряд поражений от ойратов и постепенно переместились на запад, в Поволжье. В то же время ойраты еще не пришли окончательно и появлялись в крае к западу от реки Ишим довольно редко. Такие относительно благоприятные условия русской крестьянской колонизации создались во многом благодаря особому переходному периоду в борьбе кочевых народов в степях южной Сибири. Но он продолжался недолго и завершился полным изгнанием из южной Сибири ногаев; в 1620-е годы туда пришли ойраты.

Поэтому в 1620-е годы обстановка на юге русской Сибири постепенно менялась. Небольшие группы ойратов начали совершать набеги в Верхотурском и Тюменском уездах. Жертвой этих набегов являлось прежде всего многочисленное тюркское ясачное население. Однако небольшие группы ойратов, проникая в край, нападали и на русских крестьян, грабили имущество, часто обращали самих в рабство. Эти первые набеги и вызвали строительство острогов на юге Сибири.

В 1634 г. кочевники разгромили слободы по реке Нице Чубарову, Киргинскую, Верхнюю и Нижнюю Ницынскую. В 1640 г. ойраты воевали Чубарову слободу, которая находилась всего в 30 верстах от Туринского острога. В 1640—1641 гг. воеводы неоднократно получали вести о походе кочевников на Чубарову и Нижнюю Ницынскую слободы и предписывали приказчикам этих слобод жить «с великим бережением». В 1641 г. Кучумовичи приходили под Тюмень. Вести о крупных набеге на юг русской Сибири поступали в 1642—1646 годах. В декабре 1645 г. приказчик Чубаровой слободы, получив известие о нападении кочевников на Мурзинскую слободу, просил прислать служилых людей из Туринского острога. В 1640—1650 годах ойраты совершали набеги в районе Исети, угрожая оттуда походом на Тюмень или на слободы. 14 июня 1652 г. воевода Верхотурья писал приказчику Ирбитской слободы Андрею Бернатскому о возможном нападении кочевников, предписывая, в случае если «про калмыцких людей вести поновятся», приказать всем крестьянам ехать из

деревень в острог слободы с ружьями или саадаками (луки, колчаны со стрелами), чтобы калмыки не захватили слободу и острог изгоном. Отпустить этих ополченцев по домам разрешалось только тогда, когда «вести про калмыцких воинских людей минуются». В период башкирского восстания 1662—1664 гг. в ходе летних боев 1662 г. крестьяне составляли основную, а часто и единственную силу, защищавшую слободы. 15 августа 1662 г. ойраты и башкиры напали на село Покровское Арамашевской слободы, крестьяне сели в осаду и просили помощи у приказчика слободы Афанасия Бибикова («прошают силы на подсобь») ⁶. Бибиков собрал крестьян слободы с оружием и обратился за помощью к приказчикам соседних слобод. В частности приказчик Невьянского острога князь Семен Пелымский послал к нему 20 крестьян. 1 июня 1667 г. приказчик Ирбитской слободы Яков Давыдов послал в разведку по воинским вестям 20 беломестных казаков и крестьян, которые ездили четыре дня. Главную силу при обороне большинства сибирских слобод составляли именно крестьяне.

В следующее башкирское движение, в 1682 г., Иван Томилов, приказчик Арамашевой слободы, писал в Верхотурье: «Крестьян в слободе мало, в осаде сидеть и биться с воинскими людьми нечем» ⁷. Да и не всегда крестьяне желали исполнять предписание власти об обороне слободы. В 1682 г. Федор Томилов, приказчик Невьянского острога, доносил в Верхотурье, что крестьяне не слушают беломестных казаков, которых он разослал по деревням, удаленным на 15—30 и более верст, с приказом «для осадного времени» ехать в острог. По его словам, «крестьяне в Невьянской острог не едут и бегут с женами и детьми по лесам, и мне защищать острог нечем», так как беломестных казаков в остроге всего четыре человека. Пришедших в острог крестьян было мало, и они были плохо вооружены, не было пищалей и саадаков, которые им полагались. 9 августа 1682 г. верхотурскому сыну боярскому Михаилу Бибикову было предписано ехать в Краснопольскую слободу и примирить крестьян с приказчиком, повелев ему, чтобы он жил «смирно и крестьяном никаких налог не чинил, а крестьяном приказать, чтоб Ивана во всем слушались». Память сообщает, что крестьянам во время угрозы нападения кочевников «по воинским вестям» предписывалось «днествовать и ночевать» в остроге слободы в количестве 15—20 человек. Бибиков, который должен был собрать оружие в прикрытых другими поселениями слободах и привезти его в наиболее угрожаемые, заявил, что он не ездил в Арамашевскую слободу, так как крестьяне Пышминской слободы отказались выдать ему по памяти пушки железные и ядра, а затинную пищаль, взятую в Ницынской слободе, он послал с провожатым ⁸. Памяти к приказчикам острогов и слобод содержали требование жить «в остроге и деревнях з беломестными казаками и крестьянами с великим бережением неоплошно и в подъезды и в проезжие станицы беломестных казаков посылал бы безпрестанно» ⁹.

Помимо защиты острогов и слобод, местное население вместе с войсками и самостоятельно участвовало в стычках, вылазках, разведывательных операциях. В 1662 г. отряд Невьянского монастыря «побил в походе» 200 кочевников. 16 августа 1662 г. приказчик Ирбитской слободы получил память из Верхотурья с приказом, собрав всех беломестных казаков и «из крестьян охочих людей», послать их к Федору Головкову, приказчику Ницынской слободы, который должен был объединить силы ополчения двух слобод и идти на выручку Арамашевской слободы, осажденной башкирами. В Ирбитскую слободу был послан верхотурский стрелец Петр Конев, чтобы ускорить сбор людей в поход.

Подобная активность населения проявлялась не только в периоды боевых действий. В 1672 г., в период, когда к рекам Исети и Тоболу прикочевал калмыцкий тайша Мелай, выразивший готовность служить русскому царю «со всеми своими улусными людьми», слободчик Суерской слободы Осип Давыдов вместе с Федором Крневым, собрав драгун, беломестных казаков, пашенных

крестьян и «кречатьи помытчики» Исетской слободы, всего 70 человек, вывели их в степь и разгромили кочевья Мелая, «кочевных его людей побили, а жен их и детей взяли, а погромную ружьядь разделили по себе», что вызвало недовольство центральной власти. Во времена угрозы нападений среди населения распространялись слухи о призыве в военные отряды. 2 августа 1682 г. крестьянин слободы Царево Городище сообщил в судной избе приказчику Краснопольской слободы, что из Тобольска прислано в Мехонскую слободу 2 тыс. служилых людей под началом Федора Волкова, который прибирает в полк «вольных и охочих людей» со всех Исетских слобод, собираясь идти с ними в поле на кочевников¹⁰.

В 1709 г. воевода Тобольска князь А. Черкасский издал указ: «Кто похочет всякого чину слободские жители идти охотой... для поиску войной, те бы люди приезжали в Китайский острог с ружьем, лошадьми и запасы». Командование «охочими людьми» он возложил на первого (в 1698 г.) драгунского капитана острога в отставке Осипа Мурзина. Характерно, что желание воевать вызвало конфликт части крестьян с местной администрацией. Верхотурский воевода не подтвердил тобольский указ в своем уезде, но крестьяне Камышловской и Тамакульской слобод, несмотря на запрещение приказчика, уезжали в Китайский острог: «Утайкой... уезжают в охочие в степь, а мне их удержать невозможно, для того, что пора летняя». Позднее отряд Мурзина, насчитывавший к тому времени 200 человек «охочих крестьян», вошел, наряду с драгунами, в подчинение Ф.А. Толбузина, 12 августа принимал участие в сражении с кочевниками у озера Чебаркуль. Существовали также отдельные отряды ряда слобод. Например, 26 апреля 1709 г. крестьяне Пещанской слободы, 34 человека с ружьем, преследовали отряд кочевников, отогнавший скот, и, «нагнав, бились с ним... скот отбили». 28 мая после отгона скота у Арамильской слободы отряд сержанта Семена Травина в 150 драгун и крестьян нагнал в степи кочевников, но был отбит, потеряв 18 человек убитыми, 20 ранеными, 20 пленными. В июле 1709 г. отряд охочих людей Багаряцкой слободы вышел в степь на повстанцев, в бою «русских людей пало многое число». По сведениям Акинфия Демидова, в июле 1709 г., после нападения повстанцев на Каменский завод, «русские люди разных слобод, собрався волница за ними изменники... в степь ходили, кошев 5 побили и скот на завод отбили». 10 августа отряд русских крестьян и черемис Чусовой слободы в 90 человек разбил появившийся у слободы отряд повстанцев (70 человек), перебив 20 из них¹¹. Таким образом, использование крестьян Сибири в боях восполняло отсутствие регулярных сил и приобрело широкий характер.

По сведениям Николая Витсена, путешествовавшего по России в 1664—1665 гг., крестьяне Сибири были, как правило, «хорошо обеспечены оружием, так что, когда язычники-разбойники пытаются их обидеть, они закрываются в своих домах и из ружей стреляют через окна и с легкостью изгоняют их». Акты XVII в. свидетельствуют, что власти Сибири не только поощряли распространение огнестрельного оружия у русского населения, но иногда и раздавали его сами из «государевой казны». Особенно широко это практиковалось на территории Верхотурского уезда, где было мало служилых людей и много слобод с крестьянским населением. 8 апреля 1664 г. староста пашенных крестьян Невьянской слободы Андрей Сидоров сын Шмаков подал отписку на Верхотурье, что принял из государственной казны 15 пищалей с ложами и замками, 7 замков шкоцких, 7 простых; староста Ницынской слободы принял 10 пищалей¹². В 1668 г. у приказчика верхотурского сына боярского Семена Будакова в остроге Пышминской слободы на «острожном ряду» имелась затинная пищаль и 20 железных ядер, а сверх того 21 мушкет для раздачи населению. В слободе жили 13 беломестных казаков и 45 оброчных крестьян¹³. В грамоте 22 сентября 1679 г.

Федор Алексеевич предписал верхотурскому воеводе Р. Павлову в связи с доведением до тысячи человек численности драгун на Исетской линии выдать им мушкеты и пищали, «которые были у солдат и у беломестных казаков и у крестьян даны из нашей великого государя казны».

В 1682 г. воевода Верхотурья Ларион Лопухин сообщал тобольскому воеводе князю Голицыну, что город не готов к ожидаемой войне с кочевниками: «на Верхотурье в государевой казне ружья нет», имевшееся оружие не годилось к стрельбе, было мало боеприпасов и мало служилых людей, поэтому «Верхотурского уезда слободы и остроги послать нечего». Так же и в слободах ружей и боеприпасов было мало «и в приходе воинских людей», по словам воеводы, обороняться было бы нечем. Воевода указывал, что к 1682 г. в составе Верхотурского уезда было построено 12 слобод и острогов, в которых «пушек нет и мушкетов мало». Беломестные казаки, пашенные и оброчные крестьяне уезда обратились к воеводе с челобитьем, что в слободах и острогах «беречься невозможно и в приход воинских людей оборониться нечем»¹⁴. К примеру, в Чусовской слободе не было пушек и затинных пищалей и «ручных пищалей мало, а та Чусовская слобода стоит с приходу башкирской степи».

В Ирбитской слободе в 1682 г. беломестные казаки имели только 24 мушкета и небольшое количество боеприпасов, чего, по оценке приказчика, было «к воинскому делу мало». По данным приказчика Ивана Томилова, в Арамашевой слободе имелось 26 мушкетов и две пищали: одна на проезжей башне «пищаль небольшая», вторая пищаль — затинная, и мало боеприпасов. В Ницынской слободе также недоставало оружия и боеприпасов, «а которые мушкеты есть, у тех замки поломаны», в слободе некому было исправить замки, ближайший кузнец находился в Невьянской слободе. В Невьянской слободе также оружия было мало, «в осадное время сидеть нечем и не с чем». Верхотурский сын боярский Михаил Бибилов, посланный 9 августа 1682 г. из города в Краснопольскую слободу, должен был собрать у крестьян розданные им ружья, бердыши и рогатки и положить в казну — на случай обороны, а также перевезти пушку и пищаль затинную в более угрожаемую Чусовскую слободу¹⁵.

Крестьян использовали и в строительстве укреплений. В 1670 г. по царскому указу и верхотурской памяти Якову Борисову было повелено построить слободу на реке Пышме на Красном Яру, прибирая беломестных казаков и оброчных крестьян. Борисов позднее написал челобитную, в которой сообщал, что в беломестные казаки и крестьяне хотят записаться «многие охочие люди», но не делают этого по причине отсутствия острога; он просил отправить для этого население старых слобод Верхотурского уезда, отмечая, что и ранее «в новых слободах остроги ставлены Верхотурского уезда пашенными и оброчными крестьянами». На Верхотурье в приказной избе по документам прошлых лет выяснили, что царскими указами 1654, 1657, 1667 гг. было приказано направлять стройщиков-крестьян старых поселений для строительства Катайского острога, Пышминской, Краснопольской и Камышевской слобод¹⁶.

13 августа 1681 г. царским указом и верхотурской памятью приказчик Аятской слободы получил приказ построить острог небольшой «для приходу воинских калмыцких людей и воровских башкирцов». Приказчик должен был самостоятельно определить, где стоять острогу и где построить крестьянские житницы. Острог рубленный должен был иметь в длину 40 сажень, в ширину 30 сажень, башни, мост, катки по острогу, надолбы, все это — силами беломестных казаков и оброчных крестьян слободы. Крестьяне обратились с челобитьем, чтобы им было разрешено закончить строительство после страдной поры. Приказчик писал на Верхотурье, что подобный острог поставить одной слободой «не в мочь»¹⁷.

23 июня 1682 г. приказчик Тагильской слободы Андрей Родичев, сообщивший о возможном нападении кочевников на русские слободы, получил из

Верхотурья приказ острог слободы «починить и устроить, круг острогу крепости, какие пригоже на оборону от воинских людей», запаста камни и другие припасы на случай осады, переписать всех крестьян, имеющих ружья, наказав им, «чтоб жили с великим бережением». Приказчик должен был постоянно сообщать известные ему сведения в уездный город «и буди у тебя каких вестей объявятся и ты б о тех вестех писал на Верхотурье почасту». В 1682 г. и все другие приказчики уезда получили из Верхотурья приказ починить и усилить укрепления своих острогов. 9 августа 1682 г. была послана память приказчику Пышминской слободы с требованием починить силами крестьян острог слободы, где были неисправны укрепления одной стены¹⁸. Крестьяне не всегда соглашались с требованием укрепления слобод. В 1693 г., во время набега казахов на слободы по р. Тоболу, крестьяне Новой Пышминской слободы «во всем отказали» приказчику Н. Албычеву, который требовал починить острог в слободе¹⁹.

При Петре I последовательно проводилась милитаризация крестьянского населения юга Сибири. Причиной этого стали разорительные набеги орды на Сибирь в 1690-е годы. Петр I хотел отбиться с минимальными затратами для казны. В 1697 г. он повелел сибирским воеводам разослать приказчикам предписания мобилизовать крестьян на строительство различных укреплений около слобод — «поделать надолбы и всякие крепости». Кроме того, впредь запрещалось строить новые деревни там, где существовала угроза набегов. Теперь, намечая новое поселение, надо было главное внимание обращать на военные условия местности — «при крепких и оборонных местах многолюдно» и при этом «не на спорных землях»²⁰.

19 апреля 1699 г. Петр I в грамоте тобольскому воеводе князю М.Я. Черкасскому приказал летом разрушить малые заимки и деревни, находящиеся в районе набегов «неогороженныя, некрепкие и малолюдные», и свести их население в крупные слободы, укрепляя их «всякими крепостями». Царь повелел вооружить все население сибирского юга, для чего продать крестьянам по себестоимости старые пищали из тобольского запаса. Отныне все «пашенные мужики» были обязаны иметь собственное оружие — ружья, копья и бердыши, наличие его предписывалось проверять на смотрах и за отсутствие ружья брать пеню 1 рубль с человека.

В 1701 г. царский указ требовал от местного воеводы «в Тобольском уезде и Тобольского розряду в городех и слободах слободским всякого чина людем, крестьяном, а наиболее в тех местах, которые к степям близки, и отколь каким неприятельским нашествием разорение опасно, тех слобод и деревень в зимнее и летнее время быть в готовности с опасением». Крестьян надо было заставить окапывать слободы и деревни рвами, «около рвов учинить надолбы и всякие крепости», держать на них караулы.

17 января 1701 г. последовал новый указ: в городах и слободах Тобольского уезда, «а наиболее в тех местах, которые к степям близки», слободским всякого чина людем и крестьянам «тех слобод и деревень быть в готовности с опасением, чтоб у них, против наших великого государя прежних указов, было, у всякого конного и пешего, ружье, пищали, копья, бердыши, саадаки, а в острожках и в драгунском полку и пушки». В случае отсутствия «у крестьян у кого» ружья, Петр I требовал купить его или выменять на хлеб. На командиров размещенного в крае драгунского полка возлагалась обязанность проводить воинские учения крестьян: «А когда у них зимою дела нет, устроая у крестьян у 100 человек по капитану и порутчику и их же братья мужиков воинскому делу учить без отговорки, у всякого б ружье в дому всегда в готовности было, и в летнее время тем ружьем могли б всякому неприятелю учинить пристойный отпор и себе оборону». Офицеры должны были собрать по слободам записи о количестве таких крестьянских сотен; из крестьян выбрать сотников и

десятников, обязанных надзирать за состоянием оружия, выставлять вооруженные караулы на поле на время работы «и к покупке ружья и к караулам всяких чинов людей понуждать неволею, чтоб во время прихода неприятельских людей могли всякого чина люди с ними биться и в погоню за ними ходить». Петр I требовал от воеводы «в Тобольском уезде и Тобольского розряду в городех и слободах слободским всякого чина людем, крестьяном, а наибольше в тех местах, которые к степям близки и отколь каким неприятельским нашествием разорение опасно, тех слобод и деревень в зимнее и летнее время быть в готовности с опасением»²¹. В случае серьезных угроз крестьянам неукрепленных деревень следовало съезжаться в поселения с «крепостями», занимая там оборону²². В XVIII в. правительство, во избежание контактов русского населения с кочевниками, стремилось запретить поездки крестьян в степь для занятий промыслами и охотой. Однако провести эту линию на юге края было трудно: даже после строительства укрепленных линий крестьяне пытались ездить за рубежи, контролируемые русской властью²³.

С начала XVIII в. на юге Западной Сибири развернулось строительство «крепостей» при десятках деревень, расположенных в пограничной зоне. В Ялуторовском дистрикте, административно оформившем слободы Среднего Притоболья, из 163 населенных пунктов, существовавших к 1749 г., «городовые укрепления» были при 41 деревне. Из них большая часть находилась на южной или восточной границе дистрикта. «Крайние в степь» Утятская, Емуртлинская, Верх-Суерская слободы и Царев Курган, прикрывавшие все эти поселения от кочевников, имели от трети до двух третей укрепленных пунктов от общего числа поселений. Верх-Суерская слобода насчитывала 2 из 6 укрепленных поселений. В Емуртлинской слободе из 7 пунктов укреплены были три. Утятская слобода насчитывала 6 из 9 укрепленных пунктов — самый высокий показатель по Среднему Притоболью (деревни Меньщикова, Галишева на р. Юргамыше, Предеина и Собанина по Тоболу, Успенская (Барабинская) между Тоболом и Юргамышом). Из 22 пунктов Царево-Курганской слободы укреплено было 11 — деревни Смолино, Челнокова, Курганская, Черемухово, Шкоцкая, Арбинская, Силкина, Утятская, Чимеева, Сизикова и село Введенское. «Заплот лежачей в столбах», в ряде случаев усиленный рвом и рогатками, в крепостях этих деревень охватывал зачастую значительные площади от 53 саженьей (в Арбинской), до 255 (в Челноковой и Шкоцкой), 373 в Смолине и даже 640, как в крупной слободе, в селе Введенском.

Строительство укреплений в пунктах сосредоточения колонистов также определялось степенью удаленности от кочевых племен. В Исетском дистрикте к середине XVIII в. укреплены были только крупные административные единицы (Исетский, Мехонский, Красногорский остроги, Терсяцкая, Усть-Миасская, Бешкильская и Ингалинская слободы). В Шадринском дистрикте — 9 поселений: сам город, Масленский острог, село Воденниковое, Барневская слобода и ее села Полевское, Кабанское, Макаровское, Далматов монастырь, а также Теченское поселение монастыря. Укрепления четырех сел представляли собой «ограду, забранную в столбы заплотом» вокруг церкви, в селе Кабанском — усиленную «палисадом, надолбами и рогатками». Шадринск построил рубленый город с башнями «наподобие кремля или замка», по словам П.И. Рычкова, на 233 сажени. Отдельно «оградой, забранной в столбы забором» с рогатками на 164 сажени, были отгорожены 29 магазинов с казенным провиантом. Третья линия — ограда заплотом с двумя проезжими башнями, надолбами, рогатками и рвом на 490 саженьей — охватывала дома жителей.

В Окуневском дистрикте из 79 поселений укреплено было 19. В целом, по четырем дистриктам Сибири — Ялуторовскому, Исетскому, Шадринскому и Окуневскому — к середине 1740-х годов было укреплено 76 поселений, в большин-

стве расположенных на пограничной полосе со «степью». В случае серьезных угроз крестьяне неукрепленных деревень должны были съезжаться в поселения с «крепостями», занимая там оборону. При необходимости администрация дистриктов могла заранее уничтожить «малые» деревни, расположенные в опасном месте.

В первые десятилетия XVIII в. в результате преобразований Петра I русская армия стала регулярной. Однако далеко не везде отряды служилых людей старых служб были расформированы. Напротив, в некоторых провинциях в это время численность нерегулярных формирований увеличилась. Правительство даже ввело здесь такие формы организации военной силы, которые были неизвестны в Московской Руси. В частности в Сибири были созданы полки из крестьянского населения, которое раньше редко привлекалось к военному делу. Формировались отряды из местных крестьян, которые получили название выписных казаков.

На это явление обратил внимание В.Н. Татищев, который использовал крестьянские ополчения в своей административной деятельности на Урале. Татищев отмечал, что в восточных губерниях России, Оренбургской и Сибирской, кроме регулярных войск и казаков, при необходимости созывается военное ополчение, и из «народов и мужиков (кои все люди оружейные и воинским порядком нарочно обучаются) весьма немалое число может быть собрано и часто против набегов» кочевников определяются²⁴.

Вооруженное, живущее в укрепленных слободах и деревнях, то обороняющее свои поселения, то идущее вместе с войсками или само по себе в степь за добычей, крестьянское население южной границы Сибири XVII—XVIII вв. мало напоминало жителей Севера или Центра России, откуда оно вышло. Характерно, что правительство Петра I не видело существенной разницы между военным населением и крестьянами, которые должны были тоже обучаться военному делу, чтобы оборонять слободы и участвовать в походах (ничего не получая за это). Пограничное население юга Сибири легко шло в беломестные казаки, Сибирский полк слободских драгун, а в 1730-е годы оно стало основным источником комплектования Исетского казачьего войска.

Крестьянство играло важную роль в удержании Сибири XVII — начала XVIII века. Эта его роль была обусловлена слабостью русских военных сил на юге колонизируемого края и опасностью, грозившей от кочевников, ойратов и башкир. Отряды беломестных казаков, сформированные на юге Западной Сибири, не могли решить проблему безопасности русских колонистов, поэтому местным властям, слободчикам и приказчикам пришлось постоянно использовать крестьян для выполнения многих функций, традиционно возлагавшихся на служилых людей. Крестьяне не только строили военные укрепления в слободах и острогах, но и должны были нести там караульную службу, доставлять вести в соседние остроги и т.п. В момент военных действий крестьянское население вливалось в состав военных отрядов слобод и острогов, часто совершало походы в составе отрядов регулярных сил.

Понятно, что подобные действия властей не вызывали большого энтузиазма у крестьян, отвлекаемых от хозяйственных работ. Однако характерно, что здесь не возникало и серьезного сопротивления: факты уклонения от работ по строительству укреплений встречаются редко. Крестьяне понимали, что от этого может зависеть их жизнь и жизнь их семей. Захватывая русские поселения, кочевники частью убивали их жителей, частью уводили в плен в улусы, откуда продавали их в Среднюю Азию, Китай и другие государства.

Для крестьян выполнение многих функций служилого населения не являлось абсолютно новым делом. Уезды Поморья, откуда, по данным историков, происходили в большинстве крестьянские колонисты Сибири, отличались от других русских уездов по социальному составу. Там почти не было служилых

людей, которые в XVII в. в городах Московского государства являлись наиболее многочисленной, а часто и вообще единственной группой населения. Поэтому и в Поморье многие функции служилых людей выполняли жилецкие люди — посадские люди и крестьяне. В эпоху Смуты жилецкие люди Поморья на протяжении многих лет не только защищали свои города и уезды от набегов литовских людей и казаков, но и составляли рати ополчений, которые освободили от иноземцев Московское государство.

В Сибири состав русского населения был совершенно другой, служилые люди были здесь, как и на юге, наиболее многочисленной группой, однако в целом русское население Сибири, на огромной территории края, было в XVII в. небольшим, служилые люди из уездных центров не могли защитить от набегов население десятков слобод и острогов. Кроме того, Московское государство издавна использовало жилецких людей для обороны городов и в походах.

Большое, еще далеко не вполне изученное, влияние на жизнь населения окраин Руси оказывало соседство с кочевыми народами. Одним из последствий этого соседства и стало появление особых групп населения на рубежах с тюркским миром. Когда после завоевания Сибири началась ее колонизация русским населением, здесь также постепенно складывались особые военизированные группы пограничного населения.

Примечания

1. БАЗИЛЕВИЧ К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М. 2001, с. 308.
2. Разрядная книга. 1637—1638. М. 1983, с. 75.
3. Там же, с. 80—116.
4. МИЛЛЕР Г.Ф. Описание Сибирского царства. М. 1998, с. 291; ЕГО ЖЕ. История Сибири. Т. 2. М.-Л. 1941; БУЦИНСКИЙ П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. В кн.: К истории Сибири. Тюмень. 2003; БАХРУШИН С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1927; ЛЮБАВСКИЙ М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX вв. М. 1996; СЕРГЕЕВ В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение. — Вестник истории мировой культуры, 1960, № 3; АЛЕКСАНДРОВ В.А. Русское население Сибири начала XVII — начала XVIII в. Енисейский край. М. 1964; ЕМЕЛЬЯНОВ Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск. 1980; НИКИТИН Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск. 1988.
5. ШУНКОВ В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М. 1956, с. 246.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1111 (Верхотурская приказная изба), оп. 2, д. 751, л. 37; д. 775, л. 17.
7. Там же, д. 787, л. 4; д. 307, л. 127.
8. Там же, д. 307, л. 144, 141, 161.
9. Там же, д. 767, л. 122.
10. Там же, д. 307, л. 5, 116.
11. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1. СПб. 1882, с. 318—401.
12. РГАДА, ф. 1111, оп. 2, д. 120, л. 6.
13. Там же, д. 157, л. 4.
14. Там же, д. 307, л. 16, 108.
15. Там же, л. 127, 128, 144.
16. Там же, д. 931, л. 3.
17. Там же, д. 720, л. 14.
18. Там же, д. 307, л. 5, 134.
19. ШУНКОВ В.И. Ук. соч., с. 191.
20. РГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), кн. 1312, л. 56.
21. Там же, ф. 199 (Портфели Г.Ф. Миллера), д. 478, ч. 3, л. 12.
22. Там же, д. 481, ч. 6, л. 1—22.
23. Там же, ф. 1016 (Управительская канцелярия Ялуторовского дистрикта), оп. 1, д. 41, л. 1—2; д. 85, л. 3.
24. ТАТИЩЕВ В.Н. Избр. труды по географии России. М. 1950, с. 186.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Карл Шмитт

С.В. Артамошин

Оценка творчества и личности германского консервативного мыслителя Карла Шмитта носит неоднозначный и, на наш взгляд, искусственно политизированный характер. Данная политизация объясняется тем, что первая половина XX в. в истории Германии была временем катастроф, и, что наиболее важно, господства национал-социализма, а в послевоенном мире сам факт жизни в это время уже вызывал настороженность в оценках личности.

Карл Шмитт родился в небольшом индустриальном городе Саарской области Плеттенберге 11 июля 1888 года. Он рос в католической семье в условиях протестантского города, что не могло не оказать воздействия на его формирование. В детстве Карл стал рано посещать церковь. Очарованный блеском католической службы, он скоро превратился в последовательного католика, сохранив свою веру на протяжении всей жизни. Его отец к тому же заведовал церковной кассой, что позволяет говорить об устойчивости католических воззрений в семейном кругу¹. Позднее Шмитт в письме к Эберхарду фон Медему от 20 апреля 1948 г. писал: «Для меня католическая вера была религией моего отца. Я был католиком не только по вере, но и историческому происхождению, если я так могу говорить о расе»². К тому же, родители ориентировали сына на получение университетского образования, которое позволило бы ему поступить на государственную службу в кайзеровской Германии. Поэтому, по завершении обучения в народной школе, в 1900 г. он поступил в гимназию. Гуманитарный предметы и классические языки, которые он изучал в гимназии, способствовали творческой реализации личности, нашедшей свое воплощение в первых филологических опытах. Зародившаяся тогда склонность к сочинительству привела к попытке написания крупного романа, но дальше набросков дело не пошло. Однако четкость литературного стиля, точность характеристик и цельность печатного текста стали отличительной чертой шмиттовских произведений последующего времени.

В 1907 г. Шмитт поступил на юридический факультет Берлинского университета Фридриха Вильгельма. По его свидетельству, большую роль в выборе профессии сыграл его дядя по материнской линии, посоветовавший ему уде-

---

Артамошин Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского.

лить внимание юриспруденции. Овладение данной профессией открывало широкие перспективы карьерного роста ³. Однако место обучения вызывало у Карла двойственные чувства. С одной стороны, он был рад оказаться в одном из ведущих университетов Германии. С другой, — он чувствовал определенный дискомфорт от царившего в Берлине духа протестантской столицы. Он с трудом воспринимал модернистские тенденции, склонность в помпезности и роскоши. Даже учеба в университете не помогала сгладить эту отчужденность. Шмитт сохранил теплые воспоминания о двух преподавателях: юристе Йозефе Колере и преподавателе классической филологии Ульрихе фон Виламовиц-Мёллендорфе. Вместе с тем, первый роман с Берлином оказался кратковременным. По окончании второго семестра Карл проходил обучение в университетах Страсбурга и Мюнхена.

С началом первой мировой войны Карл Шмитт был призван в армию. Несмотря на небольшой рост — 1 м 59 см — он был зачислен в резервную часть лейб-гвардии. Однако ему не суждено было попасть на фронт. Будучи прикомандирован к Ставке заместителя командующего первым армейским корпусом в Мюнхене, он стал служить по линии армейской цензуры. В годы службы Шмитт успел жениться на Павле Доротич. Однако семейная жизнь не получилась. Супруги жили в разных городах и подолгу не общались друг с другом. В конечном счете, к 1924 г. брак распался.

Окончание войны застало Шмитта в Мюнхене, на службе в баварском военном министерстве. Там же он пережил и утверждение Баварской Советской республики, впервые столкнувшись с революционным насилием. В день провозглашения республики в здание министерства ворвались революционеры, и на глазах Шмита, возле его рабочего стола был застрелен офицер. Впоследствии, в его работах будет прослеживаться идея противодействия гражданской войне, которое является первейшей задачей государства. Как отмечал Х. Куарич, «это не личная причуда и не испуг буржуазного теоретика государства», а отражение тех разрушительных процессов, современником которых ему пришлось быть ⁴.

В 1919 г. Шмитт начал преподавательскую деятельность в стенах Высшей школы торговли в Мюнхене. Вхождение в преподавательский состав университетского сообщества погрузило его в мир интеллектуальной рефлексии о современности. Здесь можно указать на то, что в это время в Мюнхене проводил семинары один из ярких представителей германской социологии Макс Вебер. Шмитт посещал их, в том числе и знаменитую лекцию «Политика как профессия». Реваншистский пафос веберовских выступлений заставлял задуматься о взаимосвязи политических размышлений и тех процессов, которые происходят в государстве, о наличии политической актуальности академических изысканий.

В 1919 г. начался самый плодотворный период творчества Шмитта, который, в целом, пришелся на годы существования Веймарской республики и явился откликом на политическую ситуацию того времени. Как считал его биограф П. Ноак, эта политическая заостренность была трагедией Шмитта ⁵.

В 1922 г. Карл Шмитт занял профессорскую должность в Боннском университете. Он покинул бурлящий Мюнхен с его праворадикальной направленностью и перебрался в небольшой спокойный Бонн. Дистанцирование от происходящих процессов позволило ему взглянуть на них более отстраненно, но при этом уже тогда начал проступать неподдельный интерес немецкого консерватора к политике. Именно на боннский период приходится создание основных теоретических трудов Шмитта, закладывание особенного децизионистского подхода к рассмотрению проблем государства и политики. Вместе с тем следует указать на сочетание децизионизма и католицизма в его представлениях.

Консервативные работы Шмитта в период Веймарской республики находились не только в русле интеллектуального течения «консервативной революции», но и имели определенную особенность, отличающую их от работ большинства консервативных революционеров. Эта особенность состояла в сочетании политического видения с религиозным взглядом. Генрих Майер отмечал, что в его творчестве «теологическая основа выступала в тесном объединении с политической. Карл Шмитт закутал основу своей мысли в сумрак, так как его основой мысли была вера»⁶. В дневниковой записи от 3 октября 1947 г. Шмитт называл себя «теологом юриспруденции»⁷. В своем творчестве он проводил интеллектуальную связующую нить между Ж. де Местром, Х. Доносо Кортесом и собой. Он писал, что «теология выступает как единственно верный фундамент политической теории, содержащая больше возможностей от диспутов и отличий, чем он признавал, и роль теологического дилетанта оказывается несовместимой с ролью теоретика политической диктатуры»⁸. Данная проблема нашла свое отражение в работе «Римский католицизм и политическая форма», опубликованной в 1923 году. Исследователь шмиттовского творчества Хельмут Куарич видел в ней католический ответ на известную работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»⁹, с чем можно согласиться, так как автор выводил в качестве основания общественного порядка именно католицизм, в противоположность протестантскому взгляду Вебера. К тому же на связь Шмитта с политическим католицизмом указывает то, что в 1920-е гг. ряд его работ был опубликован в газетах и журналах католической партии Центр, таких как «Kölnischen Volkszeitung», «Hochland» и «Germania»¹⁰.

Децизионистский подход, который использовал Шмитт, он перенял у испанского консервативного философа Х. Доносо Кортеса. Их сближало отношение к проблеме власти, особенно в критической, чрезвычайной ситуации. Немаловажным фактором была и близость позиций в оценке духа либерализма, охватившего XIX и XX века. Шмитту очень импонировала оценка европейских революций 1848—1849 гг., данная Кортесом, которая поражала его своей точностью и критичностью. Она основывалась на том, что «его взгляд на революционные события был отточен через опыт многочисленных испанских революций»¹¹. Интерес к анализу революции определялся тем, что, во-первых, она рассматривалась как вызов современности, что указывало на существующие пороки и кризисы современного общества; во-вторых, революция как предмет изучения представляла интерес и тем, что она была экстраординарным событием, чрезвычайной ситуацией, исключением из нормального развития общества.

Кроме того, Шмитта и Кортеса сближала критическая оценка либерализма. Они видели в нем одно из основных орудий разрушения традиционного общества. Эгалитаризм, культ разума, атеистическое восприятие мира, парламентский способ управления государством были, по их мнению, не только противопоставлены традиционной системе общественного уклада, но и направлены на его разрушение и тотальную замену. В письме другу от 19 апреля 1851 г. Доносо Кортес пришел к неутешительному выводу: «Либерализм и парламентаризм во всех областях приводят к одним и тем же результатам; эта система пришла в мир, чтобы наказать его, и она покончит со всем, что есть: с патриотизмом, разумом, нравственностью и честью; это зло, чистое зло, сущностное и субстанциальное»¹².

Шмитт был восхищен политической пронизательностью Доносо Кортеса в вопросе понимания сущности либерализма. «Его интуиция в духовных вопросах, — писал он, — зачастую ошеломительна. Примерами этого является определение буржуазии как “класса дискутирующего” и вывод о том, что его религия — это свобода слова и печати». Шмитт видел в этом стремление буржуазии уйти от ответственности и принятия решения. Здесь децизионистские представления Кортеса и Шмитта пересекаются, соединяясь в единое целое.

Дискуссия превращается не только в политический метод либеральной политики, но и становится метафизической основой либерализма. Таким образом, «его сущность — это переговоры, выжидательная половинчатость с упованием на то, что, может быть, окончательное столкновение, кровавую решающую битву можно будет превратить в парламентские дебаты и вечно откладывать посредством вечной дискуссии»¹³. Стремление отказаться от ответственности принятия решения и дезавуировать его политическим обсуждением, в котором решение растворяется, так как не имеет властной, авторитарной основы ответственности, приводит к ослаблению властного начала, что представляется крайне опасным в ситуации социальных трансформаций и социальных потрясений. «Класс, который переносит всю политическую активность в говорение, в прессу и парламент, не соответствует эпохе социальных битв»¹⁴.

Антилиберализм Шмитта опирался на католицизм и произрастал из трех католических источников: контрреволюционной политической философии Жозефа де Местра, Луи де Бональда и Хуана Доносо Кортеса; антилиберальной полемики папы Пия IX и его «Syllabus» от 1864 г.; французского и немецкого католического возрождения.

Революционные потрясения Европы середины XIX в. были результатом глубоких мировоззренческих, политических и социальных изменений европейского общества. В знаменитой речи о диктатуре Доносо Кортес стремился понять, почему революции становятся возможными и как можно противодействовать им. Причины революций, по его мнению, коренятся в дефектах правительственной политики, неспособности разглядеть кризисную ситуацию. Политическая слепота выступает признаком упадка, как в действиях людей, так и правительств и наций. Кортес отрицал социальную причину революций, и предпочитал усматривать ее в злонамеренных действиях. Он указывал, что «глубокие революции всегда совершались аристократами. Нет, сеньоры, не в рабстве, не в нищете зародыш революций, зародыш революций находится в желаниях толпы, возбужденных ораторами, которые ее эксплуатируют и используют». Испанский консерватор указывал на то, что истинная свобода всех и для всех возможна лишь в соединении с Богом, а так как современное общество стремится, прежде всего, к разрыву с ним, то можно констатировать тот факт, что «свобода умерла». Обращаясь с трибуны конгресса к депутатам, он вопрошал: «Вы полагаете, что цивилизация и мир идут вперед, в то время как они возвращаются назад. Мир, сеньоры, идет огромными шагами к установлению самого гигантского и опустошительного деспотизма, который помнят люди. К этому идет цивилизация и к этому идет мир»¹⁵.

В условиях европейских революций 1848 г., атаки на монархическую власть со стороны разрушительных сил Доносо Кортес считал необходимым спасти власть и государство путем утверждения диктатуры. Для него диктатура была средством обеспечения общественной безопасности в условиях чрезвычайной ситуации. Кортес вполне резонно полагал, что государство на основе законности в состоянии обеспечить порядок, если подданные прислушиваются к закону и следуют ему, но если одной законности недостаточно для обеспечения порядка, тогда диктатура должна спасти государство. Он отмечал, что «диктатура в определенных обстоятельствах... это законное правление, это хорошее правление, это правление полезное, как и любое другое правление, это правление рационально, поскольку может защититься как в теории, так и на практике». Испанский консерватор считал диктатуру полезной в условиях чрезвычайной ситуации. Он так объяснял свою теорию: «Когда вторгающиеся силы рассеяны, сопротивляющиеся также разбросаны, в правительстве, по властям, по судам, словом, по всему телу общества, но когда вторгающиеся силы собраны в политические объединения, тогда необходимо, чтобы никто не мог помешать, чтобы

никто не имел права помешать сопротивляющейся силе самой по себе сосредоточиться в одной руке. Это ясная, нерушимая, блестящая теория диктатуры»¹⁶. Доносо Кортес во время аудиенции 15 марта 1849 г. обратился к прусскому королю Фридриху Вильгельму IV со словами: «Как бы ни было очевидно, я осмеливаюсь, тем не менее, напомнить Вашему Величеству, что было бы вредно абсолютно доверять кому бы то ни было. Сельское население не может само по себе спасти трон, необходимо, чтобы трон спасся сам, подавляя злоупотребления демагогов и энергично наказывая предателей»¹⁷.

Таким образом, диктатура была для Доносо Кортеса средством защиты от государственно-разрушительных сил. Как записал Шмитт в своем дневнике 24 ноября 1947 г.: «диктатура для Кортеса не только легальна, но и легитимна»¹⁸. Такое отношение определялось нетипичностью самой ситуации, в которой оказалось государство. Авторитет против анархии при угрозе гражданской войны виделся Кортесу, как и Шмитту, само собой разумеющимся. В «Политической теологии» немецкий консерватор отмечал, что «едва Доносо Кортес обнаружил, что время монархии кончилось, поскольку больше нет королей, и ни у кого не достало бы мужества быть королем иначе, как только по воле народа, он довел свой децизионизм до логического конца, то есть потребовал политической диктатуры... Диктатура — противоположность дискуссии. Для децизионистского духовного склада Кортеса свойственно постоянно предполагать крайний случай, свойственно ожидание Страшного Суда. Поэтому либералов он презирует, а атеистически-анархический социализм уважает как своего смертельного врага и придает ему сатанинское величие»¹⁹.

В условиях смены духовных ценностей, происходившей на рубеже XIX—XX вв., Шмитт считал, что только католицизм сохраняет свое духовное значение и остается неподверженным вторжению политических сил извне. Протестантизм, все больше сближаясь с государством, по его мнению, оказался подверженным всем трансформациям, происходившим в обществе, и оказался неспособным противостоять наступлению рационалистического и механистического века. Шмитт усматривал причину этого в разрушении его духовной составляющей. Это придавало большую значимость католицизму, который, по глубокому убеждению консерватора, оставался единственным бастионом духовности против разрушительных тенденций современности. Он полагал, что в начале XX в. именно в католицизме «ищут спасения от бездушия рационалистического и механистического века. Соизволив быть не чем иным, как полюсом душевности в противоположность бездушиности, церковь забыла бы себя самое»²⁰.

Шмитт отвергал обвинение политических оппонентов католицизма в его «безграничном оппортунизме». Он считал, что оно основывается на «антиримском эффекте», подтверждением чему выступала антикатолическая политика в государствах, в которых католическая вера исконно существовала. В качестве подтверждения можно привести деятельность правительства республиканцев во Франции в 1880-е гг., исторической Левой в Италии и «культуркампф» Бисмарка в Германии в 1870-е годы. Однако если посмотреть на политический католицизм с точки зрения политической деятельности, то его отличительной чертой выступала удивительная «эластичность». Благодаря ей он присоединялся к противоположным течениям и группам, не теряя своего значения. Данная тактика не является предосудительной, так как используется всеми политическими силами. Шмитт указывал на то, что для католического мировоззрения «все политические формы и возможности становятся всего лишь инструментами подлежащей реализации идеи»²¹.

Современное индустриальное общество противоречило католической идеи. Основанное на индивидуализме и получении экономической выгоды, оно под-

меняло духовную идею экономическим мышлением. То, что не давало экономической отдачи в представлении современных людей индустриальной эпохи вряд ли заслуживало какого-либо внимания, да и вообще, вряд ли существовало. «Рационализм экономического мышления, — писал Шмитт, — привык считаться с определенными потребностями и видеть только то, что он может “удовлетворить”». Он выстроил для себя современный большой город — здание, где все происходящее поддается калькуляции»²². Таким образом, немецкий консерватор выделял сущностную противоположность, лежащую между экономическим мышлением современной эпохи и политической идеей католицизма, как между переменчивостью и постоянством. Особенность рационализма католической церкви он видел в стремлении к моральному осмыслению природы человека, его психической и социальной сущности. Католическая идея не материальна, а духовна. Она не приносит увеличения состояния граждан, расширения производства или повышения производительности труда, она не стремится овладеть материей с тем, чтобы придать ей полезность, получить от нее экономическую отдачу. Шмитт отмечал, что «у церкви — своя особая рациональность... Этот рационализм заключен в институциональном и имеет сущностно юридический характер; его великое достижение состоит в том, что он делает священство должностью, но опять-таки совершенно особенным образом. Папа — не пророк, а наместник Христа». Немецкий мыслитель подчеркивал, что католическая идея стоит вне экономической борьбы, которая является важной составляющей современного политического противоборства. «Владение нефтяными источниками земли может, пожалуй, оказаться решающим в борьбе за мировое господство, но в этой борьбе наместник Христа на земле участия принимать не будет»²³.

Шмитт видел в основе буржуазного общества «всеобщий дуализм», имеющий четкие полярные стороны: «на одной стороне — буржуа, на другой — ничто, человек богемы, который в лучшем случае репрезентирует сам себя»²⁴. Если в эпоху Просвещения ученый противостоял церкви и боролся с христианской верой в пользу рационалистического знания, а «торговец был духовной величиной лишь как пуританский индивидуалист», то с утверждением господства техники, где ключевую роль играет машина, «оба они все больше становятся обслугой огромной машины»²⁵. Ученый и торговец в современных условиях нацелены на обслуживание предприятия, а сам процесс обслуживания машины делает их необходимым элементом в машинном производстве, что приводит к стиранию индивидуальных черт, лица, превращая их в анонимные существа, которые подлежат замене в силу их износа. Анонимность и заменяемость лишают их репрезентативности.

Антимодернизм и антиурбанизм Шмитта позволял увидеть в католицизме духовную альтернативу наступающей машине. Индустриальный мир с помощью техники менял окружающий мир, изменяя и человека. Шмитт видел в рационализме и в техническом мышлении общее. По его мнению, их объединяет чуждость социальным традициям. Он подчеркивал, что «машина не имеет традиций»²⁶. Этот разрыв современного мира с традицией воспринимался католиками с ужасом, оживляя в их сознании образ Страшного суда. Католическое мышление Шмитта позволило ему соединить наступление индустриальной эпохи с господством безличного, с образом антихриста²⁷. Генрих Майер отмечал, что в представлении консерватора господство антихриста противоположно политическому и находит свое выражение в стремлении добиться отрицания враждебности. «Борьба “за” или “против” враждебности для него, как мы видим, была важнейшим политико-теологическим критерием»²⁸.

Репрезентантом Просвещения выступал ученый, экономическое пуританство представлено торговцем, в то время как политический теолог репрезенти-

рует католицизм. Политическая направленность католицизма не определяется экономическими факторами или чистой технологией власти. Католицизм как и любое историческое явление включен в политику и подвержен действию ее законов. Однако, это внешнее воздействие не является господствующим и исключительным. Католицизм обладает божественным авторитетом, который делает его роль более значимой, чем у либерализма и пуританства. Он также превосходит механику власти Макиавелли, так как несет идею, внутреннее наполнение политической деятельности. «Политическая власть католицизма не основывается ни на экономических, ни на военных средствах. Независимо от них у церкви есть пафос авторитета во всей его чистоте»²⁹. Католическая церковь, в представлении Шмитта, дает внутреннюю идею противодействия экономическому духу и его политической форме. Для победы нужна вера, и католицизм в состоянии ее предоставить. В этом союзе он видел основу для преодоления либерализма веймарской системы и создания мощного бастиона духовного возрождения Европы.

В одной из наиболее ярких своих работ «Понятие политического» Шмитт стремился осознать сущность политического процесса. Он полагал, что политические понятия имеют полемический смысл и становятся понятными только в том случае, когда наполняются конкретным действительным содержанием. Таким образом, политические понятия предполагают «конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации», к тому, что есть здесь и сейчас, окончательным следствием чего является «разделение на группы “друг-враг”», и они становятся пустой и призрачной абстракцией, если эта ситуация исчезает». Шмитт отмечал, что при господстве в государстве партийно-политических интересов происходит отождествление политического с партийно-политическим, фактически речь идет о подмене понятий в силу изменения их внутреннего содержания. Он допускал такую возможность, но лишь в силу того, что теряется «идея охватывающего, релятивирующего все внутривнутриполитические партии и их противоположности политического единства (“государства”), и вследствие этого внутривнутригосударственные противоположности обретают большую интенсивность, чем общая внешнеполитическая противоположность другому государству». В такой ситуации «внутригосударственное, а не внешнегосударственное разделение на группы “друг-враг” имеет решающее значение для вооруженного противостояния. Реальная возможность борьбы, которая должна всегда наличествовать, дабы речь могла вестись о политике, при такого рода “примате внутренней политики” относится, следовательно, уже не к войне между организованными единствами народов (государствами или империями), а к войне гражданской»³⁰.

Карл Шмитт на фоне вариативности политических различий, господствующих в политической жизни государства, и различных толкований этого процесса, предложил иное видение специфики политического действия. «Специфически политическое различие, — писал он, — есть различие друга и врага. К нему сводятся человеческие действия и мотивы в их политическом смысле»³¹. Введенное различие «друг-враг» позволяло ему не только подчеркнуть особенность политической борьбы, но через него увидеть политику. Если поставить различие «друг-враг» в контекст политической мысли Германии первой трети XX в., то становится видно, что через это противопоставление Шмитт старался подняться над социально-классовым видением политического процесса, прежде всего, марксистской интерпретацией социально-политических противоречий как классовых, антагонистических, агрессивных-воинственных, ориентированных на уничтожение политического противника во всех смыслах этого слова. Абсолютная деструктивность борьбы в марксистском духе фактически приводила к социальному столкновению, но такому, где за понятием «класс» не был

виден конкретный, реальный, из плоти и крови, противник в политической борьбе. В марксистском социальном видении не хватало человека. Это заменялось чистой абстракцией. А абстракция в политике теряет реальность. В этой связи мы солидарны с точкой зрения Фолкера Нойманна о том, что «теория друг-враг есть ответ марксизму»³².

В политической сфере врагом выступает не солдат, а политик. Как было отмечено выше, враг — это, прежде всего, иной, чужак. «Враг не конкурент и не противник в общем смысле. Враг также и не частный противник, ненавидимый в силу чувства антипатии. Враг, по меньшей мере, эвентуально, то есть по реальной возможности, — это только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности. Враг есть только публичный враг, ибо все, что соотносено с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится, поэтому публичным... Врага в политическом смысле не требуется лично ненавидеть, и лишь в сфере приватного имеет смысл любить “врага своего”, то есть своего противника»³³. Враг позволяет нам понять себя, свою сущность и свое место. Через понимание врага происходит политическое усиление нас самих. Мы в состоянии четко увидеть поле битвы, ряды врагов, их сущность, их язык политики. В этом лежит необходимая предпосылка политического успеха. Понимание врага, а не его уничтожение любыми средствами является существенной особенностью политической борьбы. Понимание врага превращается в то мгновение, в котором «враг *увиден*, в котором он *узнан* как отрицание собственной сущности, собственного назначения, в котором, этим неразрывно объединенный, *устанавливающий собственную идентичность и приобретающий явный образ*». Поэтому «враг для Шмитта есть гарант жизненной серьезности»³⁴.

В XX в. изменение характера и смысла войны выразилось в том, что на смену войнам между государствами пришли революционные войны партий. Отличие их друг от друга выражается в том, что война представляет собой вооруженную борьбу между организованными политическими единствами, то есть государствами, а гражданская война, в которой воплощается революционная война, является вооруженным противостоянием внутри этого организованного единства. Отражением наличия латентной гражданской войны может служить противопоставление в государстве друга и врага³⁵. Последнее является первичным в эпоху революций и определяет как войну, так и политику. Гражданская война определяется состоянием абсолютной вражды, придающей ей смысл и делающей ее справедливой в представлении противоборствующей группы. Пионером и родоначальником гражданской войны Шмитт видел В.И. Ленина, который не только обосновал необходимость гражданской войны в своей политической публицистике, но и практически, захватив власть в России, реализовал ее, восприняв «абсолютную вражду всерьез»³⁶. В ситуации наличия публичной и латентной гражданской войны использование традиционных средств не приводит к достижению порядка. Шмитт писал в 1932 г., в момент кризиса Веймарской республики, что «легальность, легитимность и конституция вместо того, чтобы предотвращать гражданскую войну, только способствуют ее обострению»³⁷.

Для Шмитта представляло интерес не голое теоретическое рассуждение о политических и юридических вопросах государства, предполагающее оттачивание понятийного аппарата и размышления в пустоте, а шаг вперед, соединяющий теорию с практикой. В этом состояло отличие Шмитта от его современников — юридических теоретиков, и именно в этом состоял его переход к интеллектуальному течению «консервативной революции». Здесь дело было не столько в критике существующей системы, сколько в стремлении изменить ее, принять участие в этом изменении не только словом, но и делом. Судьба Шмитта в

1930-е гг. является ярким тому подтверждением. Можно утверждать, что ориентация на политическое действие сложилась у него не в 1930-е гг., а еще в начале 1920-х. В одной из своих главных теоретических работ он указывал на это отличие: «Легко критиковать тому, кто ни в чем не принимает участия и остается решительным методологом, не показав хотя бы на одном конкретном примере, чем отличается его юриспруденция от того, что считалось юриспруденцией до сих пор. Методологические заклинания и оттачивание понятий, остроумная критика имеют ценность только как приготовление. И если от доказательства того, что юриспруденция представляет собой нечто формальное, не перейти к делу, то останешься в передней юриспруденции, несмотря на все затраченные усилия»³⁸.

Являясь сторонником децизионистского взгляда, Шмитт указывал на то, что в основе политического и государственного порядка лежит политическая воля, воплощенная в принимаемом политическом решении. Это относится также и к области права. Рассуждая об особенностях правового государства, он полагал, что в нем действительный общественный порядок основывается на решении, и значение имеет только то, что непосредственно определяет, *что* есть порядок и *что* есть угроза ему, то есть значение имеет лишь принимающая решение инстанция, партийная организация или конкретное лицо. Поэтому Шмитт указывал на то, что «каждый порядок покоится на некотором решении» и это относится даже к правопорядку, который «покоится на решении, а не на норме»³⁹. Отличительной чертой политического решения является его самостоятельное значение. В либеральной концепции правового государства решение поставлено в жесткие рамки права и находится в зависимости от содержания нормы. Однако всеобщая норма права не в состоянии в полной мере уловить абсолютное исключение и поэтому не сможет обосновать решение об исключении, что обосновывается сложностью определения конкретного политического случая как исключительного. Всеобщая норма может определить механизм принятия и реализации решения, а не атмосферу его возникновения⁴⁰. Шмитт подчеркивал, что «при самостоятельном значении решения субъект решения имеет самостоятельное значение наряду с содержанием решения. Для реальности правовой жизни важно то, кто решает»⁴¹. Решение основывается на «правильно осознанной политической ситуации» и выражается в том, что государство, столкнувшись с исключительной ситуацией, должно определить не только степень напряженности, но и обозначить ту силу или силы, которые составляют угрозу имеющемуся порядку. Это определение предполагает выявление «друга» и «врага», что, само по себе, в рамках государства означает присутствие скрытой гражданской войны. И в этой ситуации ключевую роль играет тот, кто принимает решение, ибо «суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»⁴².

В августе 1927 г. Шмитт переехал в Берлин и стал преподавать в Высшей школе торговли. По словам его жены, «Берлин был его судьбой». Некоторые современники объясняли этот переезд тем, что Берлин был столицей, способной дать профессору больший заработок, чем провинциальный Бонн. Скорее всего, следует согласиться с Эрнстом Рудольфом Хубером считавшим, что переезд Шмитта был обусловлен стремлением оказаться в центре принятия властных решений. Эта тяга к политической сфере в чем-то была схожа со стремлением Макса Вебера к политической карьере. Удастся ли ему перейти из области теоретических размышлений в сферу практической деятельности? П. Ноак замечал, что «ему нелегко удалось перерасти из области чистого анализа в реальное обсуждение политики. ...Он был там не больше чем Кассандра, которая первым криком подзывала беду. Некоторое время позднее, он фактически призывал, обдумывая каждый шаг, к выходу из хаоса, вызванного так называемым парламентаризмом»⁴³.

В Берлине в первый семестр Шмитт читал курс лекций по государственному праву для 50 человек и проводил семинар по теории государства для 25. Коммуникабельный, образованный мужчина, он в беседах с учениками сохранял незначительную профессорскую дистанцию, но лишь до тех пор, пока не убеждался в должном интеллектуальном уровне собеседника. Его ученики того времени искренне восторгались им. К тому же он значительно выделялся среди политических мыслителей конца 1920-х гг. силой и глубиной мысли, меткостью своих выражений. «Кроме того, он был в высшей массе один — это также необычно — продукт времени, государства и общества, породивших его»⁴⁴.

В начале 1930-х гг. завязалась длительная дружба Шмитта с известным писателем и консервативным мыслителем Эрнстом Юнгером. Она началась 14 октября 1930 г., когда Юнгер отправил ему письмо с благодарностью за присланную книгу «Понятие политического». Казалось бы, это были два разных человека, которых разделяет не только возрастная разница — Шмитт был старше Юнгера на семь лет — но и образ деятельности — один штатский ученый, другой — военный офицер, прошедший фронт. Однако они одинаково обостренно чувствовали духовно-политический кризис веймарской Германии, слабость и недееспособность политических институтов демократии и парламентаризма. Чувство нестабильности и незащищенности вызывало необходимость поиска выхода из кризиса. И для одного, и для другого этот выход не был связан с демократией. Она как антинемецкое, «чуждое» явление была способна лишь породить новые политические кризисы. «Они кристаллизовали в себе консервативный “дух времени”»⁴⁵, диктующий диктаторско-авторитарный путь преодоления политической нестабильности. Отношения между Шмиттом и Юнгером были искренними и по-настоящему дружескими. После рождения у Юнгера второго сына Александра в 1934 г. Шмитт стал его крестным отцом, и их личная дружба переросла в дружбу семьями. Их взаимоотношения продолжались вплоть до смерти Шмитта в 1985 году.

Исходя из того, что основная масса работ немецкого консерватора приходится на период Веймарской республики, необходимо проанализировать его отношение к существовавшей системе. Первое обращение Шмитта к проблематике Веймарской республики относится к 1923 г., когда французские войска оккупировали Рурскую область. С этого момента можно начинать отсчет борьбы Шмитта против Веймара, борьбу юриста и политического мыслителя против слабости государства⁴⁶. Следует подчеркнуть, что шмиттовский анализ демократии и Веймарской системы был направлен на понимание, так как только через понимание врага можно приобрести оружие, позволяющее противодействовать ему. Необходимо учитывать то, что политические работы Шмитта не предназначались для агитации и не имели общей пропагандистской линии. Куарич отмечал, что «Карл Шмитт не был политическим агитатором. Поэтому его “борьба с Веймаром” сохраняет ломающее своеобразие»⁴⁷. Другой исследователь творчества немецкого консерватора, Г. Машке, подчеркивал, что «Шмитт всегда помнил, что Веймар имеет либеральное основание. Это означало для него: Веймар создан поражением, поэтому уже содержал в себе капитуляцию перед врагом»⁴⁸.

Утвержденная в 1919 г. Веймарская конституция была для Шмитта основой республиканского правопорядка, в рамках которого следовало осуществлять политические трансформации. Несмотря на критическое отношение к ней, Шмитт в 1930 г. подчеркивал, что «конституция должна быть святыней немецкого народа». Однако по своему характеру конституция Веймарской республики представляла собой «смешанную систему», как результат политического компромисса между буржуазией и рабочим классом⁴⁹. Она отличалась двойственностью, скомбинировав в себе две разнообразных системы: «пар-

ламентско-законодательную систему легальности и плебисцитарно-демократическую легитимность; между ними были возможны скачки, не только как конкуренция инстанций, но и борьба между двумя способами»⁵⁰.

Шмитт считал, что парламентская система власти способна эффективно функционировать в условиях стабильной ситуации, а когда ситуация приобретает нестабильный, чрезвычайный характер, то ее функционирование становится затруднительным, что приводит в действие плебисцитарно-демократическую систему, центральной фигурой которой являлся рейхспрезидент, обладающий чрезвычайными полномочиями. В начале 1930-х гг. в условиях надвигающейся политической опасности Шмитт был сторонником активных действий, диктаторских, деятельных шагов, способных исправить положение. Куарич отмечал, что «от Карла Шмитта, во всяком случае, нельзя научиться тому, что демократическое правительство конституционного государства может быть защищено только через речи, законодательные статьи и надежду на правильно заполненный избирательный бюллетень, и его смертельный враг... рассматривается как политический клоун и непослушное дитя»⁵¹. Нейтралитет государства в условиях политического напряжения, страх перед решительными действиями виделся немецкому консерватору опасным, прежде всего, для самого государства, не способного себя защитить от сил, стремящихся к его устранению. Он подчеркивал, что «в защите ценностный нейтралитет пока еще функционирующей системы легальности доходит до абсолютного нейтралитета против самой себя и предлагает легальный путь к устранению самой легальности, следовательно, она идет от его нейтралитета к самоубийству».

Децизионистский подход Шмитта заострял роль президентской власти в политической системе Веймарской республики. Однако его понимание роли рейхспрезидента имело свою особенность. Несмотря на либеральную основу веймарской демократии, он полагал опасным нахождение на посту рейхспрезидента человека, представляющего определенную политическую партию. Власть такого рейхспрезидента будет отражением власти политической партии, следовательно, политический кризис, возникший в результате деятельности политических партий, становится непреодолимым, так как партия не может преодолеть саму себя. Как отмечал Ф. Нойманн, Шмитт полагал, что преодоление политического кризиса возможно путем использования полномочий рейхспрезидента, преодолевшего узость партийного горизонта. «Только надпартийный рейхспрезидент может указать политический выход из крушения правового государства»⁵².

В рамках существовавшего правопорядка это было связано с усилением полномочий рейхспрезидента и переносом центра тяжести власти от рейхстага к рейхспрезиденту. Только так было возможно сохранить веймарскую демократию через «формирование фундамента президентской демократии»⁵³. В этом Шмитт видел усиление государства, называя такой поворот «поворотом к тотальному государству», в котором просматривалось веяние времени, характерная черта индустриальной эпохи, ее тяготение к «плану», как в либеральную эпоху существовало тяготение к свободе⁵⁴. Индустриализация и технизация мира требовали подчинения себе всех сил и ресурсов. В политическом плане это выражалось во всеобщей политизации жизни, где любым действиям группового или частного характера любой направленности будет придан политический оттенок. Склонность Шмитта к «тотальному государству» объяснялась тем, что именно оно могло реально противопоставить себя либеральной системе. В нем в большей мере выражается государство, а не общество, что для немецкого консерватора было наиболее важным. Но при этом следует избегать отождествления тотального государства с тоталитарным. У Шмитта тотальное государство означало сильное государство. На это указывал Куарич⁵⁵ и был совершенно

прав, так как в условиях кризиса веймарского государства начала 1930-х гг. Шмитт искал, прежде всего, стабильности государства. Не случайно, что он видел возможность преодоления кризиса вне либеральной основы Веймарской республики, поэтому и являлся сторонником антидемократического решения, в контексте того смысла, который вкладывался в понятие демократии. Ноак писал, что «он придерживался курса, который использовался ни в марксистском, ни в монархическом представлении, а пытался превратить их в фактор стабилизации, который должен сохранить существование республики от коллапса. Поэтому он видел в предложениях “консервативной революции” немалый смысл»⁵⁶.

Летом 1932 г. Шмитт опубликовал в «*Таглихен Рундшау*» статью «Злоупотребление легитимностью», в которой призывал немцев накануне выборов 31 июля 1932 г. быть более осмотрительными и не доверять нацистам право от их имени распоряжаться политическим будущим нации. Тот, кто видел в НСДАП меньшее зло, поступит глупо и опрометчиво, так как позволит этой экстремистской партии изменить конституцию, государственно-политическое и религиозное устройство Германии. «Поэтому, — писал он, — в некоторых случаях, до сих пор было правильно поддерживать гитлеровское движение сопротивления, но 31 июля это становится опасно потому, что 51 процент голосов даст НСДАП “политическую премию” с непредсказуемыми последствиями»⁵⁷. Приход нацистов к власти в январе 1933 г. стал для Шмитта полной неожиданностью.

Период с января до середины апреля 1933 г. был «временем колебаний», обдумыванием своей дальнейшей судьбы и того выбора, перед которым он был поставлен. 1 мая 1933 г. он стал членом НСДАП.

Оценка данного шага в историографии далеко не однозначна. Например, П.Ю.Рахшир писал, что «конечно, сам Шмитт даже вообразить не мог, в какой кошмар воплотятся его идеи, но это не освобождает его от ответственности, тем более, что он поставил на службу “третьему рейху” свои познания и свой личный авторитет»⁵⁸. Биограф Шмитта Ноак называл его переход в стан нацистов «помрачением», не позволившим ему распознать истинную сущность национал-социализма⁵⁹.

Став членом партии, Шмитт перенял стиль поведения и лексикон нацизма. Он дистанцировался от своих коллег. Его прежняя открытость и либерализм сменились холодностью и отстраненностью. Просьбы прежних товарищей о помощи и защите он старался как бы не замечать вовсе. Проходя мимо, вспоминал Генрих Оберхайд, «он мимоходом бросает оскорбительные слова в стиле плохих народных трибунов». Экономист Эдгар Салин писал о Шмитте тех лет, как о «злом демоне универсализма и политики того времени». Он пытался найти объяснение такому резкому, не поддающемуся пониманию, изменению личности. «Мы знаем, — писал он, — что время от времени нас запутывает петля демона; но это плата за то, что мы так относимся к своим слабостям»⁶⁰. Шмитт не устоял перед искушением участия в реальной политике, в возможности выработки или оказания влияния на принятие политических решений.

Вместе с тем, можно привести и другое суждение о немецком мыслителе в период нацистской диктатуры, которое сохранил в своих дневниках Эрнст Юнгер. Он называет его одним из «редких умов, способным непредвзято оценить ситуацию». В условиях контроля со стороны политического режима за любыми проявлениями свободной мыслительной деятельности крайне сложно найти собеседника, с которым можно было бы быть спокойным за те суждения, которые высказываешь. В этой связи Юнгер записал в дневнике: «Друзья, подобные Карлу Шмитту, уже потому незаменимы, что снимают огромные затраты на предосторожности»⁶¹.

В течение небольшого промежутка времени на Шмитта посыпались титулы и звания. 11 июля 1933 г. он получил ранг прусского государственного

советника, в ноябре 1933 г. стал руководителем имперской отраслевой группы преподавателей высшей школы в Национал-социалистическом союзе немецких юристов; участвовал в выработке закона об имперском наместнике и с 1933 по 1936 гг. являлся главным редактором журнала «Дойче Рехт».

Встает вопрос — стал ли он действительно нацистом? Ответ на данный вопрос не так прост, как кажется. Шмитт не стал нацистски мыслящим человеком. Нацистский стиль с характерным для него антисемитизмом был внешним правилом, обязательным для государственного чиновника и человека власти. Однако, даже заимствуя лексикон нацизма, он объединял его со своими представлениями о политической власти. Созданная им в 1933 г. концепция триединства «государство — движение — народ» представляла собой попытку гибридизации консервативных и нацистских положений. И здесь на первое место ставилось государство, а не народ⁶². Шмитт писал, что «политическое единство современного государства есть последовательно обобщенное триединство государства, движения, народа»⁶³. Это триединство является характерной чертой современности и позволяет «рассматривать государство как политико-государственную часть, движение как политико-динамичный элемент, а народ как защиту и тень политических решений растущей неполитической стороны»⁶⁴. Объединение этих трех элементов, в его представлении, должно было обеспечить политическое единство и стабильность. Но вместе с тем, эта концепция способствовала пропаганде «нового» нацистского времени и выступала средством обеспечения нацистского господства.

Поднявшись на политический олимп, Шмитт стал «коронованным юристом» нацистского режима. Этим титулом он был «награжден» летом 1934 г. в эмигрантском социал-демократическом органе «Deutschland-Berichten» за публикацию своей статьи «Фюрер защищает право», написанной по следам расправы над руководством штурмовиков в конце июня 1934 г. и оправдывавшей действия А. Гитлера. Спустя некоторое время бывший друг Шмитта Вальдемар Гуриан в «Deutschen Briefen» поместил статью «Карл Шмитт, коронованный юрист III рейха», в которой, в частности, писал, что «Карл Шмитт, профессор государственного права Берлинского университета, для общественности надолго останется как коронованный юрист III рейха». Интересно отметить, что аналогично характеризовало его и СД, называя также «коронованным юристом»⁶⁵.

Причиной краха политической карьеры Шмитта стало его столкновение с ведомством СС, которое упрочивало свое влияние в Министерстве науки, и известный веймарский юрист был здесь совершенно ни к чему. Его противниками выступали ответственные чиновники эсэсовской элиты Карл Август Экхард, представитель СД в Министерстве науки, Рейнхард Хён, референт по культуре в СД Гейдриха, статс-секретарь МВД В. Штукарт. Шмитту припомнили его связи с политическим католицизмом, и СС стало пристально заниматься «папизмом» юриста в период Веймарской республики. Если бы не защита Й. Попица, советника Геринга и министра внутренних дел Г. Франка, то Шмитт исчез бы за оградой концлагеря и воспринимался бы как жертва нацизма. Но этого не произошло. Было достигнуто компромиссное решение, которое выразил Г. Гиммлер в письме Франку 6 декабря 1936 г.: «Профессор Карл Шмитт не может занимать никакой официальной должности, ни использоваться в настоящем Союзе права, ни в Академии». Газета «Deutsche Allgemeine Zeitung» 21 декабря 1936 г. сообщила об отставке Шмитта с поста в нацистском Союзе юристов по состоянию здоровья. 1 января 1937 г. он ушел также с должности государственного советника⁶⁶.

Лишившись всех политических постов, Шмитт углубился в научную деятельность в Берлинском университете. После 1936 г., как справедливо пишет

В. Шидер, он уже не был «коронованным юристом» третьего рейха⁶⁷. За период с 1934 по октябрь 1944 г. под его руководством была написана 21 диссертация. Война не обошла Шмита стороной. В ночь с 23 на 24 августа 1943 г. авиабомбой был разрушен его дом. В последние месяцы войны он, как и многие немцы, был призван в состав фольксштурма, но принять участие в боях ему не пришлось. С 11 ноября 1945 г. по 22 августа 1946 г. Шмитт находился в лагере интернированных в Берлин-Ванзее. После войны он потерял свою библиотеку, изъятую американским генералом Конрадом 18 октября 1946 года. Супруга Шмитта Душка писала несколько раз генералу, умоляя вернуть супругу отнятые книги, но все тщетно. Зарегистрированный с октября 1945 г. как «свободный ученый», Шмитт сохранил этот статус до своей смерти. 3, 21 и 29 апреля 1947 г. он был вынужден давать показания на Нюрнбергском процессе, и трибунал не нашел в его действиях состава преступления и признал его невиновным⁶⁸.

В данной связи следует отметить длительную дружбу, существовавшую между Шмиттом и Иоганном Попитцем, государственным секретарем в Министерстве финансов, бывшим типичным консервативным «клерком» из рядов прусской бюрократии, принимавшим участие в заговоре 20 июля 1944 г. и казненным нацистами 2 февраля 1945 года. Их знакомство пришлось на 1929 год. Именно Попитц спас Шмитта в 1936 г. в момент конфликта с СС. Здесь уместно привести свидетельство дочери Иоганна Попитца Корнелии, вспоминая в 1946 г. отношения между ее отцом и его другом: «Мой отец считал Карла Шмитта человеком, обладающим глубиной без политического инстинкта и потому всегда чуждого противопоставлению реально-политических вопросов, но отказавшегося от всего из-за моральных основ тогдашней системы до ее крушения. Поэтому дома с Карлом Шмиттом вполне откровенно говорили обо всех политических вопросах, и Карл Шмитт, кроме того, всегда ясно говорил о необходимости изменений, если он считал это возможным, но не активным путем. Арест моего отца показал, что профессор Шмитт выступил как настоящий друг, несмотря на реальную опасность. Он поддерживал моего отца, как правило, существенными средствами и помогал мне во всех трудностях по дому»⁶⁹.

До 1950 г. Шмитт был вынужден публиковать свои статьи под псевдонимами, благодаря помощи своих учеников, из-за запрета германских властей заниматься научной деятельностью. В 1950 г. он смог издать под своим именем книгу, посвященную Х. Доносо Кортесу. Политические власти ФРГ стремились к тому, чтобы стереть имя политического мыслителя, в той же мере как они пытались подвергнуть забвению имя великого немецкого философа XX в. Мартина Хайдеггера. Однако долго замалчивать имя Карла Шмитта власти не смогли, и с конца 1950-х гг. начался его «ренессанс». О нем стали писать книги, статьи, переиздавались его отдельные сочинения, а его творческое наследие до сих пор является предметом дискуссий. Творчество послевоенных лет Шмитта посвящено анализу международно-правовых вопросов войны. Следует отметить в этой связи его объемную книгу «Номос Земли», а также работу о теории партизанской борьбы⁷⁰.

Он похоронил любимую жену Душку и единственную дочь Аниму, которых объединила общая болезнь — рак горла. Дочь Анима, жившая в Испании, скончалась 17 июня 1983 г. в возрасте 52 лет. Карл Шмитт покинул этот мир в Плеттенбурге 7 апреля 1985 года.

1. О конформизме католицизма в протестантской Германии в годы второй империи применительно к личности К. Шмитта существует известная монография Н. Зомбарта. См.: SOMBART N. Die deutschen Manner und ihre Feinde: Carl Schmitt — ein deutsches Schicksal zwischen Männerbund und Matriarchatsmythos. München. 1991.
2. QUARITSCH H. Positionen und Begriffe Carl Schmitts. 2. Aufl. Berlin. 1991, S. 34.
3. NOACK P. Carl Schmitt: Eine Biographie. Berlin. 1993, S. 18.
4. QUARITSCH H. Op. cit., S. 39.
5. NOACK P. Op. cit., S. 123.
6. MEIER H. Carl Schmitt, Leo Strauss und «Der Begriff des Politischen»: zu einem Dialog unter Abwesenden. Stuttgart. 1988, S. 77.
7. SCHMITT C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947—1951. Berlin. 1991, S. 23 (Запись от 3.10.1947).
8. SCHMITT C. Der unbekannte Donoso Cortés. SCHMITT C. Donoso Cortés im gesamteuropäischer Interpretation. Köln, 1950, S. 70.
9. QUARITSCH H. Op. cit., S. 25.
10. NOACK P. Op. cit., S. 92.
11. SCHMITT C. Donoso Cortés im Berlin, 1849. SCHMITT C. Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles 1923—1939. Berlin. 1988, S. 79.
12. ДОНОСО КОРТЕС Х. Письма другу. ДОНОСО КОРТЕС Х. Сочинения. СПб. 2006, с. 542.
13. ШМИТТ К. Политическая теология. Сборник. М. 2000, с. 93—94.
14. Там же, с. 88.
15. ДОНОСО КОРТЕС Х. Речь, произнесенная в конгрессе депутатов 4 января 1849 г. Сочинения, с. 327, 332.
16. Там же, с. 323.
17. ДОНОСО КОРТЕС Х. Письма графу Рацинскому. Сочинения, с. 559.
18. SCHMITT C. Glossarium..., S. 49 (Запись от 24.11.1947)
19. ШМИТТ К. Ук. соч., с. 94, 97.
20. ЕГО ЖЕ. Римский католицизм и политическая форма. ШМИТТ К. Политическая теология, с. 114.
21. Там же, с. 101—102, 104.
22. Там же, с. 119.
23. Там же, с. 117, 124.
24. Там же, с. 127.
25. Там же, с. 126.
26. Там же, с. 137.
27. Там же, с. 119.
28. MEIER H. Die Lehre Carl Schmitt: vier Kapitel zur Unterscheidung politischer Theologie und politischer Philosophie. Stuttgart. 1994, S. 207—208.
29. ШМИТТ К. Римский католицизм..., с. 124.
30. SCHMITT C. Der Begriff des Politischen. Hamburg. 1933, S. 13—15.
31. Ibid., S. 7.
32. NEUMANN V. Der Staat im Bürgerkrieg: Kontinuität und Wandlung des Staatsbegriffs im der politischen Theorie Carl Schmitts. Frankfurt a M.-N.Y. 1980, S. 95.
33. SCHMITT C. Der Begriff des Politischen, S. 10—11.
34. MEIER H. Carl Schmitt, Leo Strauss und «Der Begriff des Politischen»..., S. 35, 80.
35. SCHMITT C. Der Begriff des Politischen, S. 15, 12.
36. ШМИТТ К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М. 2007, с. 83.
37. SCHMITT C. Legalität und Legitinität. München. 1932, S. 97.
38. ШМИТТ К. Политическая теология, с. 37.
39. Там же, с. 21.
40. Там же, с. 15—16.
41. Там же, с. 56.
42. Там же, с. 15.
43. NOACK P. Op. cit., S. 95—96, 100.
44. Ibid., S. 63, 88—90.
45. Ibid., S. 107.
46. MEHRING R. Carl Schmitt zur Einführung. Hamburg. 1992, S. 71.
47. QUARITSCH H. Op. cit., S. 70.
48. MASCHKE G. Op. cit., S. 67.

49. NOACK P. Op. cit., S. 136.
50. SCHMITT C. Legalität und Legitimität, S. 68.
51. QUARITSCH H. Op. cit., S. 47.
52. NEUMANN V. Op. cit., S. 127.
53. NOACK P. Op. cit., S. 105.
54. SCHMITT C. Legalität und Legitimität, S. 11.
55. QUARITSCH H. Op. cit., S. 51.
56. NOACK P. Op.cit., S. 125.
57. Ibid., S. 143.
58. РАХШМИР П.Ю. Радикальный оппортунист Карл Шмитт. Консерватизм: идеи и люди. Пермь. 1998, с. 140.
59. NOACK P. Op.cit., S. 168.
60. Ibid., S. 191.
61. ЮНГЕР Э. Излучения (февраль 1941 — апрель 1945). СПб. 2002, с. 452, 543.
62. NOACK P. Op.cit., S. 194—195.
63. SCHMITT C. Staat, Bewegung, Volk. Die Dreigliederung der politischen Einheit. 2. Aufl. Hamburg. 1933, S. 11.
64. Ibid., S. 12.
65. QUARITSCH H. Op. cit., S. 119.
66. NOACK P. Op.cit., S. 199—203, 206.
67. SCHIEDER W. Carl Schmitt und Italien. — Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 37(1989), S. 16.
68. NOACK P. Op. cit., S. 222—223, 237—242.
69. QUARITSCH H. Op. cit., S. 89.
70. ШМИТТ К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб. 2008.

Продовольственная проблема нового советского региона в 1945—1946 гг.

Г.В. Кретинин

К лету 1945 г. в дипломатическом лексиконе стран-победительниц во второй мировой войне сложилось устойчивое наименование той части Восточной Пруссии, которая должна была отойти к Советскому Союзу. Еще в 1943 г. в Тегеране И. Сталин сообщал, что русским нужны порты Кёнигсберг и Мемель и «соответствующая часть территории» немецкой провинции. На Потсдамской конференции 1945 г. было принято решение «о передаче Советскому Союзу города Кёнигсберга и прилегающего к нему района»¹. Как видно, речь идет непосредственно о г. Кёнигсберге и прилегающей к нему некой безымянной территории.

До апреля 1946 г. эта территория не имела официального названия. Распространенным было ее обозначение как территории Особого военного округа, созданного летом 1945 г. после расформирования 3-го Белорусского фронта.

На территории округа не только располагались соединения и части советских войск, здесь также проживала примерно десятая часть довоенного населения провинции. Летом 1945 г. в Кёнигсберг и другие населенные пункты начали прибывать (чаще в командировку) советские жители из различных регионов страны. Были и репатрианты, советские граждане, возвращавшиеся из плена или вывезенные в Германию на принудительные работы.

Еще в ходе боев в Восточной Пруссии в 1945 г., по мере того, как войска 3-го Белорусского фронта занимали немецкую территорию, перед советским военным командованием встала задача обеспечения продовольствием немецкого населения. Некоторое время немцы могли «продержаться» за счет собственных запасов продуктов питания². Ситуация изменилась после окончания войны. В разрушенном войной регионе в середине лета 1945 г. оказалось порядка 140 тыс. немецкого населения и примерно столько же военнослужащих 3-го Белорусского фронта.

Властные полномочия в регионе были сосредоточены у командования войсками фронта, а затем округа. Еще в апреле 1945 г. перед хозяйственными органами тыла 3-го Белорусского фронта, военными комендатурами была поставлена задача по поиску, оценке качества и количества и сохранению продовольствия, оказавшегося на оккупированной территории после окончания боевых действий. Учитывалось то обстоятельство, что в крупных городах бывшей немецкой провинции, где располагались гарнизоны вермахта, имелись воинские склады и базы хранения продовольствия,

---

Кретинин Геннадий Викторович — доктор исторических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград.

которое не было израсходовано полностью или эвакуировано при отступлении немецких войск. Значительная часть его досталась советским войскам. Военное командование Красной Армии принимало меры по упорядочиванию положения дел с захваченным трофейным имуществом.

Выявленные запасы продовольствия оказались в ведении военных комендатур, которые не всегда содержали и расходовали его должным образом. Деятельность комендатур по выявлению истинного положения дел с запасами продовольствия растянулась на несколько месяцев в связи с постоянной текучкой кадров — должностные лица комендатур долго на одном месте службы не задерживались. Наблюдалась и халатность, элементарное нарушение воинской и должностной дисциплины вплоть до преступлений, связанных с воровством, подлогом, приписками, сокрытием истинных объемов собираемых продовольственных запасов.

В частности, внутренняя проверка деятельности комендатур была осуществлена в Кёнигсберге через две недели после его штурма. В приказе военного коменданта города отмечалось, что количество продовольствия, «принятого на учет районными военными комендатурами в первые дни после взятия Кёнигсберга, не соответствует действительности. Это создает условия для расхищения и разбазаривания продуктов». Приказывалось произвести переучет трофейного продовольствия³.

Затем в Кёнигсберге в период с 27 апреля по 11 мая 1945 г. работала группа контролеров Народного комиссариата государственного контроля СССР по 3-му Белорусскому фронту, осуществившая «проверку правильности сбережения, расходования и учета трофейного имущества в военных комендатурах Кёнигсбергского гарнизона»⁴.

Комиссия констатировала, что прием продовольствия и имущества от трофейных органов и войсковых частей должностными лицами военных комендатур не был организован в части его учета. Приводились данные о приеме имущества без взвешивания, просчета, в мешках, в чанах, бочках и иной таре, которое впоследствии не инвентаризировалось и не полностью приходовалось. Речь шла о сотнях тонн продовольствия. В частности, на 28 апреля в 7-й комендатуре Кёнигсбергского гарнизона не было оприходовано 242 т ржаной муки, 25 т ржи, 10 т ячменя, 3400 кг разной крупы; в 4-й комендатуре — 110 т картофеля, более 5 т ржаной муки, 1 т растительных консервов, более 82 тыс. л спирта-ректификата. Не лучше складывалась ситуация и в других комендатурах⁵.

Всего проверкой только в Кёнигсберге было выявлено 427,6 т неучтенного продовольствия, 87 100 литров спирта, 43 900 литров пива⁶.

Несвоевременный и неполный учет продовольствия создавал возможности для его незаконного расходования. Продовольствие отпускалось без указаний соответствующих органов фронта, без нарядов, по внутренним накладным и запискам работников комендатур. Отмечался и отпуск без документов, самовольный захват продуктов, воровство.

Не лучше складывалась ситуация и в других городах и районах региона. В конечном итоге, тыловым органам 3-го Белорусского фронта, а затем и Особого военного округа так и не удалось установить количество продовольствия, доставшегося советским войскам после окончания войны в Восточной Пруссии в качестве трофеев. Соответственно, не был организован и надлежащий расход продуктов питания. Это обстоятельство сказалось уже через несколько месяцев, когда в регионе обнаружился острый недостаток продовольствия, поставивший население и личный состав соединений и частей Особого военного округа на грань голода.

Экономика СССР в то время работала с чрезмерным напряжением сил: война еще не завершилась, предстояли боевые действия на Дальнем Востоке, необходимо было срочно восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство западных регионов страны. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что экономика была плановой, а в середине хозяйственного года надо было принять на «довольствие» целый регион, к тому же, находившийся в апокалипсическом состоянии. Это было весьма проблематично.

В результате, в середине лета 1945 г. войска Особого военного округа стали испытывать большой дефицит продовольствия. Обеспеченность мясопродуктами со-

кратилась, овощи заменялись ржаной мукой, в пищу солдатам шел почерневший старый картофель. Недостаток продовольствия остро ощущали советские люди, прибывавшие в город для восстановления народного хозяйства. Еще тяжелее приходилось местному населению.

По сообщению военного коменданта Кёнигсберга генерал-майора Смирнова, на 1 июня 1945 г. в городе насчитывалось 60 тыс. человек, для питания которых имелось запасов: муки ржаной и ржи в переводе на муку — 25 т, крупы разной — 47 сутодач, жиров — 17 сутодач, соли — 18,5 сутодач, картофеля и овощей — 7 сутодач. В то же время, для обеспечения городского населения до нового урожая потребность в продовольствии составляла: муки ржаной — 750 т, крупы разной — 23 т, растительных жиров 14 т, соли — 110 тонн ⁷.

Просьбу военного коменданта командованию фронта полностью удовлетворить не удалось, и, по оценке специалистов, 1945 г. оказался самым голодным из первых послевоенных лет в регионе ⁸.

Следует отметить, что командование советскими войсками все же пыталось предвидеть сложности с продовольственным обеспечением войск и немецкого населения после окончания войны. В связи с этим, еще в марте 1945 г. в войсках начали создаваться подсобные хозяйства, в которых с наступлением теплого времени должны были пройти посевные работы. Затем подсобные хозяйства стали создаваться и на предприятиях народного хозяйства, организованных на территории военного округа. Военные комендатуры также планировали посевную кампанию, но с использованием труда немецкого населения. Произведенная сельскохозяйственная продукция должна была прокормить гражданское население, независимо от национальности, а оставшуюся часть планировалось передать в тыловые органы округа ⁹.

В то же время на территории военного округа появились первые совхозы. Министерство мясомолочной промышленности СССР образовало здесь Кёнигсбергский трест по производству мясной и молочной продукции (ММП), в составе которого уже в 1945 г. функционировало 12 совхозов, еще 8 совхозов появилось в 1946 году. Эти совхозы были животноводческого профиля. В 1945 г. они получили около 4,5 тыс. коров остфризской породы из трофейного фонда, гурты которого перегонялись из районов Германии в СССР ¹⁰. Совхозам были выделены соответствующие сельхозугодия (пашня, сенокосы и выгоны), однако техническое оснащение хозяйств оставалось желать лучшего. Сказывалось отсутствие взаимодействия между двумя ведомствами. Военному принадлежали и властные полномочия, и материальная база. Гражданское до 1947 г. сельскохозяйственной техники и оборудования практически не получало.

Наиболее успешно весенний сев провели подсобные хозяйства войсковых соединений 3-го Белорусского фронта. Они перевыполнили плановые задание примерно на 30 %. Сложнее обстояли дела у военных комендатур. Немецкое население весьма неохотно выполняло сельскохозяйственные работы, в связи с чем плановые показатели по севу зерновых составили всего 72 %, а овощей и того меньше — 14 %.

В июне 1945 г. продовольственная группа военной комендатуры Кёнигсберга произвела расчет потребности продовольствия на 1945—1946 сельскохозяйственный год из расчета предполагаемой стотысячной численности населения города. Потребность составила 9 тыс. т зерна, 20 тыс. т картофеля, 5,2 тыс. т овощей, 954 т крупы, 800 т рыбы (всего 15 наименований) ¹¹.

В ходе послевоенной реорганизация Вооруженных Сил страны на территории Польши была образована Северная группа войск, в состав которой была передана часть войск 3-го Белорусского фронта. В соответствии с решением командования значительная часть посевов также была передана новой военной организации. Из 20 675 га, засеянных военными комендатурами на территории, подведомственной фронту, в Особом военном округе осталось всего 4235 га, в том числе зерновых — 2830 га, картофеля — 1331 га, овощей — 70 га ¹². Затем, в ведение военных комендатур были переданы посевы подсобных хозяйств воинских частей и соединений, убывших из округа вглубь страны. Всего осенью 1945 г. военные комендатуры смогли убрать урожай зерновых с 17 478,5 га засеянных земель. Обмолот хлеба составил 15,5 тыс. т зерна. Такой урожай в принципе превышал плановую потребность в зерне. В то же

время следует учитывать то обстоятельство, что собранное зерно расходовалось не только на питание населения, но и на посев озимых, на фураж. Необходимо было сохранить запасы зерна для весеннего сева. Кроме того, решением союзного правительства в апреле 1946 г. была выполнена просьба руководства Литвы об отправке из Кёнигсберга в Вильнюс 6 тыс. т зерна¹³. Естественно, после этого недостаток продовольствия в только что образованной Кёнигсбергской области Российской Федерации проявился особенно остро.

Сколько зерна было собрано подсобными хозяйствами воинских соединений и частей, установить не удалось. Можно только предположить, что самообеспеченность воинских частей сельскохозяйственными продуктами сыграла по мере возможности позитивную роль в решении общей проблемы продовольственного обеспечения всего региона.

Одновременно с уборкой урожая была развернута кампания по озимому севу зерновых. Приказом по войскам Особого военного округа № 0177 от 17 сентября 1945 г. планировалось в этом году засеять озимых 100 тыс. га, в том числе силами военных комендатур — 20 тыс. га¹⁴.

План посева озимых выполнить в 1945 г. не удалось. Сев был проведен некачественно, в поздние сроки, в результате чего значительная часть посевов погибла, а то, что взошло, хорошего урожая не обещало (всего комендатурами и подсобными хозяйствами воинских частей и предприятий было засеяно 55 тыс. га ржи, больше половины погибло, с сохранившихся посевов предполагалось собрать 4—5 ц с гектара)¹⁵.

Получив опыт организации сельскохозяйственного производства в 1945 г., военное командование округа предприняло ряд мер по подготовке к следующему сельскохозяйственному году.

Прежде всего была произведена оценка количества и состояния сельхозугодий. До войны здесь находилось 1161,5 тыс. гектаров, 50% которых составляли пахотные земли. Одновременно была упорядочена организационная структура сельскохозяйственных организаций. Подсобные хозяйства воинских частей и соединений сохранились, а на базе военных комендатур были организованы 30 военных совхозов¹⁶. Имеющиеся земельные угодья были распределены между военными совхозами, совхозами министерства ММП и подсобными хозяйствами воинских частей и предприятий других ведомств.

Основная площадь досталась военным совхозам — 157 тыс. га пашни, 64 тыс. га сенокосов и выгонов и около 100 тыс. га других земель. Естественно, что остальные организации получили земли меньше, хотя подсобные хозяйства гражданских предприятий по площади земельных угодий были сопоставимы с некоторыми военными совхозами. Например, подсобные хозяйства Тильзитского ЦБК имели 14,8 тыс. га пашни, Рагнитского ЦБК — 10 тыс. га, Пилькалленского мясомолсовхоза — 12,7 тыс., а Рагнитский военный совхоз — 14,15 тыс., Пилькалленский военный совхоз — 12,4 тыс., Шталлупененский военный совхоз — 9 тыс., Тапикусский — 7,55 тыс. га¹⁷.

Специалисты считали, что урожай 1946 г. в военных совхозах должен будет покрыть потребность войск и местного населения, численность которого возрастала: по картофелю и овощам на 70—80 %, по зерновым культурам — на 30—33 %. Всего планировалось собрать в 1946—1947 сельскохозяйственном году около 33 тыс. т зерна, 60 тыс. т картофеля, 30 тыс. т капусты, 12,25 тыс. т прочих овощей¹⁸.

Прогноза по работе других предприятий не имеется, но ожидалось, что их деятельность должна была послужить хорошим подспорьем в деле обеспечения продовольствием военного и гражданского населения. Впрочем, ожидания оказались явно завышенными, в отношении как этих предприятий, так и военных совхозов.

Дело в том, что получив большие площади угодий, совхозы и подсобные хозяйства очень плохо осваивали закрепленные за ними пашни. Военные совхозы и подсобные хозяйства воинских частей к лету 1946 г. имели всего 46 тыс. га посевов, совхозы мясомолпрома — 4,2 тыс. га (5 таких совхозов совсем не имели посевов), подсобные хозяйства предприятий и учреждений — 12, 7 тыс. га. Подсобные хозяйства предприятий целлюлозно-бумажной промышленности, имея 31,2 тыс. га пашни, засеяли всего 2635 га¹⁹.

Советские специалисты зарождающейся аграрной отрасли региона уже в первые годы пребывания на этой земле понимали, что земледелие здесь базировалось на широком применении травосеяния и внесении удобрений, особенно органических. Из этого следовал простой вывод о том, что земледелие было тесно связано с животноводством. Между тем, животноводство представляло собой наиболее подорванную отрасль народного хозяйства. Через год после войны во всех совхозах и подсобных хозяйствах области имелось крупного рогатого скота — 17,368 тыс. голов или 3,1 % к имевшемуся поголовью скота в этих же районах в 1943 г., свиней — 4,3 тыс. или 0,9 %, овец — 2,528 тыс. или 2 %, лошадей — 11,85 тыс. или 6 %. Совершенно отсутствовала птица²⁰.

Обращало на себя внимание неравномерное распределение по военным совхозам крупного рогатого скота: 6 совхозов имели более 300 коров, 9 совхозов — более 200, примерно половина совхозов владела стадом более 100 коров, но имелись совхозы с численностью 17, 18, 20, 30 коров²¹.

Более того, содержание имевшегося стада породного крупного рогатого скота (остфризская порода) было неудовлетворительным. Только в специализированных совхозах мясомолпрома за 5,5 месяцев 1946 г. падеж коров составил 166 голов, 325 пошло под нож, что составило 10 % к общему поголовью. Похожая картина наблюдалась и в военных совхозах. Стадо крупного рогатого скота укомплектовывалось в соответствии с решением Совмина СССР от 13 марта 1946 года. В соответствии с ним в Кёнигсбергскую область должны были вывезти из Северной группы войск и передать совхозам 16 300 голов крупного рогатого скота. Однако на 25 июня совхозам было передано только 9 тыс. голов²².

Недостаток продовольствия в 1945 г. заставил военное командование обратить внимание на положение на территории Особого военного округа. Из фондов Министерства обороны начали поступать зерно (на посев и для питания), другие виды продовольствия. В преддверие весеннего сева решением начальника тыла Красной Армии в округ поступило 18 тыс. т картофеля, из них для посева предназначалось 12 тыс. т, 2 тыс. т овса, 300 т ячменя, 60 т гороха, а также семенной материал капусты, моркови, огурцов, помидоров, редиса, салата, укропа и т.д. Учитывая, что значительную часть тягловой силы в посевной кампании составляли лошади, за счет тыла Красной армии было выделено 4,6 тыс. т зернофуража. С баз Наркомата обороны военным совхозам было передано 300 трофейных тракторов и 300 автомашин, 1,4 т горючего, 5 тыс. т минеральных удобрений. До 1 сентября 1946 г. для снабжения рабочих военных совхозов и подсобных хозяйств ежемесячно выделялось 15 тыс. продовольственных пайков²³.

Результаты посевной, а затем и уборочной кампаний оказались противоречивыми. С одной стороны, подтвердился прогноз по оценке урожайности зерновых культур. При посеве на площади в 46 тыс. га удалось собрать 24 тыс. т зерна, что составило всего 5 центнеров зерна с гектара. Этого было явно недостаточно для обеспечения жизнедеятельности региона и требовало соответствующей помощи Центра. С другой стороны, органам военного управления в короткие сроки удалось создать систему сельскохозяйственного производства, которая не только получила практический опыт организации производства, но и стала основой советского агропромышленного хозяйства в Калининградской области. С августа-сентября 1946 г. начался активный процесс заселения области, преимущественно населением из сельскохозяйственных районов центральных областей России и из Белоруссии. Стали образовываться колхозы, которым предстояло постепенно заменить крупные армейские подсобные хозяйства и военные совхозы. В июле 1947 г. военные совхозы прекратили свое существование. Сельское хозяйство Калининградской области приступило к самостоятельной деятельности по обеспечению населения продовольствием.

Примечания

1. Запись четвертого заседания глав правительств, 1 февраля 1943 г. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. II.

- М. 1984, с. 150; Сообщение о Берлинской конференции трех держав. 2 августа 1945 г. Там же. Т. 6. М. 1980, с. 491—492.
2. Письмо Гумбинненского военного коменданта Чудакова начальнику отдела по руководству комендатурами Лобанову, 1.03.1945. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). ф. Управление военной комендатуры Гумбинненского района Кёнигсбергской области (бывшей Восточной Пруссии), оп. 382660, д. 2, т. 1. Указания, директивы по организации работ военных комендатур, л. 20.
  3. Приказ военного коменданта г. Кёнигсберга № 1 от 26 апреля 1945 г. «О переучете трофейного продовольственного фуража и мешкотары». Государственный архив Калининградской области (ГАКО), ф. 330. Временное управление по гражданским делам при военной комендатуре города и крепости Кёнигсберг, оп. 1, д. 2, л. 2.
  4. Акт комиссии НКГК СССР по 3-му Белорусскому фронту от 12 мая 1945 г. Там же, оп. 2, д. 2, л. 1—6.
  5. Там же, л. 1—2.
  6. Там же, д. 4, л. 4.
  7. Донесение военного коменданта города и крепости Кёнигсберг Военному совету 3-го Белорусского фронта, июнь 1945 г. ГАКО, ф. 330, оп. 1, д. 7, л. 6.
  8. См.: Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград. 2006, с. 458.
  9. Там же, с. 450.
  10. История сельского хозяйства Калининградской области. Калининград. 2006, с. 11.
  11. Расчет потребности фуража для питания населения гор. Кёнигсберг на 1945—1946 сельскохозяйственный год. ГАКО, ф. 330, оп. 1, д. 7, л. 11.
  12. Постановление Военного Совета 3-го Белорусского фронта № 043 от 5 июля 1945 г. «О посевах яровых культур в 1945 г.». ЦАМО, ф. 241 Оперативное управление штаба 3-го Белорусского фронта, оп. 2593, д. 700. Директивы, приказания, распоряжения штаба фронта..., л. 222.
  13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 121, д. 499, л. 239.
  14. Краткая справка по экономике территории Особого военного округа на сентябрь 1945 г. ЦАМО, ф. 139, оп. 383741/ц., д. 1, л. 6.
  15. Докладная записка по вопросам управления и хозяйственного освоения Калининградской области, 9.7.1946 г. РГАСПИ, ф. 17 ЦК КПСС, Общий отдел, оп. 122. Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП (б), 1939—1946 г., д. 142. Докладные записки организационно-инструкторского отдела и справки по вопросам управления и хозяйственного освоения Калининградской области, л. 6.
  16. Постановление Военного Совета Особого военного округа «Об организации 30-ти военных совхозов типа подсобных хозяйств», 29.1.1946 г. ГАКО, ф. 332, оп. 1, д. 1, л. 16—19.
  17. Докладная записка по вопросам управления и хозяйственного освоения Калининградской области, л. 6, 7.
  18. Подсчитано по: Постановление Военного Совета Особого военного округа, л. 16.
  19. Докладная записка по вопросам управления и хозяйственного освоения Калининградской области, л. 7.
  20. Там же, л. 9.
  21. Агроэкономические показатели военных совхозов 11-й гвардейской армии (по состоянию на 12 июня 1946 г.). РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 450. Записки с проектами указов и постановлений о неотложных мерах помощи Калининградской области, л. 270—271.
  22. Докладная записка по вопросам управления и хозяйственного освоения Калининградской области, л. 9.
  23. Постановление Военного Совета от 29.1.1946 г., л. 17—19.

Земская интеллигенция в Самарской губернии в 1917—1918 гг.

Е.И. Моргунова

После Февральской революции Временное правительство отводило земским учреждениям важную роль в системе органов государственной власти и возлагало на них большие надежды. Тем не менее, земство не могло упрочить свои позиции, в первую очередь, из-за своего сословного характера. Под воздействием все нараставшей волны революционного движения после свержения монархии на очередь дня был поставлен вопрос о демократизации земства. 27 марта 1917 г. в Самарской губернской управе под председательством А.К. Клафтона состоялось первое заседание комиссии по реорганизации губернского земства. Предлагалось данный вопрос обсудить через уездные земские собрания, чтобы в мае могло состояться заседание реформированного земского губернского собрания¹. В ходе более демократических выборов изменился социальный и партийный состав гласных земских учреждений. На первый план вышел второй эшелон земских работников, сформировавшийся до Февральской революции. Это — буржуазная интеллигенция, которая стала определяющим фактором в земской деятельности. Земскую интеллигенцию составляли такие профессиональные группы, как учительство, медицинские работники, статистики, агрономы. Среди них особенно выделялись две первые группы, как по численному составу, так и по своей активности и организованности. Представители выше перечисленных групп стали действовать в двух направлениях — развитие культуры и народного образования в Самарской губернии и реорганизация органов местного самоуправления.

В апреле-мае 1917 г. развернулся процесс демократизации органов местного самоуправления. Повсеместно он начался, прежде всего, с замены состава прежних земских управ и гласных земских собраний новыми лицами, избранными более широким кругом населения. Только в некоторых земствах к составу прежних сословных гласных были доизбраны представители демократического населения. О том, как решался вопрос о реорганизации Самарского губернского земства свидетельствует протокол губернского заседания 8 апреля 1917 года. На нем присутствовали 27 человек — 8 представителей от Союза земских служащих, 5 — от губернской управы, 2 — от Совета рабочих депутатов, 2 представителя от Совета военных депутатов, остальные — от уездов: Самарского, Бугульминского, Бузулукского, Николаевского и Новоузенского. Предлагалось создать новый временный орган земского самоуправления на демократических началах. Большинство присутствующих на заседании бесспорно придерживались той точки зрения, что «необходимо провести реформу снизу, не дожидаясь, когда ее проведут сверху»². Разногласия между участниками

Моргунова Елена Ивановна — преподаватель истории Самарского техникума промышленных технологий.

возникли при обсуждении вопроса о включении в новое губернское собрание гласных от Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов и исключении предводителей дворянства и председателя управы (Инькова К.П.), гласных от казны, удела и духовенства. Представители от губернской управы, не возражая против исключения предводителей дворянства, не согласились исключить представителей от казны, удела и духовенства, отметив при этом, что представители крупной земельной собственности всегда были полезными работниками в земских собраниях. Было решено допустить в новое губернское земское собрание гласных от Совета рабочих депутатов, от Совета военных, «третьего элемента» и общественных организаций. Представительство от Совета крестьянских депутатов было отклонено.

Союз земских служащих образовал из своего состава особую комиссию, которая создала совещание по реорганизации губернского земского собрания. Совещание состояло из делегатов от Совета рабочих депутатов (А.И. Кабцан и Ф.И. Венцек); от Военных депутатов (С.А. Брушменский, В.И. Шимлин); от губернской управы (П.С. Лавров, С.В. Смирнов, П.Д. Брандт, И.К. Рычков, Н.В. Осаргин). В совещании участвовали и по 3 представителя от каждого уезда. Ядро совещания составили делегаты от Союза земских служащих, которые представляли земскую интеллигенцию (Г.И. Баскин, А.К. Клафтон, И.К. Братников, С.М. Пушкарев, Т.Т. Барабашчиков, И.Г. Любецкий). Им принадлежала инициатива замены сословного земства земством на демократических началах³. Они видели свою задачу в том, чтобы передать все земское дело в руки демократических земств, которые будут избраны на основе всеобщего, прямого, равного, и тайного голосования. Совещание собиралось несколько раз и занималось преобразованием губернского земского собрания, поскольку уездные земства уже сменили свой состав, став почти чисто крестьянскими через представителей от волостных комитетов. Как изменился состав гласных уездных земских собраний, можно судить по новому составу Самарского уездного земства.

Старый состав земского собрания был пополнен новыми гласными: по 1—2 представителя от организаций земских служащих, от медицинских работников, учительства, агрономов и служащих управы. Таким образом, в Самарское земское уездное собрание, проходившее 24 мая 1917 г., были избраны новые гласные — старший специалист по сельскохозяйственной части В.П. Арапов; от Самарского уездного учительского союза — Н.А. Рожков; от правления Союза агрономов Самарского уездного земства — агроном К.Н. Муханов; от Союза медицинских фельдшеров — С.А. Никитин; от врачей — А.Я. Быстров, от Союза служащих Самарской уездной управы — П.К. Еремеев; представители от города — Е.А. Кавецкий, А.В. Бородин; от Средне-Волжского товарищества кооперативов по посредничеству — М.Ф. Кочаков⁴.

В обновленном составе Самарской уездной управы значительное число мест заняли представители интеллигенции. Среди них — председатель уездной управы С.Н. Новиков (учитель), члены: М.Ф. Кухранов (учитель), А.П. Дмитриевский (врач), Н.А. Рожков (учитель), Л.И. Голадковский (преподаватель Кинельского сельскохозяйственного училища). Остальные места в уездной управе заняли 7 представителей от крестьянства и 4 чиновника⁵.

В мае — июне 1917 г. изменился социальный состав губернской земской управы и гласных губернского земского собрания. В Самаре губернские гласные были избраны лишь от нецензового населения: 2 — от Союза земских служащих, 2 — от Совета рабочих депутатов, 2 — от Совета военных депутатов, 2 — от Совета общественных организаций. В новом составе губернского земского собрания наряду с представителями интеллигенции преобладающим элементом стали крестьяне. При этом отметим, что среди выборных представителей от крестьянства большинство составляла деревенская интеллигенция — учителя, врачи, кооператоры⁶.

В ходе выборов социальный состав гласных уездных и губернского собраний и управ существенно изменился. Определяющее место в исполнительно-законодательных органах земств заняла интеллигенция. Самарская интеллигенция взяла на себя инициативную роль в дальнейшей демократизации органов местного самоуправления и, прежде всего, в решении вопросов народного образования. Перед губернским земством встала сложная задача по переустройству местной хозяйственной жизни на демократических началах и, прежде всего, создания волостных земств как органов

местного самоуправления. По закону, изданному 21 мая 1917 г. Временным революционным правительством, управление местными волостными делами (сельскими местными хозяйственными делами) должно было перейти в руки крестьян. Волостных гласных могли выбирать мужчины и женщины данной волости старше 20 лет. Избранные волостные гласные избирали Волостную земскую управу. Сами же они, когда собирались, образовывали волостное земское собрание. Именно так должны были создаваться волостные земства в губернии. Волостные гласные, собираясь 1—2 раза в месяц, получили право утверждать сметы доходов и расходов, принимать решения по всем вопросам земского хозяйства. Выполнять эти решения поручалось волостной управе, которая была обязана предъявлять отчет земскому волостному собранию.

Необходимо отметить, что еще в 1878 г. в Самарском губернском земстве интеллигенция говорила о необходимости создания волостного земства, а по почину Новоузенского земского собрания предлагалось передать в его ведение вопрос о выкупе земством земель частных владельцев и о справедливом их распределении среди населения⁷. Таким образом, идея самоуправления вынашивалась в среде Самарской земской интеллигенции задолго до Февральской революции. Но только после устранения самодержавия появился реальный шанс воплотить ее в жизнь. С введением в общеземскую структуру волостных земств связывались надежды на улучшение организации земского хозяйства, включая все его отраслевые отделы — народного образования, здравоохранения, сельского хозяйства. В функции волостных земств должны были быть переданы забота о здоровье местного населения (строительство больниц, приглашение врачей); обеспечение работы народных домов, сельских школ и библиотек; агрономическая помощь (приглашение на службу агрономов, устройство опытных полей, приобретение за общественный счет сельскохозяйственных машин, семян, рабочего скота); забота о мостах, дорогах, реках, принятие противопожарных мер.

Волостное земство должно было ведать и делом общественного призрения — заботиться о стариках, сиротах, бездомных, используя в этих целях выделенные государством средства. Намечалось создание института волостных инструкторов, при помощи которых могла бы наладиться непосредственная связь губернского земства с волостными.

Самарской губернской земской управой на основании постановления чрезвычайного земского собрания, проходившего 7 июня 1917 г., были открыты губернские краткосрочные курсы по подготовке лекторов-инструкторов в целях политического просвещения населения. На курсы поступали крестьяне, командированные волостными комитетами народной власти, а также направленные уездными земствами, культурно-просветительными организациями и различными обществами. Лекторы-инструкторы, среди которых было немало земских учителей и библиотекарей, в своих районах проводили организаторскую работу, в особенности по введению волостного земства, по подготовке выборов в Учредительное собрание, а также принимали активное участие в работе культурно-просветительных комиссий.

Процесс реорганизации земского хозяйства был непосредственно связан и с развитием профессионально-технического образования. Этот вопрос был вынесен на обсуждение Самарской губернской управой на чрезвычайной сессии губернского земского собрания 7 июня 1917 года. Губернское земство предусматривало открытие в уездах всевозможных учебных мастерских применительно к местным потребностям в течение 10 лет с пособием от министерств народного просвещения, земледелия, торговли и промышленности. Губернское земство для этих целей субсидировало Кинельское сельскохозяйственное училище и 3 низших сельскохозяйственных училища — Погроминское, Ивановское и Красно-Поселенское. По инициативе членов губернской земской управы М.П. Благодатного, А.Ф. Валяева, И.А. Болтунова, А.М. Фаворского, В.В. Губарькова было возбуждено ходатайство перед Министерством торговли и промышленности об открытии четырех крупных сельскохозяйственных учебно-ремесленных мастерских в Николаевском, Бузулукском и Ставропольских уездах. Необходимо отметить, что в 1914 г. губернским земством было открыто 14 учебных ремесленных заведений — 1 переплетное, 2 столярных и 11 мастерских по ремонту сельскохозяйственных машин.

Приход большевиков к власти в Самаре помешал процессу реорганизации органов местного самоуправления. В первую очередь были подвергнуты уничтожению вновь народившиеся волостные земства, тот самый фундамент, на котором должно было быть построено новое земское здание, без которого прежние уездные земства не имели под собой твердой почвы⁸. Затем стали поступать сведения о ликвидации уездных земств. Все земское хозяйство и его культурные учреждения были разбросаны по отдельным комиссариатам, перепутаны все кредиты, уничтожен аппарат взывания земских сборов. 20 января 1918 г. делегация Исполнительного комитета при Совете рабочих и крестьянских депутатов предъявила губернской управе требование о передаче всех функций губернского земства в ведение Исполнительного комитета. Управа заявила, что как правомочный орган, избранный Чрезвычайной сессией революционного земского собрания, свои полномочия исполкому не передаст. Однако, не располагая вооруженными силами, губернское земство вынуждено было сложить полномочия и оказывать новой власти только пассивное сопротивление. Земский орган был на время распущен.

Отношение Самарского губернского земства к Октябрьским событиям было резко отрицательным. Оно надеялось отстоять свои на время утраченные позиции. Об этом свидетельствует переписка с центром⁹, тамбовской городской Думой¹⁰, со Ставропольским губернским земством¹¹.

В ночь с 8 на 9 июня 1918 г. под натиском корпуса чехословаков большевистская власть в Самаре пала. Ей на смену пришла новая власть в лице Комитета членов Учредительного собрания, считавшая одной из первых задач восстановление органов местного самоуправления. В одном из постановлений КОМУЧа говорилось: «Единственным правомочным органом хозяйственно-административного характера, обладающим бюджетным правом, являются земские учреждения, избранные всем населением на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, и, следовательно, должны преследовать задачу удовлетворения нужд населения независимо от его партийной группировки»¹².

В некоторых уездах представители интеллигенции начали организационную работу по восстановлению земских учреждений. Так в Бугурусланском уезде с 30 июня по 2 июля 1918 г. прошло чрезвычайное Демократическое собрание, на котором присутствовали земские работники — члены уездной земской управы, гласные уездного земского собрания последнего состава, в основном интеллигенция — Согалаев, Сергиевский, Миллер, Чариков, Гуторов и др. Здесь бурно обсуждался один из главных вопросов: как можно скорее восстановить деятельность волостных земств и подготовить их к совместной работе с уездным земством. В центре внимания присутствующих на Демократическом собрании были также вопросы о финансовом положении земства (изыскание местных средств для развития земской деятельности) и о текущем политическом моменте. Собрание решительно осудило Брестский мир, действия большевиков в экономике, хозяйстве и управлении Россией.

Было заявлено, что «опыты большевиков толкнули Россию в бездну разрухи и гражданской войны..., парализовали и убили действительный народный голос, сделав свободных граждан крепостными большевистской власти»¹³. Бугурусланское земское собрание, признавая и поддерживая народовластие в лице Учредительного собрания, вынесло решение о том, что земство должно напрячь все силы для проведения в жизнь следующих положений: ликвидация большевистской диктатуры, восстановление городских органов самоуправления, земств и привлечение к работе в них полезных сил, независимо от партийной принадлежности; создание мощной народной армии для решения задач внутренней и внешней политики, признавая объявленную КОМУЧем мобилизацию; восстановление всех гражданских свобод (совести, слова, союзов, стачек, неприкосновенности личности); сохранение Совета крестьянских депутатов, как органа политического и экономического сплочения крестьянства, стоящего вне власти; восстановление деятельности торгово-промышленных аппаратов в возможно полном объеме, при условии государственно-общественного контроля; правильное функционирование банков и поднятие стоимости рубля. По инициативе местной интеллигенции, 17 июня 1918 г. уездное земское собрание прошло и в Самарском уезде. Оно выдвинуло лозунг: Да здравствует Учредительное собрание! Да

здравствует первое демократическое Самарское уездное земское собрание! Да здравствует вновь возрождаемая республиканская армия!¹⁴ Решения Самарского уездного земского собрания были созвучны с решениями Бугурусланского собрания по основным экономическим и политическим вопросам. Однако значительная часть территории Самарской губернии летом 1918 г. осталась под властью большевиков. Не функционировали такие важные земства, как Новоузенское и Николаевское. Поэтому не было возможности созывать губернское земское собрание. Функции по восстановлению и дальнейшему преобразованию земского хозяйства взяла на себя губернская управа, в которую входила в основном земская буржуазная интеллигенция последнего состава.

Для обсуждения неотложных нужд земств, для координации действий с уездными земствами 15, 16 августа и 5, 19 сентября 1913 г. прошли совещания Большой Коллегии губернской управы с представителями уездных управ¹⁵.

Анализ процесса демократизации, проходившего в Самарских земских учреждениях после Февральской революции, позволяет говорить о том, что в организационной работе и различных мероприятиях по реорганизации органов местного самоуправления непосредственное участие принимала земская интеллигенция. Это, прежде всего, та ее часть, которая вошла в состав обновленных земских управ и земских собраний. Необходимо отметить, что роль инициатора в деле реорганизации земств на демократических началах принадлежала Союзу земских служащих Самарской губернии.

Это был профессионально-политический союз, образованный 15 марта 1917 г. на заседании земских служащих в губернской земской управе. Общественная деятельность Союза была связана с его политической ориентацией. Союз земских служащих Самарской губернии своей очередной задачей признал пропаганду идей демократической республики. Он выступал за обеспечение демократических свобод и созыв Учредительного собрания. С этой целью при нем был образован ряд секций: редакционная, юридическая, экономическая, лекционная.

После февраля 1917 г. созидательная работа Самарского земства была связана не только с проблемой реорганизации органов местного самоуправления, но и с проведением мероприятий по развитию культурной жизни и народного образования в губернии. Еще в 1914 г., в память 50-го юбилея земских учреждений, в уездах Самарской губернии начали открывать различные виды культурно-просветительных учреждений. Среди них — 35 библиотек-читален, 35 пунктов народных чтений, 35 воскресных школ¹⁶. В новой политической ситуации, когда у руля земского самоуправления встала интеллигенция и представители демократических слоев населения, появилась реальная возможность для проведения просветительной работы. Земству предстояло пересмотреть сметы, найти средства для открытия и содержания культурно-просветительных учреждений, поднятия уровня культуры в деревне. На 52-ом очередном губернском собрании, состоявшемся 8 февраля 1917 г., был рассмотрен план и проект организации постоянных учреждений внешкольного образования в Самарской губернии. Он был одобрен и принят пятью уездными земствами. С принятием этого проекта деятельность уездных и губернских земств в области внешкольного образования должна была утратить элемент случайности и стать планомерной. Пособия на внешкольное образование в губернии от Министерства народного образования, носившие характер разовых ассигнований, намечалось заменить ежегодными отчислениями в определенном размере.

В целях поднятия культурного уровня населения и ознакомления его с событиями, происходящими в стране, развернулась активная работа по организации народных чтений в 21 пункте и изб-читален в 613 пунктах. Организатором этих мероприятий являлась интеллигенция из числа гласных уездных и губернского земских собраний. Для этой цели губернской управой специально приглашались лекторы-инструкторы — по одному на каждый уезд. Работа велась под руководством созданной культурно-просветительной комиссии, в которую входили некоторые члены губернского собрания и член губернской земской управы Т.Т. Гребенников.

Чрезвычайное губернское земское собрание, заседавшее 6—14 июня 1917 г. ассигновало на осуществление культурных мероприятий 510 тыс. рублей¹⁷. 13 июля

1917 г. в Самаре под председательством А.Ф. Валяева, члена губернской управы, состоялось заседание культурно-просветительной комиссии по вопросу организации курсов по политическому воспитанию населения губернии. По инициативе Гребенникова (зав. земским отделом народного образования в губернии) в состав лекторов были приглашены ученые и специалисты из научных центров России. Среди них были приват-доцент ГДУ Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, лектор университета им. Шанявского В.А. Боголюбов, специалист по аграрному вопросу Ф.З. Чембулатов, С.Р. Линкин, И.И. Малахов. Из местных сил в лекторы были приглашены представитель Лиги аграрных реформ, инструкторы Средне-Волжского Союза кооперативов и представители местных партийных комитетов ¹⁸.

Не ограничиваясь созданием этих культурно-просветительных учреждений, губернское земство решило организовать сеть народных домов в Самарской губернии. Их постройка была рассчитана на 10 лет. Еще в июне 1916 г. губернская земская управа ставила вопрос о создании сети народных домов, и был принят устав общества «Народный дом». В него вошли, прежде всего, представители земских служащих и общественных организаций и учреждений. Общество должно было содействовать просвещению и развлечению местного населения. Устраивались лекции, чтения с кинематографическими картинками, образовательные экскурсии, спектакли, концертные вечера и другие культурные мероприятия, организовывались драмкружки, оркестры ¹⁹.

В феврале 1917 г. губернская управа обратилась к земскому собранию с просьбой о пособии для строительства народных домов. Особенно активная деятельность в этом направлении велась Бугурусланским, Новоузенским и Ставропольским уездными земскими управами, которые установили связь с местными кооперативами и общественными организациями, предложив им немедленно приступить к отчислению денег на образование фонда для постройки Народного дома и на другие культурно-просветительные цели ²⁰.

В Самарском уезде в селах Екатериновке, Обшаровке и Новых Костычах работали народные дома, открытые Обществом трезвости. Оно представляло собой одно из общественных объединений сельских учителей. В июне 1917 г. губернской управой было возбуждено ходатайство об открытии в Самаре Ветеринарного института, с пособием от губернского земства в 200 тыс. руб. (в течение 3-х лет). Вопрос об открытии ветеринарно-фельдшерской школы решился в 1918 году. Был также разработан проект открытия в Самаре Политехнического института.

Война 1914 г. помешала губернскому земству открыть в городе Педагогический институт по подготовке учителей для средних учебных заведений. Но в июле 1917 г. губернская управа получила от Министерства народного просвещения положительный ответ на запрос по поводу открытия института на средства земства.

По соглашению с Самарским губернским земством было решено организовать в начале 1918—1919 уч. г. физико-математический факультет. Для проведения различных мероприятий по народному образованию земством в июле — августе 1917 г. было создано несколько комиссий. Так, в комиссию по организации педагогического института, избранную 21 августа 1917 г., входила земская интеллигенция из числа гласных губернского собрания и членов губернской управы — В.В. Тейс, В.П. Арапов и Н.А. Рожков. Комиссия по народному образованию, созданная в июне 1918 г. Самарским уездным земством, в большинстве своем состояла из представителей земского учительства и медицины.

16 августа 1917 г. на губернском земском собрании культурно-просветительная комиссия вынесла на обсуждение вопрос об организации управления народным образованием, о немедленном упразднении инспекторов и директоров народных училищ, о передаче кредитов, ассигнованных Министерством народного образования в губернии, в распоряжение местного самоуправления. Училища и церковно-приходские школы были переданы под контроль органов самоуправления. Это было одно из реализованных мероприятий по реформированию школы, намеченных еще Временным правительством. На этом же земском собрании был решен вопрос об открытии в Самаре пединститута. 6 ноября 1917 в институте были начаты занятия. Активную работу по развитию народного образования в Самарском уезде проводила комиссия

под руководством А.П. Поспелова (учителя и гласного уездного Самарского земского собрания). Комиссия организовала в Самаре летние учительские курсы с целью повышения профессионального уровня учителей средних учебных заведений. На курсах обучалось 360 чел. в основном из Самарского уезда. По инициативе комиссии по народному образованию в Самарском уезде было открыто 20 училищ²¹. Кроме того, была проведена организационная работа по созданию культурно-просветительных кружков и обществ, среди которых заметно выделялись кружок любителей сцены под руководством Н.Н. Харькова, Спиридоновский культурно-просветительный кружок под руководством Н.П. Афонина, Чернореченский кружок под руководством П.Г. Могунова и И.Т. Бухарева, Бобровский кружок под руководством И. Лизукова, Красноярское культурно-просветительное общество в селе Русские Липяги Воскресенской волости.

Сызранским хуторским культурно-просветительным кружком руководил член Самарской уездной управы с июля 1918 г. и член комиссии по народному образованию Н.А. Рожков. Из состава некоторых культурно-просветительных кружков позднее отделились музыкальные и драматические секции. Отметим, что руководители кружков и обществ в большинстве случаев были учителями начальных и средних учебных заведений (гимназий). В состав кружков входили учащиеся старших классов гимназий и реальных училищ, земские служащие. Кроме того, в работе кружка любителей сцены под руководством Харькова принимали участие учащиеся народной консерватории и студенты пединститута. В Самарском уезде работало 10 культурно-просветительных кружков.

Важным событием в культурной и научной жизни Самарской губернии было открытие в Самаре земского университета. Вопрос об открытии университета обсуждался на заседании членов губернской земской управы и Совета профессоров Самарского педагогического института под руководством Е.Е. Лазарева, заведующего Ведомством народного просвещения КОМУЧа²². Университет был открыт 1 августа 1918 года. На собрании было единогласно решено «немедленно преобразовать пединститут губернского земства в университет, предоставить новому ВУЗу права открывать у себя по мере возможности факультеты и отделения, вызванные потребностью местной жизни»²³. При участии учительских организаций была учреждена стипендия имени Самарского губернского учительского союза. Новое демократическое земство поставило перед собой задачу улучшения и дальнейшего развития среднего специального образования в губернии. По решению членов Самарской губернской земской управы, Самарская акушерско-фельдшерская школа в июле 1917 г. была преобразована в среднее медицинское (фельдшерское) учебное заведение с 6-летним курсом обучения. В училище принимались лица с 15 лет, окончившие полный курс высших начальных училищ или 4 класса гимназии.

Земская интеллигенция в начале XX в. сыграла большую роль в развитии культуры, народного образования и здравоохранения. Период после февраля 1917 г. стал не только новым, но и кульминационным этапом в ее истории. В результате прошедших в апреле-мае 1917 г. демократических выборов, интеллигенция заняла место в исполнительно-распорядительных органах губернии, что стало определяющим фактором в деятельности земств. Она взяла на себя инициативную роль в реорганизации органов местного самоуправления и развернула деятельность по развитию культуры и народного образования в губернии. Отметим, что общественно-политическая деятельность земской интеллигенции была, главным образом, связана с Союзом земских служащих, образованным в марте 1917 года, который являясь профессионально-политическим союзом, своей очередной задачей признал пропаганду идеи демократической республики.

Исследование истории земской интеллигенции в 1917—1918 гг. вскрывает причины поражения земств, противостоящих Советам, и помогает найти ответы на вопрос — почему земским учреждениям, как демократическим органам местного самоуправления, не удалось удержать власть, полученную на законных правах после Февральской революции?

1. Волжский день. 28.III.1917, с. 3.
2. Государственный архив Самарской области (ГАСО), ф. 5, оп. 9, д. 908, л. 2.
3. Доклад о реорганизации губернского земского собрания на чрезвычайном заседании 6 июня 1917 г. ГАСО, ф. 5, оп. 12, д. 386, л. 12.
4. Переписка о созыве на 24 мая 1917 г. экстренного Самарского уездного собрания. ГАСО, ф. 372, оп. 1, д. 481.
5. О созыве чрезвычайного губернского земского собрания 6 июня 1917 г. ГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 906, л. 1.
6. Волжский день. 6.VI.1917, № 119, с. 1.
7. Доклад Самарской губернской земской управы о задачах и деятельности губернского земства, 1 июня 1917 г. ГАСО, ф. 5, оп. 12, д. 386, л. 13.
8. Журналы присутствия губернской земской управы, август—сентябрь. 1918 г. ГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 1145, л. 7.
9. Из доклада о финансовом положении земства на чрезвычайном Бугурусланском демократическом собрании 30 июня 1918 г. ГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 1145, л. 52.
10. Там же, д. 1105.
11. Там же, д. 1136, л. 235.
12. Из постановлений КОМУЧа уездным земским управам Самарской губернии. ГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 1145.
13. Выписки из журналов чрезвычайного Бугурусланского уездного Демократического собрания 30 июня—2 июля 1918 г. ГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 1145, л. 53.
14. Чрезвычайное Самарское уездное земское собрание 17 июня 1918 г. ГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 1145, л. 56.
15. Там же, л. 45.
16. Доклад губернской земской управы о задачах и деятельности Самарского губернского земства, 7 июня 1917 г. ГАСО, ф. 5, оп. 12, д. 386.
17. Из заявления в Министерство народного просвещения 23 августа 1917 г. ГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 1100, л. 23.
18. Волжский день. 14.VII.1917, № 151, с. 3.
19. Устав общества «Народный Дом». ГАСО, ф. 5, оп. 12, д. 384, л. 37.
20. Журнал губернского земского собрания 52-ой очередной сессии. ГАСО, ф. 5, оп. 12, д. 384, л. 36.
21. Волжский день. 19.VII.1917, № 155, с. 1.
22. Собрание состоялось 27 июля 1918 года.
23. Дело об образовании Самарского университета. 5 августа—5 сентября 1918 года. ГАСО, ф. 3931, оп. 1, д. 50.

Издательская деятельность Казанского губернского статистического комитета во второй половине XIX в.

Ю.Н. Валеева, Р.Р. Юсупов

Деятельность губернских статистических комитетов Российской империи второй половины XIX в. передает «исторический климат» эпохи, является отражением официальной политики государства, знакомит с организацией административной статистики в стране, ее основными корреспондентами. Она содержит немало познавательных сведений, связанных с избранием и назначением лиц, деятельность которых осуществлялась на общественных началах (кроме секретаря). Не менее важно изучение связей с Центральным статистическим комитетом, с органами местного самоуправления, выявление причин и условий, в которых протекала «необязательная», научно-просветительская работа комитетов.

К издательской деятельности губернских статистических комитетов Российской империи современные исследователи обращаются не часто ¹. Во многом это объясняется трудностями поиска трудов, которые были предназначены для местных потребностей и имели небольшой тираж. Осознавая их значимость для российской исторической науки, известный русский ученый, библиограф В.И. Межов (1830—1894) в пореформенный период издал библиографический указатель книг, выпущенных комитетами с начала их учреждения по 1873 год ². Ценность работы Межова заключается в регистрации книг, в продуманной структурированности и раскрытии содержательного наполнения каждого выпуска.

Губернские статистические комитеты в российской провинции до учреждения ученых архивных комиссий и научных обществ в университетских городах являлись единственными научно-просветительскими центрами, объединявшими творческую интеллигенцию, представителей делового мира по изучению прошлого края в широкой ретроспекции. Либеральные реформы 1860—1870-х гг. активизировали составление описаний края, имевших комплексный характер, вызвали появление монографических работ, основанных на разнообразных местных источниках, затрагивавших археологические, этнографические, этнологические вопросы. Они явились проявлением глубокого интереса к истории края и его многонационального народа.

Издательская деятельность Казанского губернского статистического комитета второй половины XIX столетия на фоне бурного университетского книгоиздания являлась не столь впечатляющей. Однако это не снижает научной значимости трудов, изданных действительными членами Комитета, многие из которых получили заслуженное признание, были отмечены наградами императорских столичных обществ. Активизация издательской деятельности, развитие административной статис-

---

Валеева Ю.Н. — соискатель; *Юсупов Р.Р.* — доктор исторических наук, профессор. Казанский государственный университет культуры и искусств.

тики Казанского губернского статистического комитета (КГСК) отмечалось с начала 1860-х годов. Структура Комитета, приоритетные направления деятельности, новые задачи, денежные средства и их источники, права и обязанности членов были определены новым «Положением о губернских и областных статистических комитетах» 1860 года. КГСК, являясь органом государственной статистики, возглавлялся губернатором на правах председателя. В число непререкаемых членов Комитета входили официальные должностные лица: вице-губернатор, управляющий казенной палатой, руководители управлений земельным и государственным имуществом, акцизными сборами, председатели окружных судов, губернских земских управ и проч. Действительные члены избирались из числа лиц местного интеллигентного и научного сообщества. Членство в Комитете считалось престижной и почетной обязанностью, каждому члену выдавался диплом установленной формы. Особое положение в Комитете занимал секретарь, государственный служащий, назначаемый губернатором, с годовым окладом в 750 рублей. В «Табели о рангах...» дореволюционной России он принадлежал к VIII (коллежский ассессор), либо к VII классу (надворный советник). Секретарь, одновременно и член Комитета, инициировал проведение экспедиций по изучению прошлого края, вел делопроизводство, руководил научно-исследовательской работой, редактировал и выпускал труды.

С 1860-х по 1890-е гг. должность секретарей КГСК исполняли Н.Н. Вечеслав, А.П. Орлов, В.Ф. Люстрицкий, оставившие яркий след в его истории. Они инициировали проведение многих научных экспедиций. Являлись авторами-составителями ряда научных трудов, заложили основы научного краеведения, которое было поддержано в последующие годы Обществами археологии, истории и этнографии, естествоиспытателей при императорском Казанском университете.

В 1862 г. в типографии губернского правления был отпечатан первый выпуск «Памятной книжки Казанской губернии на 1861 и 1862 год»³. Первое издание ежегодника, как и последующие, имело некоторые отличия от аналогичных изданий других губерний, что обязывает обстоятельнее остановиться на его характеристике. В первой части ежегодника печатался адрес-календарь чиновников, служащих в губернии по их принадлежности к ведомствам: гражданскому, военному, духовному. Из справочных сведений первого отдела становится известно, что в Казани в 1861—1862 гг. имелись «библиотеки для чтения» при книжном магазине Мясникова на Воскресенской улице, при депо императорского Казанского экономического общества на Поперечно-Воскресенской улице. Популярность среди жителей города, главным образом учащейся молодежи, имела библиотека иностранных книг Кастнера на Воскресенской улице.

Второй отдел «Памятной книжки 1861 и 1862 года» содержал развернутый исторический очерк о Казанской губернии преимущественно со времени присоединения Казани к Московскому государству. Статистические сведения по Казанской губернии составили содержание третьего отдела. Среди четырех исторических исследований четвертого отдела привлекает внимание публикация «Казанская губерния в 1726 году». Она представляет собой выдержки-извлечения из сочинения «Цветущее состояние Всероссийского государства...» И.К. Кириллова (1695—1737). Книга Кириллова явилась первым опытом официальной статистики в стране, написанной на материалах архива Сената⁴. Не менее интересны последующие статьи первого ежегодника. Они описывают исторические события и причины башкирского бунта 1735 г. в период царствования Анны Иоанновны, организацию торговли в ряде уездных городов Казанской губернии и др.

При подготовке к печати «Памятных книжек» серьезная помощь по сбору информации оказывалась уездными исправниками, которые предоставляли необходимые сведения о лицах, занятых в низовых структурных подразделениях министерств внутренних дел, народного просвещения, юстиции, путей сообщения, государственных имуществ, духовного ведомства. «Из частных учреждений для памятной книжки потребны сведения о крупных землевладельцах, проживающих в своих имениях, об именитом купечестве, о фабриках и заводах»⁵, — отмечалось в предписании казанского губернатора в 1899 году, адресованном уездным исправникам. В отряд основных корреспондентов по сбору и предоставлению необходимых данных входили также

становые приставы, чины судебной и учебной администрации, казенной палаты, члены земской управы и духовенство.

Ежегодники о Казанской губернии, в разные годы имели разные заглавия. В 1861—1862, 1889—1894, 1897 гг. они именовались «Памятными книжками». В 1863, 1866, 1868 гг. — «Памятными книгами». В 1881 году имели заглавие: «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем учреждениям Казанской губернии, а также сословных и общественных учреждений, частных компаний и обществ». В 1890 г. — «Адресная книжка Казанской губернии». Изменение заглавия некоторым образом влияло на их содержание, но неизменным оставался блок адресных и статистических сведений, а также публикация исторических материалов, подготовленных силами местных исследователей, энтузиастов и просветителей.

«Памятные книжки» и «Адрес-календари Казанской губернии» проходили цензурный досмотр, их тираж составлял 400—600 экземпляров. Около 100 экземпляров рассылались по административным учреждениям, ученым обществам и иным статистическим комитетам. Бесплатно поступали в канцелярию губернского правления, библиотеку КГСК, его членам, цензору, архиепископу, викарию, попечителю Казанского учебного округа, начальнику Окружного штаба, в ученые университетские общества, в губернскую земскую управу. Остальной тираж ежегодников реализовывался, главным образом, через уездных исправников. Цена 1 экземпляра не превышала 1 руб., что позволяло покрыть типографские расходы, а полученная прибыль не превышала 20 %⁶. Так, для реализации «Памятной книжки» на 1893—1894 гг. уездным исправникам было роздано более 300 книг, в том числе Чистопольскому — 40, Тетюшскому — 30, Чебоксарскому — 20 и т.д. Данная акция сопровождалась письменным указанием губернатора П.А. Полторацкого (1842—1909), которым были разосланы служебные письма уездным исправникам: «Признавая весьма полезным, чтобы изданная книга Казанской губернии за 1893—1894 годы находилась в уездных полицейских управлениях, в уездных земских и городских управах, в канцеляриях становых приставов, в волостных правлениях, предлагаю оказать содействие к распространению этого издания...»⁷.

Данный исторический факт свидетельствует о слабом спросе на ежегодники, несмотря на наличие в них материалов, как исследовательского, так и прикладного содержания. Так, включение в выпуск расписания прохождения почты, времени навигации рек и другой информации было призвано расширить возможности их использования в быту. Однако следует констатировать, что большая часть материала ежегодников имела справочный характер и адресовалась местным учреждениям гражданского, военного и духовного ведомств.

Изучение «Памятных книжек» и «Адрес-календарей» с 1862 по 1900 г. показал, что их программа была относительно устоявшейся, порой имея некоторые отличия от аналогичных изданий других российских губерний. Так, в ежегодниках КГСК не публиковался месяцеслов на предстоящий год, который содержал свод данных о религиозных праздниках. Это обстоятельство объяснялось толерантностью к многонациональному населению неправославного вероисповедования.

С 1869 по 1871 г. КГСК издал серию книг под типовым заглавием «Труды». Данное издание было инициировано Н.Н. Вечеславом, который на заседании Комитета 3 мая 1869 г. обосновал необходимость их выпуска вместо «Памятных книжек»⁸. «Труды» планировалось печатать без строгой периодичности, но в установленные сроки. С 1869 по 1871 г. было издано семь выпусков «Трудов». Они представляли собой сборники исторических материалов об экономическом быте крестьян Ядринского и Цивильского уездов Казанской губернии⁹.

Нельзя обойти вниманием еще один вид документов, издававшийся КГСК. Это «Отчеты о действиях...» Комитета за прошедший год. Для современных исследователей они являются ценным историческим источником, ибо каждый выпуск — это квинтэссенция сведений о деятельности Комитета, его трудах и одновременно информация по общественному, экономическому состоянию Казанской губернии, о жителях и роде их занятий. Первичная публикация «Отчетов...» КГСК осуществлялась на страницах Казанских губернских ведомостей, а затем они издавались отдельными оттисками.

Отчеты бесплатно печатались в типографии губернского правления тиражом до 250—300 экземпляров. Обязательной инстанцией их рассылки был Центральный статистический комитет при МВД Российской империи. Одновременно «Отчеты...», как и «Памятные книжки», отправлялись в статистические комитеты иных губерний и в различные научные и просветительские учреждения страны ¹⁰.

В организации издательской деятельности Комитета велика роль секретарей, непосредственных исполнителей статистических и научно-исследовательских работ. Надворный советник Николай Николаевич Вечеслав, секретарь КГСК с 1862 по 1883 г., имевший государственные награды, участвовал в выпуске ряда ценных изданий, некоторые из которых были инициированы Центральным статистическим комитетом (ЦСК). Так, 30 мая 1873 г. ЦСК выслал предписание о необходимости в течение предстоящего лета собрать все сведения о городищах Казанской губернии. К работе были привлечены волостные правления. Вопросник (программа) была разработана А.И. Артемьевым ¹¹ и включала более 10 вопросов. Среди них: имеются ли в волости древние земляные насыпи? Какова их площадь, форма, степень сохранности? Сохранились ли предания? Проводились ли раскопки, кем, когда, с какой целью? Найдены ли были древние вещи? ¹² Итогом работы явились «Заметки о городищах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии» под руководством Вечеслава. Книга была отпечатана в 1874 г. по распоряжению КГСК тиражом 300 экземпляров и разослана по многим научным обществам Российской империи, а также доставлена попечителю Казанского учебного округа, в судебную палату, командующему войсками Казанского военного округа и другим официальным лицам. Императорское Русское Археологическое общество Санкт-Петербурга вынесло благодарность Комитету за доставленные экземпляры книги ¹³. Сохранились рапорты от уездных исправников, в которых сообщались сведения о реализации каждым от 10 до 20 книг и о передаче вырученных средств в типографию губернского правления. Стоимость 1 экземпляра изданной книги составляла 50 копеек.

Научная ценность выпущенной книги заключалась в сохранении для исторической географии описаний курганов, их географического расположения, названий сел, деревень, рек и волостей. Так, например, в Мульминской волости Казанского уезда имелось городище круглой формы, площадь которого составляла 500 сажен. Предание гласило, что именно здесь располагался древний город Казань, который был разорен войсками Московского государства в 1399 году.

Для сбора необходимых исторических сведений о крае секретарь Комитета выезжал в продолжительные научные командировки и экспедиции. На заседании КГСК 12 мая 1878 г. было вынесено определение — «командировать в настоящем году Вечеслава, члена и секретаря для сбора статистических сведений для списка населенных мест некоторых уездов Казанской губернии» ¹⁴. Так появилась новая объемная книга — «Список населенных мест Казанской губернии. Вып. 1-й. Уезд Казанский», с посвящением — «Его превосходительству господину председателю КГСК Николаю Яковлевичу Скарятину в знак глубочайшего уважения».

1879 г. стал плодотворным в творческой биографии Вечеслава. В течение года с разрешения КГСК было издано две книги. Одна касалась сельских поземельных общин. В основу сбора сведений была положена программа императорского Вольного Экономического общества и императорского Русского Географического общества. В процессе работы над книгой секретарь Комитета выезжал для опроса крестьян в Свяжский, Казанский и Тетюшские уезды ¹⁵. К концу года Вечеславом были подготовлены «Статистические очерки Казанской губернии» с подробным описанием земли, ее распределения по уездам и волостям, по различным владениям и угодьям. Под данным заглавием планировалось издать серию книг статистико-экономического характера. Источниками в работе над книгой ¹⁶ послужили «Списки населенных мест...», составленные Центральным статистическим комитетом МВД ¹⁷, дополненные новыми данными местных корреспондентов.

После перевода Вечеслава на новое место службы в Симбирскую губернию, на должность секретаря был назначен Александр Петрович Орлов (1840—1889). Окончив в 1861 г. с золотой медалью полный курс физико-математического факультета императорского Казанского университета, он преподавал в Пермской гимназии. Из

Перми был переведен инспектором народных училищ в Иркутск, затем назначен на ту же должность в Пермь. В его послужном списке значилась должность директора Алексеевского реального училища в г. Сарапуле Вятской губернии. В 1875 г. А.П. Орлов вновь вернулся в Казань, городской думой был избран первым директором первого реального училища. Ученым и педагогом Орловым закладывались образовательные традиции в новом учебном заведении, было подготовлено к печати и издано обширное руководство по геометрическому черчению¹⁸. Преждевременная смерть оставила незавершенными его исследование о движении населения в разные хронологические отрезки в городах и уездах Казанской губернии. Не окончена была работа по составлению каталога землетрясений и вулканических явлений в пределах территории Российской империи, содержащего описание 2 574 случаев. Над составлением данного уникального каталога Орлов трудился более 20 лет. Объемная книга с картой распространения землетрясений в России, с чертежами и многочисленными рисунками была завершена в 1893 г. Иваном Васильевичем Мушкетовым (1850—1902), его единомышленником и коллегой, профессором Петербургского Горного института, редактором-секретарем «Известий» императорского Русского Географического общества¹⁹.

Орлов стремился реализовать широкие исследовательские замыслы, что подтверждает выход «Опыта географическо-статистического описания Казанской губернии», опубликованного в приложениях к годичным отчетам Комитета за 1884, 1885 и 1886 годы²⁰. Появление данной работы было вызвано следующими причинами. К началу 1880-х гг. значительно устарели сведения о Казанской губернии, собранные офицерами Генерального штаба в 1861 году. Кроме того, эти данные были неполными, отчасти неточными²¹. Остро осознавалась потребность в новом географическо-статистическом описании губернии. Орловым была проделана серьезнейшая работа при подготовке этого труда к печати. Текстовый материал двух выпусков «Опыта...» (560 с.) собран в 19 глав.

Много страниц в данном исследовании отведено губернскому центру, его прошлому. Так, описывая Казань, Орлов ссылаясь на солидный труд профессора университета С.М. Шпилевского (1833—1907) «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» (Казань. 1877). В частности, заслуживает внимания следующий факт. В период работы над книгой Шпилевский изучал рукописную карту Казанской губернии, составленную в XVIII в. и некогда хранившуюся в библиотеке императорского университета. Она имела длинное заглавие: «Геометрическая карта Казанской губернии, межевание сей губернии начато в 1793, а окончено в 1796 году». Длина карты составляла 2 1/2 аршина, ширина — 1 1/2 аршина. Орлов сетовал: «Мы не имеем у себя под руками этой замечательной карты, но по свидетельству С.М. Шпилевского она обращала на себя особенное внимание художественностью исполнения, ясностью чертежа и надписей, несмотря на обилие последних». Ценность этой карты заключалась и в том, что «она позволила Шпилевскому отыскать положение речки Жукоти, с помощью которой окончательно определилась местность известного болгарского города Жукотина»²². Н.М. Карамзин в своем солидном исследовании ошибочно указал на его расположение в устье реки Камы, близ Лаишевского уезда Казанской губернии. Ошибку, допущенную русским историком, повторяли другие историки, современники Орлова.

Труд Орлова был высоко оценен современниками, которые называли его «образцовым», он «долго будет служить необходимой книгой для всякого, желающего ознакомиться с Казанской губернией». Статистический материал автор подверг обработке, придал ему стройную систему в виде таблиц, схем и диаграмм, тем самым «оживил» сухие цифры. «В работе Орлова нельзя не заметить прекрасного приема — выводы и решения лучших изданий по статистике и географии России он проверял данными о Казанской губернии, и таким путем рельефно выяснял, как сходные черты губернии с другими местностями, так и ее особенности»²³.

Секретарь и член Комитета Орлов являлся автором еще ряда исследований, например, городов и городских поселений Казанской губернии, составленного и напечатанного по постановлению Казанского губернского статистического комитета 1885 года²⁴. Появление этой книги было продиктовано отсутствием аналогичного

издания комплексного характера, хотя фрагментарные исторические, географические, статистические зарисовки об уездных городах Казанской губернии публиковались в различных изданиях. Историко-статистические описания городов Российской империи ЦСК МВД, изданные в начале 1860-х гг., отчасти устарели²⁵. К началу 1880-х гг. они составляли библиографическую редкость, что создавало серьезные трудности в их использовании для подготовки различных справок по местным вопросам социально-экономической жизни. По каждому городу Орлов приводил исторические зарисовки, ссылки на различные исторические источники, их географическое расположение, геральдические сведения.

Особенно подробно характеризовались усадебные, пахотные и луговые земли. Отмечались размеры пустопорожных земель и занятых под лесными массивами. Городские земли (в черте города) подробно расписывались по улицам, отмечались их размеры под садами, огородами и под различными застройками. Описывались также казенные, частные, общественные дома, в том числе каменные и деревянные. Весьма ценны сведения о количестве учебных заведений, о почтовых станциях, промышленных и ремесленных предприятиях, базарах, ярмарках, их денежных оборотах, привезенном и реализованном товаре. Численность населения по гендерному признаку, вероисповеданию, сословию позволяют проследить его динамику в заданных хронологических рамках. Не менее ценны выкладки по городским бюджетам, окладным и неокладным сборам, характеризующим основы налоговой политики местной власти. «По количеству предприятий и их обороту Чистополь занимал второе место после Казани, а по хлебной торговле, пожалуй, первое в губернии»²⁶. Автор широко применял историко-сравнительный метод, позволивший сопоставить историко-статистические сведения с данными официальной статистики конца 1850-х гг., показать увеличение, либо падение показателей по различным сферам жизнеобеспечения. Среди городских предприятий Чистополя называлась бумаго-прядельная фабрика, единственная в Казанской губернии, основанная в 1844 году. «Хлопок для бумаги получался из Оренбурга, а бумага продавалась на Ирбитской, Симбирской, отчасти на Нижегородской ярмарках, а также в Казани и в Москве; обороты ее доходили до 300 000 рублей»²⁷. Почти в каждом уездном городе к середине 1880-х гг. имелись частные типографии, которые выполняли в основном акцидентные работы.

Исторические сюжеты просветительского характера отражают уровень интеллектуального и образовательного состояния провинциального российского общества конца XIX столетия. В штатном городе Мариинском Посаде (Сундырь) Чебоксарского уезда из городского бюджета «на покупку книг для раздачи ученикам в награду и на покупку книг в библиотеку в 1883 израсходовано 30 руб. 40 коп., в 1884 — 24 руб. 9 коп.»²⁸.

Издательская деятельность КГСК в 1890-е гг. была продолжена новым секретарем комитета Виктором Федоровичем Люстрицким, занимавшим должность инспектора народных училищ Казанской губернии. При нем значительно улучшилась полиграфическая и библиографическая культура «Памятных книжек», каждый выпуск которых снабжался именованным указателем, включавшим сведения о лицах, упоминаемых в ежегоднике. В 1892 г. Казанским губернским статистическим комитетом при непосредственном участии Люстрицкого была подготовлена к печати книга о городах и населенных пунктах Казанской губернии, расположенных в бассейне р. Волги²⁹. Столь ценное издание состоялось при финансовой поддержке казанского губернатора П.А. Полторацкого, который для реализации намеченного проекта пригласил специалистов из столичных городов Российской империи. В подготовке книги к печати деятельное содействие было оказано профессором Н.А. Осокиным и педагогом И.А. Износковым.

На предварительном этапе работы над книгой была разработана программа, включавшая ее композиционный замысел и вопросник по сбору сведений. К их числу относились: название местности, ее вхождение в уезд, волость, расстояние до Казани, до уездного города, до ближайшей пароходной пристани. Обязательному описанию подвергались городища, древние укрепления, курганы и другие памятники старины, расположенные на данной территории, места находок вещей, монет, известия о посещениях высочайших особ, о памятниках, поставленных в их честь. Описыва-

лись знатные люди края, приобретшие известность на общественном поприще, в торговой и военной деятельности. По каждой знатной персоналии указывались фамилия, имя, возраст, социальное положение. Отрывки из храмозданных грамот были призваны познакомить читателя с историей появления и особенностями возведения православных культовых учреждений, приделов к церквям, строительством часовен, в том числе расположенных на погостах, знакомили с местными храмовыми праздниками, крестными ходами, численностью причта. О светских образовательных заведениях сообщалось: время застройки, количество обучающихся и учителей, расход денежных средств на их содержание. Из числа других общественных заведений отмечалось наличие волостных правлений, больниц, богаделен, почтовых станций, хлебных магазинов. Регистрации подлежали прибрежные волжские земли, приводились географические названия островов, мелей, затонов, проливов. Любопытный факт: в книге описывались также метеорологические сведения, природные катаклизмы, имевшиеся акватории (запруды, озера)³⁰. Акцентировалось внимание на недвижимом имуществе, особую ценность которого представляла земля, ее виды (пашенная, луговая, лесная, огородная, садовая) и формы владения (частное, общинное). Подробные записи составлялись о состоянии местной промышленности и кустарных отраслях, о главных и дополнительных заработках жителей, о развитии пчеловодства, огородничества, садоводства, рыболовства, мельничного и крупобдирочного производства. Не выпали из поля зрения авторов-составителей книги и такие важнейшие сведения, как количество и виды торговых заведений, проведение ярмарок и базаров, описание главных предметов торга на них. В уездных городах и губернском центре, кроме того, подробно освещались прошлое и настоящее фабрик, заводов, их специализация, источники привоза сырья, количество занятых на производстве и т.д.

Серьезная работа была проделана секретарем губернского статистического комитета по доведению вопросника до местных корреспондентов, в число которых входили представители государственных и общественных учреждений, исследователи, энтузиасты, просветители края. Среди них К.С. Рябинский, инспектор Козмодемьянского городского трехклассного училища, Н.О. Федоров, учитель Чебоксарского училища, В.К. Магницкий, инспектор народных училищ Чебоксарского уезда и др. К началу 1890-х гг. в поволжской зоне Казанской губернии находилось 5 городов, 2 посада, 28 сел и 95 населенных пунктов. На их территории проживало 208 326 чел., в том числе 107 296 мужчин и 101 030 женщин. По национальному признаку — 41 % русских, 31 % татар, 21 % чувашей, 5 % марийцев (черемис)³¹.

Историческая информация о городах и иных поволжских поселениях представляет значительный научный интерес для современных исследователей, поскольку приводит малоизвестные историко-статистические сведения, не содержащиеся в других источниках. Данные о городах и населенных пунктах составляли структурные элементы деловой жизни края, обеспечивали развитие великого торгового Волжского пути. Значимость выпуска этой книги возрастала и потому, что в 1890 г. работала Казанская научно-промышленная выставка, направленная на установление и укрепление деловых контактов с иными регионами России, особенно с Сибирью и Северным Кавказом.

Исследование издательской политики Казанского губернского статистического комитета расширяет горизонты познания книжного дела в городах, территориально отдаленных от столичных центров Российской империи.

Примечания

1. ШПАК А.П. Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции (середина 1850-х — начало 1880-х гг.). Книга. Исследования и материалы. Сборник ЛШ. М. 1986, с. 160—168.
2. МЕЖОВ В.И. Библиографические монографии. Т. 1. Вып. 1. Труды Центрального и губернских статистических комитетов. Библиографический указатель книг и заключающихся в них статей. СПб. 1873.
3. Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 год. Казань. 1862.

4. Кириллов Иван Кириллович (1695—1737), обер-секретарь Сената, географ, историк и статистик. Его книга «Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое зачал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий...» представляла собой описание российских губерний. В 1831 г. этот труд впервые был опубликован М.Н. Погодиным (1800—1875), известным русским историком и издателем, профессором императорского Московского университета.
5. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ), ф. 359, оп. 1, д. 327, л. 5—5об.
6. Там же, д. 208, л. 29—29об.
7. Там же, л. 50.
8. Там же, д. 30, л. 21.
9. Труды Казанского губернского статистического комитета. Вып. 1—3. Казань. 1869; вып. 1—2. Казань. 1870; 1871.
10. Отчет о действиях Казанского губернского статистического комитета за 1873 год. Казань. 1874, с. 36; за 1877 год. Казань. 1878, с. 14.
11. Артемьев Александр Иванович (1820—1874) после окончания историко-филологического факультета императорского Казанского университета был оставлен в университете. Около 10 лет работал в библиотеке. С 1844 г. — редактор «Казанских губернских ведомостей», печатался во «Временнике» ОИДР, в «Записках» императорского Санкт-Петербургского Археологического общества, действительный член императорского Русского Географического общества. В 1852 г. был зачислен в штат МВД Российской империи. Написал историю библиотеки императорского Казанского университета. В 1851 г. составил каталог русских и иностранных книг библиотеки. Опись русских и европейских рукописей, хранящихся в университетской библиотеке, издана после смерти автора (СПб. 1882).
12. НА РТ, ф. 359, оп. 1, д. 42, л. 5—5об.
13. Там же, л. 8—9.
14. Там же, ф. 359, оп. 1, д. 30, л. 364.
15. ВЕЧЕСЛАВ Н.Н. Сведения о сельских поземельных общинах Казанской губернии. Собраны и обработаны членом и секретарем комитета. Казань. 1879.
16. ЕГО ЖЕ. Статистические очерки Казанской губернии. Казань. 1879.
17. Списки населенных мест Российской империи. Вып. XIV. Казанская губерния. СПб.
18. ОРЛОВ А.П. Руководство к геометрическому линейному черчению. Составлено для реальных училищ, применительно к учебным планам МНП. Вып. 1-2. Казань. 1877—1884; вып. 1. 1877; вып. 2. 1884.; А.П. Орлов директором Казанского первого реального училища проработал почти 15 лет, с года основания (1875) по год смерти (1889).
19. Каталог землетрясений Российской империи. СПб. 1893.
20. ОРЛОВ А.П. Опыт географическо-статистического описания Казанской губернии. Отчет о действиях Казанского губернского статистического комитета за 1884 год. Казань. 1885; Опыт географическо-статистического описания Казанской губернии. Отчет о действиях Казанского губернского статистического комитета за 1885 и 1886 годы. Казань. 1888.
21. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 8. СПб. 1859—1868.
22. Отчет о действиях Казанского губернского статистического комитета за 1884 год. Опыт географическо-статистического описания Казанской губернии. Вып. 1. Казань. 1885, с. 19—20.
23. Отчет о действиях Казанского губернского статистического комитета за 1888—1889 год. Казань. 1890, с. 8.
24. ОРЛОВ А.П. Опись городских поселений Казанской губернии. Казань. 1885.
25. Городские поселения в Российской империи. Т. II. СПб. 1861; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг. Ч. II. СПб. 1863.
26. ОРЛОВ А.П. Опись городских поселений Казанской губернии, с. 169.
27. Там же, с. 156.
28. Там же, с. 118.
29. Приволжские города и селения Казанской губернии с картою реки Волги и рисунками. Казань. 1892.
30. Отчет Казанского губернского статистического комитета за 1890 год. Казань. 1891.
31. Приволжские города и селения Казанской губернии с картою реки Волги и рисунками, с. 12.

«Комитет, высочайше учрежденный в 18-й день августа 1814 года» в Вятской губернии

Э.А. Цеглеев

После победоносного завершения противостояния с наполеоновской Францией в России был разработан проект оказания помощи военнослужащим, получившим увечья. 18 августа 1814 г. в день первой годовщины сражения под Кульмом «в знак признательности отечества к геройским подвигам армии и перенесенным ею славной службе и трудам в минувшие войны» Александр I учредил Комитет пожертвований в пользу инвалидов. Целью создания Комитета было оказание материальной поддержки отставным генералам и офицерам, получившим ранения в ходе Отечественной войны 1812 г. и Освободительного похода 1813—1814 годов. Членами Комитета были назначены генерал-адъютанты Ф.П. Уваров, гр. П.А. Строганов, гр. П.В. Голицишев-Кутузов, А.А. Закревский и П.М. Сипягин. С 1815 г. в Комитет вошел издатель газеты «Русский инвалид» П.П. Пезаровиус. Докладчиком императору по делам Комитета и фактическим главой этого органа был назначен А.А. Аракчеев.

Первоначально Комитету было перечислено 294 173 руб. из комиссариатского департамента. Формировать пенсионный фонд также предполагалось за счет пожертвований. Капитал пенсионного фонда Комитета составили отчисления частных лиц — канцлера графа Румянцева (237 742 руб.), генерала де-Ласси (247 тыс.), графини Браницкой (200 тыс.), князя Голицына (127 510), тайного советника Демидова (100 тыс. руб.) и других. Александр I перечислял в фонд свое жалованье шефа лейб-гвардии Преображенского полка. В фонд также поступала прибыль журнала «Русский инвалид». За 1814—1825 гг. было сделано пожертвований на сумму свыше 1 700 000 рублей. А общий капитал Комитета достиг 6 057 610 рублей ¹.

В 1815 г. на попечение комитета было взято 1200 раненых в 1812—1814 гг. нижних чинов. При этом нуждающихся в материальной помощи было многократно больше, но средств пенсионного фонда на всех не хватало. Для ускорения сбора пожертвований граф Аракчеев в докладе Александру I предложил регулярно и повсеместно проводить торжественные, праздничные и развлекательные мероприятия, а собранные деньги отправлять в Комитет: «Каждый театр в государстве обязан давать для увечных инвалидов в год бенефис, а равно содержатели клубов, маскерадов, общества музыкантов и разных штукмейстеров временно куда либо приезжающих или постоянно сим занимающихся дают однажды в год по одному собранию, маскераду, концерту и представлению» ². Доклад Аракчеева был одобрен и утвержден императором.

Реализация этого Высочайше одобренного проекта оказала большое влияние на общественную и культурную жизнь Вятской губернии, внося в нее творческий

Цеглеев Эдуард Александрович — кандидат исторических наук, доцент Вятской государственной сельскохозяйственной академии.

элемент и разнообразие. Для организации и проведения благотворительных мероприятий в 1815 г. в Вятке было создано благородное собрание, ядро которого составили 8 избранных директоров, — коллежские советники Пётр Волков, Кирилл фон Граф, Михаил Трусов, Алексей Казимирский, елабужский городничий Василий Шарыгин, подполковник Ростовщиков, купцы Александр Машковцев и Иван Машковцев³. Штабом Вятского благородного собрания был избран расположенный к северо-западу от Воскресенского собора большой каменный дом с садом во дворе. Ранее там располагались различные казенные заведения, а позже часть дома была отведена под квартиру городничего Викторова. В гостиной и в двух огромных залах дома проходили собрания, устраивались танцевальные вечера, давали свои представления приезжие актеры и фокусники. В 1818 г. в одном из залов вятской публике показывали верблюда⁴.

Одной из первых благотворительных акций, организованных Вятским благородным собранием, стало проведение мероприятий, направленных на получение средств для пострадавших от пожара в Казани 3 сентября 1815 года. В Вятке в Доме благородного собрания был открыт театр, в котором разыгрывались 3 пьесы. В качестве актеров выступали вятские разночинцы. На каждое представление собиралось до 500 зрителей⁵. Весь сбор от спектаклей направлялся в помощь казанским погорельцам. В Вятке в пользу пострадавших было собрано 1190 руб., а всего по Вятской губернии — 2206 руб. 60 копеек. Вслед за тем 2101 руб. 43 коп. были собраны в помощь пострадавшим от пожара в Уфе и еще 1533 руб. для погорельцев Казани⁶. Всего в пользу пострадавших от пожара в Казани и Уфе в Вятской губернии было собрано не менее 5841 рублей.

Регулярно в Вятке и других городах Вятской губернии проходили благотворительные мероприятия в пользу инвалидов. Так, 12 декабря 1816 г. в Вятке состоялся концерт инструментальной музыки с певчими надворного советника Яковлева. На нем для инвалидов было собрано 860 руб. 50 копеек. По всему городу в ходе мероприятий, приуроченных к празднованию дня рождения императора, удалось собрать 2605 руб., а по всей губернии — 4940 рублей⁷. 23 марта 1817 г. в Масленицу в Вятке прошли 3 маскарада, во время которых в пользу инвалидов было собрано 435 руб. и 1 руб. 5 коп. серебром. 15 сентября 1818 г. в день коронации Александра I в Вятской губернии было собрано для инвалидов 225 рублей. 12 декабря 1818 г. в Вятке состоялся маскарад, на котором его участники пожертвовали 260 руб. 2 коп. ассигнациями и медью и 2 руб. серебром⁸. Таким образом, основными формами активизации сбора пожертвованных стали театральные представления, концерты, маскарады.

Серия благотворительных мероприятий прошла в Вятской губернии в декабре 1821 года. В рапорте от 14 декабря 1821 г. вятскому губернатору П.М. Добринскому городничий Викторов сообщал, что «временно приехавшие штукмейстера прусский подданный Фридрих Грунау с своим семейством, и австрийский, Гаврил Шварценберг с дозволения начальства занимаются представлением разных искусственных комедических штук, которые согласно изъясненному положению и дали таковое представление публике в пользу инвалидов 2 числа декабря, причем собрано с зрителей суммы сто двадцать семь рублей». Дав в Вятке серию представлений, иностранные артисты и фокусники отправились в Орлов. Там в ходе благотворительного представления было собрано 60 рублей⁹.

5 декабря 1821 г. директора Вятского благородного собрания направили губернатору Добринскому письмо следующего содержания: «По случаю наступающего высокотожественного дня рождения Его Императорского Величества Государя нашего, то есть 12 числа сего декабря, предполагаем мы дать в Благородном собрании Маскарад в пользу инвалидов с платою как с мужчин так и дам по два рубля с персоны исключая девиц, с коих платы не полагается. Малолетние же дети участвовать в сем не могут. В прочем представить каждому на волю, буде кто пожелает из усердия пожертвовать и более. Почему и имеем честь представить сие на разрешение Вашего превосходительства»¹⁰. Разрешение губернатора было получено и маскарад состоялся в доме купца Александра Машковцева. На нем присутствовали вятские чиновники и купцы с женами, взрослыми сыновьями и дочерьми. Учитывая, что за входные билеты было собрано 160 руб., можно предположить, что в маскараде приняли участие не менее 80 человек.

В начале XIX в. в России маскарад представлял собой театрализованный бал, участники которого были в самых разных костюмах и масках ¹¹. Не известно, как прошла развлекательная часть маскарада 12 декабря 1821 г. в Вятке, но в ходе его проведения присутствующим подавали подписной лист и каждый жертвовал «кто каким количеством суммы от усердия». Губернатор Добринский дал подписку на 50 руб., Надежда Добринская — на 25, городничий Викторов — на 10, Агафья Викторова — на 10, Волков — на 10, Трусов — на 25, Граф — на 20, Казимирский — на 16, Ростовщиков — на 25, Шарыгин — на 10, Иван Машковцев — на 50, Александр Машковцев — на 40 рублей. Всего было собрано подписок на 857 рублей ¹². 14 декабря Викторов представил означенную сумму губернатору.

Широко организованное торжественное мероприятие прошло 12 декабря 1821 г. в Орлове. В рапорте вятскому губернатору от 14 декабря Орловский земский исправник Лукин и городской голова Булычов сообщали: «...сего декабря месяца 12 числа на высокаторжественный день рождения Его Императорского Величества в Архангельском соборе совершено всенощное бдение, в самый сей высокаторжественный день божественную литургию совершал соборный священник Александр Лошкин, пред окончанием литургии соборной же священник Александр Филимонов говорил проповедь о благочестии и обязанности ближних. По совершении ж литургии в том Архангельском соборе подателю всех благ Господу Богу принесено было о здравии и благоденствии Его Императорского Величества и всей Императорской Всеавгустейшей Фамилии молебствие, которое отправлял с достойным благоговением Троицкий протоиерей Стефан Филимонов со всем овященным собором, после чего происходил в соборе обыкновенный колокольный звон, а начальником инвалидной команды вместе с воинами был сделан парад, и наконец градский голова в честь и ознаменование сего торжества просил все сословия к себе в дом, где они были угощаемы завтраком, и все инвалидной команды воины будучи призваны угощены по чарке вина, соборный священник Александр Лошкин в присутствии всех говорил начет пособия изувеченным воинам приличную речь, а от градского головы и земского исправника читано было на пожертвование из благодарности к воинам за любовь к отечеству воззвание, по которому всеми сословиями провозглашено Ура! и сделано в приношение яко знаком обязанности 1496 руб., а вечером земский исправник угощал все братолюбивое общество, а о толь благоугодном намерении онаго, в доказательство по чувствам каждого принесенную признательность в именном регистре и деньги 1496 руб. долгом поставляем у сего представить» ¹³.

Подобные мероприятия прошли 12 декабря и в других городах Вятской губернии. Однако собранные там суммы были значительно меньшими. В Слободском было пожертвовано 205 руб. 80 коп., в Яранске — 76 рублей. 19 декабря 1821 г. собранные к тому времени деньги в размере 2040 руб. ассигнациями и медью и 214 руб. 55 коп. серебром были отправлены из Вятки в Комитет пожертвований ¹⁴.

Благотворительные акции, направленные на самые разные цели, регулярно проходили в Вятской губернии и в последующее время. Так, в 1822 г. в Вятке прошел сбор средств на выкуп пленных греков ¹⁵, а в 1824 г. — в помощь жителям Санкт-Петербурга, пострадавшим от наводнения ¹⁶. Комплекс разнообразных культурно-развлекательных мероприятий, проводимых в Вятской губернии, был рассчитан на представителей всех сословий и помимо достижения благородной цели помощи нуждающимся ветеранам привел к появлению новых форм культурной жизни провинции.

По распоряжению Александра I от 9 ноября 1816 г. часть собранных в Комитете денег направлялась нуждающимся семьям умерших после войны от ран офицеров ¹⁷. В Вятской губернии таковых не оказалось (из-за крайней малочисленности дворянства), и средства из Комитета пожертвований направлялись сюда только на пенсии инвалидам. Годовой размер пенсии, получаемой имеющими тяжелые ранения отставными солдатами, составлял от 20 до 40 рублей. Конкретная сумма зависела от характера ранения, степени трудоспособности, воинского звания, срока службы и рода войск, в которых ранее служил пенсионер.

Следует сказать, что большинство вятских инвалидов, заслуживших пенсию, ее не получили. Так, в 1816 г. в Вятской губернии было обнаружено и освидетельствовано более 60 чел., имевших право на получение пенсии. Однако общая сумма, на-

правленная вятским инвалидам в 1816 г. из Комитета пожертвований составила всего 260 рублей¹⁸. В последующие годы списки вятских инвалидов на получение пенсии регулярно и вовремя направлялись в Комитет пожертвований, но присылаемые денежные суммы увеличивались незначительно. В 1819 г. вятским инвалидам было выделено 965 руб.¹⁹, а в 1822 г. — 770 рублей²⁰. При этом только в 1811—1813 гг. Вятская губерния поставила в армию около 28 тыс. рекрутов. Также не трудно подсчитать, что размер ежегодно собираемых в Вятской губернии средств на инвалидов в несколько раз превышал присылаемые из Комитета пожертвований суммы. Деньги, собранные в Вятской губернии, давали средства к существованию многочисленным русским инвалидам, проживавшим в разных регионах Российской империи.

В то же время местные власти старались улучшить условия жизни вятских ветеранов. Они принимались на службу приказными служителями. В Вятской губернии следили за тем, чтобы увечные инвалиды не нищенствовали, а жили на содержании у родственников или в домах призрения. Показателен один из случаев, характеризующий отношение вятских властей к ветеранам. 7 декабря 1817 г. вятскому губернатору было доставлено письмо от командира Томского пехотного полка полковника Назимова с просьбой найти унтер-офицера Ефима Тронина, который после увольнения со службы направился в Вятскую губернию, и вручить ему знак отличия ордена Святой Анны. Награда пришла уже после того, как Тронин покинул полк. Губернатор дал распоряжение Вятской городской полиции, всем городничим и земским исправникам. Вскоре Тронин был найден в Глазовском уезде. 19 марта 1818 г. награда ему была вручена²¹. Кроме морального удовлетворения награждение знаком отличия ордена Святой Анны давало право на получение пенсионера, что улучшало материальное положение вятского ветерана.

Таким образом, при воплощении в жизнь благотворительного проекта в пользу ветеранов в Вятской губернии использовались нестандартные организационные формы и решения. Помимо реализации прямой задачи помощи нуждающимся инвалидам это активизировало общественную и культурную жизнь Вятского края. При этом ветераны, проживавшие в Вятской губернии, получали лишь малую часть собранных для них средств. Значительная часть инвалидов вообще не получила денег. Проблема их материального обеспечения осталась нерешенной. Главной причиной этого было отсутствие четкой государственной политики социальной защиты нуждающихся ветеранов.

Примечания

1. БЕРЕЖКОВ Д.И. Александровский Комитет о раненых. Исторический очерк. СПб. 1902, с. 15—31.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф. 582, оп. 45, д. 486, л. 48.
3. Там же, л. 1.
4. Несколько сведений из Вятской хроники прошлых лет (со слов купца Александра Егоровича Рязанцева). Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913, вып. 1—2, отд. 3, с. 8—9.
5. ЛУППОВ П.Н. История города Вятки от его возникновения до начала XX в. Киров. 1958, с. 194.
6. ГАКО, ф. 582, оп. 46, д. 90, л. 89, 99, 325, 331.
7. Там же, д. 128, л. 97, 102, 119.
8. Там же, л. 148, 151, 156.
9. Там же, оп. 45, д. 486, л. 46, 48.
10. Там же, л. 1.
11. МАРЧЕНКО Н.А. Быт и нравы пушкинского времени. СПб. 2005, с. 39.
12. ГАКО, ф. 582, оп. 45, д. 486, л. 33.
13. Там же, л. 22, 27.
14. Там же, л. 51.
15. Там же, д. 606, л. 2.
16. Там же, оп. 47, д. 23, л. 3.
17. Там же, оп. 46, д. 131, л. 8—9.
18. Там же, д. 127, л. 33—35.
19. Там же, оп. 45, д. 218, л. 109.
20. Там же, д. 569, л. 86.
21. Там же, оп. 46, д. 65, л. 101—109.

Пермь Великая — арена борьбы в XV—XVI вв.

Е.Н. Шумилов

Земли верховий реки Камы, издревле населяемые пермскими финнами — предками коми-пермяков — известны в научной литературе как Пермь Великая. Несмотря на свое тупиковое географическое расположение: с севера — непроходимые болота, с запада — таежные леса, с востока — Уральские горы, эта область в силу исторических обстоятельств явилась воротами в Сибирь. Ее стратегическое значение первыми оценили волжские булгары, которые в ходе экспансии на северо-восток подчинили себе в IX в. удмуртов, а в X в. проникли в Верхнекамье, о чем свидетельствуют многочисленныеклады того времени¹. В восточных источниках верхнекамские земли получили название Верхняя Булгария, а также страна Вису (Ису)². Представители народа вису (ису), известные в русских летописях под именем весь, массово бежали в X в. от произвола русских сборщиков дани в земли пермян, где сыграли важную роль в этногенезе коми-пермяков и коми-зырян, принеся в их среду восточно-балтийский антропологический тип и элементы западно-финской культуры³.

Народ вису платил булгарам особый налог с немусульман — харадж⁴. Администрация колонии находилась в поселении, известном археологам как Рождественское городище, стоявшем в среднем течении реки Обви на значительном расстоянии от впадения ее в Каму⁵. Это обстоятельство позволяет говорить, что булгары использовали опыт своих западных соседей, взяв для себя за образец расположение Сарского городища. Поселившись в стране Вису, булгары вели «немой» обмен товарами с угорским населением из-за Уральского хребта. В число товаров, получаемых оттуда, входили меха ценных видов пушных зверей, моржовая кость, а также невольники. Путь в Сибирь пролегал по реке Вишере, крупному левому притоку Камы. Помимо торговли жители страны Вису осуществляли выплавку металлов и добычу соли из местных соляных источников.

Монгольское нашествие на время прервало торговые связи между Волжской Булгарией и Сибирью. От него пострадали как булгарские земли, так и Верхнекамье, которое наряду с метрополией вошло в состав Золотой Орды. Сюда проникли полукочевые племена кыпчаков, вытеснившие на север местное население, которое сосредоточилось в основном в междуречье Камы и Вишеры — наиболее безопасном месте⁶.

Оправившись от монгольского разорения, булгары восстановили свои старые торговые пути к Уралу. Но теперь страна Вису уже именовалась страной Чулыманской (по названию Камы выше впадения в нее Белой)⁷, а пермский (коми-пермяц-

---

Шумилов Евгений Николаевич — кандидат исторических наук. Пермь.

кий) этнический элемент стал доминирующим. С 1324 г. эта территория известна в русских летописях как Пермь Великая⁸.

Разгром Золотой Орды, осуществленный в 90-х годах XIV в. среднеазиатским завоевателем Тимуром (Тамерланом), разорвал все торговые связи. В это же время активизировалась деятельность Московского государства в восточном направлении, начатая еще раньше, в 1333 г., когда земли коми-зырян — Пермь Малая (Вычегодская) — перешли под юрисдикцию Москвы (до этого они, скорее всего, находились в совместном управлении Великого Новгорода и Великого Устюга)⁹. В конце XIV в. было осуществлено крещение коми-зырян и создана в Усть-Выми епископская кафедра, а в 1451 г. появился русский наместник Ермолай, получивший статус князя Вымского¹⁰.

Принудительная христианизация и усиление налогового давления на коми-зырян вызвали их бегство в земли южных родичей — Пермь Великую. Вслед за ними в Верхнекамье проникли представители московской администрации из Перми Малой, которые без особого труда подчинили себе местное население, сохранив при этом старую структуру власти — старейшин (сотников)¹¹. Так на карте северо-востока Европы появилось новое административно-территориальное образование — Пермь Великая, ранее известная как этногеографическое понятие. Она стала своего рода уделом Вымских князей, который возглавил один из сыновей Ермолая — Михаил. Однако ее территория в основном ограничивалась землями междуречья Камы и Вишеры, то есть охватывала только часть земель коми-пермяков — Перми Великой. Поэтому по своему административному центру Чердыни она именовалась как Пермь Великая — Чердынь.

В 1445 г. на землях Волжской Булгарии возникло Казанское ханство. Очень скоро оно заявило права на бывшую колонию булгар — Верхнекамье. Весной 1468 г. казанцы совершили успешное нападение на Вятскую землю, а затем «пошли вверх по Каме реке на Великую Пермь»¹².

Масштабы разорения чердынских земель казанскими татарами неизвестны. Но среди местных жителей сохранилось предание, записанное в начале XIX в. историком В.Н. Берхом, согласно которому, около 1469 г. было уничтожено селение, известное ныне как Пустой Урол (в 12 км от Чердыни). «Взяв сию деревню (татары. — *Е.Ш.*) расположились ночевать в большом овине. Урольцы, приметив сие, зажгли оный со всех сторон, и неверные сгорели, но один из них, убежав каким-то образом в Чердынь, дал о сем знать, и татары пришел оттуда в большой силе, предали всех жителей деревни смерти, а дома их огню»¹³.

Возможно, именно тогда было осуществлено размежевание границ между Казанским ханством и Пермью Великой по реке Каме. Владения Казанского ханства расширялись. Казанцы поставили под свой контроль почти все Среднее Прикамье. Южная граница Перми Великой — Чердыни проходила по реке Лысьве, правому притоку Камы. На левобережье Камы она находилась в 10 верстах южнее будущего Соликамска — «против Пызновской курьи». От реки Лысьвы и территории «против Пызновской курьи» до реки Очер простиралась обширная «нейтральная зона» (отхожие земли), включавшая значительную часть Перми Великой. Таким образом, казанцы признали право Перми Великой — Чердыни на существование, но ограничили ее в действиях по расширению территории. По существу они контролировали «нейтральную зону». Эта зона не могла служить для чердынцев защитой, поскольку никаких оборонительных заграждений, кроме заставы, на ее границе не было.

Население Перми Великой — Чердыни строго придерживалось взятых на себя обязательств и не вступало (а, скорее всего, боялось вступить) в пределы «нейтральной зоны». А для татар, даже казанских, эти обязательства ничего не значили. Они могли беспрепятственно нападать на Пермь Великую — Чердынь. Этому способствовало также то обстоятельство, что ниже устья Чусовой проживало полукочевое тюркоязычное население, которое находилось в сфере влияния как казанских, так и сибирских татар: на него можно было опереться в нужный момент.

В реалии на южной границе отхожей земли постоянно существовали три зоны агрессии: юго-западная (казанские татары), южная (ногайские татары), юго-восточ-

ная (сибирские татары). Кроме того, с востока периодически совершали набеги вогулы, проникая сюда через Уральские горы по путям, только им ведомым. Единственная надежда в этих случаях у чердынцев была на Москву. Однако в силу значительных расстояний помощь приходила поздно, когда татары благополучно удалялись с добычей.

Так было и в 1468 г., когда великий князь Московский Иван III отправил рать во главе с И.И. Глухим и И.Д. Руно, а с ней еще устюжан и галичан, на черемисов. Но, узнав, что казанские татары направились грабить Пермь Великую — Чердынь, русское войско устремилось за ними в погоню. Согласно летописцу, татары были разбиты. Однако это сообщение противоречит реальному факту: в мае 1469 г. «полон Пермский» находился в Казани на посаде ¹⁴.

Итогом татарского нашествия на Пермь Великую — Чердынь в 1468 г. стала ее зависимость от Казанского ханства. Казанцы получили от чердынцев «права наибольшего благоприятствования» в торговле: последние «гостем казанским почести воздвали», тогда как «людем торговым князя великова грубили» ¹⁵.

В походе на Казань, предпринятом князем Юрием, братом Московского великого князя Ивана III, в 1471 г., участвовали устюжане, галичане и вычегжане. Ждали чердынцев, но те «убоясь не пошли, за казанцев задались» ¹⁶. Не дождавшись от них помощи, князь Юрий вынужден был снять осаду с Казани.

Сепаратизм чердынцев исходил, скорее всего, не от князя Михаила, а от его коми-пермяцкого окружения. Примечательно, что у князя имелись некрещенные дети ¹⁷. А это означает, что он был женат на представительнице местной родовой знати (князь был довольно молод, когда прибыл сюда). Не мог Михаил опереться и на русское население: оно тогда здесь просто отсутствовало. И хотя традиционно считается, что Соликамск возник около 1430 г., данный факт не подтверждается археологическими и документальными свидетельствами ¹⁸.

Великий князь Иван III, возмущенный сепаратистскими действиями чердынцев, организовал осенью 1471 г. против них карательную экспедицию, возглавить которую доверил опытному, уже престарелому военачальнику воеводе князю Федору Давыдовичу Пестрому ¹⁹. Ф.Д. Пестрый отличился ранее в походах 1429 и 1431 гг. на казанских татар. В его подчинении находились устюжане, белозерцы и вологжане, а позднее к ним присоединились вымичи ²⁰.

Весной 1472 г. войско Ф. Пестрого вступило на землю Перми Великой — Чердыни. О готовившемся вооруженном вторжении чердынцы, разумеется, знали и к нему готовились. Не исключено, что отпор организовали татары, оставшиеся здесь в качестве военного гарнизона. Они встретили Пестрого на реке Колве, притоке Вишеры, где и произошло сражение. Победил опытный русский военачальник. Далее он взял чердынские городки (городища) и сжег их. Присутствие в составе нападавших родичей — вымичей подействовало на Михаила Ермолича деморализующее: он капитулировал, не оказав сопротивления. Победители доставили его и добытые трофеи (в основном это был соболий мех) в Москву. Михаил Ермолич каким-то образом сумел оправдаться и был отпущен в Пермь Великую — Чердынь. С этого времени он уже не проявлял сепаратистских настроений ²¹.

Но проблема угрозы нападений на Пермь Великую — Чердынь не исчезла. Теперь она исходила от Сибирского ханства и Ногайской Орды. Если казанские татары пытались вернуть в свое лоно бывшую колонию, то сибирские татары и ногаи, с одной стороны, стремились не допустить расширения русских владений на Урале, а с другой, — рассматривали пермское население как источник «живого товара». В этих целях сибирские татары нередко использовали подвластных им вогулов. Князь Михаил Ермолич трагически погиб в 1481 г. при набеге вогульского князька Асыки на чердынские земли, защищая городок Покчу. Были разорены погосты, но саму Чердынь Асыке взять не удалось ²².

На помощь чердынцам пришли разбойники-шильники и устюжане во главе с Андреем Мишневым, которые разбили Асыку и заодно ограбили тюменских купцов, двигавшихся по Каме ²³.

Весной 1483 г. чердынцы в составе русской рати, возглавляемой Ф.Р. Курбским и И.И. Салтык-Травиным, участвовали в походе на Асыку, югорских князь-

ков и сибирских татар. Осенью того же года они с большой добычей вернулись домой ²⁴.

И все же в Москве с подозрением относились к великопермским князьям, явно не доверяя им. Не случайно новый Московский великий князь Василий III Иванович «разгневан бысть» за какой-то поступок великопермского князя «и свел с Великие Перми вотчича своего князя Матфея и родню и братию ево» в 1505 г., отправив в Тулу ²⁵. Василий III упразднил статус великопермского князя, превратившегося по-существу из наместника в «вотчича» — владельца родового имения, передававшегося по наследству. Вместо него был назначен наместник В.А. Ковер ²⁶.

Видимо, только после появления в Перми Великой — Чердыни русской администрации здесь начали селиться русские (по терминологии XVI в. — русаки). Они обосновались близ «нейтральной зоны», в районе соляных источников, образовав Усолье Камское (с 1573 г. — город Соликамск). Этот район стал русским анклавом на коми-пермяцкой территории и фактически не входил в составе Перми Великой.

На появление в Перми Великой — Чердыни русской администрации и солеваров сразу же отреагировали сибирские татары. В 1506 г. «пришедши из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша. Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю, в Усолье на Камском варенцы пожегл, цырны разорив, а пермяков и русаков вывел и посекал. Князь Василей Ковер на поле води погоню, а иных на судех послав, и они догнашу их в Сылве, заднюю (заставу. — *Е.Ш.*) побили» ²⁷.

В последующие годы нападения на Пермь Великую — Чердынь проходили в порядке очередности. Сначала это были вогулы: в 1531 г. «пришедшу на Великую Пермь пельнский князь с вогулечи, погосты разорив, а Чердыню не взял». Затем — казанские татары: в 1540 г. «пришедшу на Великую Пермь с ратью тотары казанские, князя великого вотчину пограбили, пожгли, а люди пермские посекали многие». И, наконец, — ногайские татары: в 1547 г. «пришедшу ногайские люди на Чердыню, повосты пожгли, а заставу чердынскую русаков и пермяков побили» ²⁸.

Эта очередность была прервана в 1552 г. разгромом Казанского ханства. Однако еще пять лет его население оказывало русским сопротивление. И здесь на арену выступили сольвычегодские промышленники Строгановы. Создается впечатление, что Строгановы долгое время выжидали, не зная, как повернутся события. И только тогда, когда стало ясно, что русские окончательно победили, они обратились в 1557 г. к Ивану IV с просьбой передать им «бесхозные отхожие земли» от реки Лысьва, притока Камы, до устья Чусовой, то есть большую часть «нейтральной зоны» (эта область рассматривалась царем как завоеванная территория). На это в следующем году было получено разрешение: «пожаловал князь великий Григорья да Максима детей Аникиевых Строганова вотчиною на отхожие земли Великие Перми на сто верст по обе стороны Камы-реки и велел им горотки строити, варницы ставити, соль варити, слободы копити на государя» ²⁹.

Строгановы, в первую очередь, преследовали свой профессиональный интерес — солеварение. В 1558 г. они основали близ соляных рассолов городок Канкар, в 1564 — Каргедан (Орел-городок) ³⁰ — тоже рядом с соляными источниками. С этого времени сюда стало прибывать русское население, и Пермь Великая стала оплотом Московского государства.

В 1568 г. последовало новое пожалование Строгановым — они получили земли по рекам Чусовая и Кама (до устья Большой Ласьвы). Были возведены Чусовской городок, Яйвенский и Сылвенский острожки, причем первые два находились у соляных источников, а последний защищал владения Строгановых от тюркоязычного населения, вплотную примыкая к их землям ³¹.

Появление русских поселений на южных рубежах Перми Великой заметно приблизило их к владениям Ногайской Орды и Сибирского ханства. Если Ногайская Орда к этому времени находилась в упадке, то Сибирское ханство, напротив, набирало силу. В его ведении находился южный путь в Сибирь, проложенный еще в эпоху Золотой Орды по Сылвенскому поречью ³².

Сибирским татарам удалось подключить к антирусской кампании черемисов, которые в 1572 г. совершили нападение на пермские земли. Тогда же Строгановы

получили от царя разрешение иметь собственное войско³³. Вряд ли можно было считать его профессиональным, поскольку оно набиралось из местного контингента беглого населения. И, тем не менее, это войско было апробировано в том же году в рамках похода за Урал, где Строгановыми была устроена слобода Тахчеи. Однако сибирские татары не только успешно выбили оттуда русских, но и нанесли ответный удар по Перми Великой. В 1573 г. «пришедшу ратью на Пермь Великую Маметкул сын Сибирского царя, города и повости пограбил и пожегл»³⁴. Властям пришлось срочно возводить крепость в Соликамске³⁵.

В 1581 г. сибирскими татарами была проведена самая масштабная военная акция, в которой были задействованы не только татары, но и представители других народов Урала и Зауралья. Тогда «пришедшу сибирский царь с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строгановы пограбил. Того же лета пельнский князь Кикек пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял»³⁶.

Вместо того, чтобы отразить нападение, Строгановы направили уже имевшуюся в их распоряжении казачью дружину атамана Ермака Тимофеевича для грабежа Сибирского ханства, оставшегося без воинства. Чтобы осуществить поход незаметно от татар, казакам пришлось двигаться по более короткому, но сложному маршруту. Действия Ермака в Сибири могли бы остаться небольшим эпизодом в русской истории, если бы после гибели атамана и ухода остатков его войска из Сибири, инициативу не взяло на себя государство. Оно возглавило вооруженную борьбу с ослабевшим Сибирским ханством и организовало русскую колонизацию его территории, оттеснив при этом на задний план частных предпринимателей Строгановых. И здесь ключевая роль отводилась Перми Великой. Без опорной базы на ее территории русским вряд ли тогда удалось закрепиться в Сибири. В последующее время Пермь Великая оставалась перевалочной базой на пути из европейской части страны в азиатскую.

Примечания

1. ДУБОВ И.В. Великий Волжский путь. Л. 1989, с. 151, 153.
2. БЕЛАВИН А.М. О локализации страны Вису в Пермском Прикамье. Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы 1-й международной научно-практической конференции. Кудымкар. 1997, с. 166—171.
3. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. 1987, с. 129—130.
4. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М. 1971, с. 31—34.
5. Очерки археологии Пермского Прикамья. Пермь. 2002, с. 199.
6. ОБОРИН В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск. 1990, с. 49—50.
7. ГАРУСЕВИЧ Г.Н. Распространение ислама в Южноуральском регионе. Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. Уфа. 1991, с. 169—170.
8. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 10. М. 1965, с. 189.
9. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись (ВВЛ). Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар. 1958, с. 257.
10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 31. СПб. 1901, с. 638; ВВЛ, с. 261.
11. ПСРЛ. Т. 12. М. 1965, с. 148.
12. Там же. Т. 37. Л. 1982, с. 91.
13. БЕРХ В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб. 1821, с. 92.
14. ПСРЛ, т. 37, с. 91.
15. ВВЛ, с. 262.
16. Там же.
17. Там же.
18. МАКАРОВ Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X—XV вв. Ижевск. 2001, с. 24.
19. В литературе путают князя Федора Пестрого (Стародубского) с московским боярином воеводой Федором Давыдовичем, принимавшим активное участие в покорении Великого

Новгорода в 70-х гг. XV века. Летом 1472 г., когда князь Федор Пестрый пребывал в Перми Великой, боярин Федор Давыдович участвовал в отражении набега татарского хана Ахмета. См.: ПСРЛ. Т. 25. М. 1949, с. 297.

20. ВВЛ, с. 262.
21. ПСРЛ, т. 12, с. 148.
22. ВВЛ, с. 262.
23. Там же.
24. ПСРЛ, т. 37, с. 95.
25. ВВЛ, с. 264.
26. Устюжский летописный свод. М.-Л. 1950, с. 102.
27. ВВЛ, с. 264; Устюжский летописный свод, с. 99.
28. ВВЛ, с. 265.
29. ДМИТРИЕВ А.А. Пермская старина. Пермь. 1892, прил., с. 106—109.
30. Государственный архив Пермского края (ГАПК), ф. 597, оп. 1, д. 24, л. 10; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб. 1846, с. 171.
31. Сибирские летописи. СПб. 1907, с. 4.
32. ИОФА Л.Е. Города Урала. Ч. 1. Феодалный период. М. 1951, с. 168.
33. Сибирские летописи, с. 4—6.
34. МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л. 1937, прил. № 5, с. 339.
35. Соликамск. Путеводитель. СПб. 2012, с. 12.
36. ВВЛ, с. 267.

Война между Бохаем и Китаем в 732—735 гг.

А.А. Ким

В 698 г. было создано первое государство на Дальнем Востоке России, позже известное как Бохай. В своем развитии молодому государству пришлось преодолеть ряд трудностей, но самым большим испытанием для Бохая стала война с могущественной державой Евразии — Танским Китаем.

Как правило, российские и зарубежные историки практически не уделяют внимания событиям и итогам этой войны. Это связано с тем, что в китайских и силланских хрониках очень мало материалов по этой теме. Однако, анализируя информацию, которая не имеет отношения к самим военным действиям, но совпадает с ними по времени, возможно проследить причинно-следственные связи этого конфликта.

В 719 г. Да Цзожун (основатель Бохая) умер. На престол вззошел его старший сын Да Уи (в корейском варианте Тэ Му Е), который унаследовал титулы и должности своего отца и получил инвеституру от империи Тан ¹.

Сразу после восшествия на престол Да Уи ввел свое летоисчисление. В то время в Восточной Азии привилегией устанавливать собственный календарь пользовались только императоры — правители Тан и Японии. Этой политической акцией Да Уи продемонстрировал не только независимый характер своего государства, но и свои амбиции ².

Его деятельность сразу создала условия для столкновения с империей Тан, так как многие мохэские племена поддерживали дипломатические отношения с Китаем и являлись его вассалами. Да Уи смог добиться того, что часть мохэских племен посылала свои посольства в Китай вместе с бохайскими представителями или должна была оповещать Бохай об отправке своих посольств в империю Тан.

В 726 г. неожиданно, без предупреждения Бохая, хэйшуй мохэ отправили в империю Тан посольство с данью и обратились с просьбой о покровительстве. Китайский император дал мохэцам аудиенцию ³. В результате империя Тан объявила о создании своего ведомства на территории хэйшуй мохэ и отправила туда своих чиновников ⁴.

Да Уи рассматривал это как попытку империи Тан заключить союз с хэйшуй мохэ против Бохая. Поэтому он решил нанести превентивный удар по мохэским племенам ⁵. При обсуждении намерения Да Уи начать поход против хэйшуй мохэ его младший брат Да Мэньи (в корейском варианте — Тэ Мун Е) выступил против ⁶. Война с империей Тан, войска которой, по мнению Да Мэньи, в десять тысяч раз превышали по численности бохайские, неминуемо должна была привести к гибели Бохая ⁷.

Ким Александр Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент. Общество изучения Когурё и Бохая. Сеул. Республика Корея.

Конфронтация между братьями закончилась тем, что младший из них был вынужден бежать в Китай ⁸, где его гостеприимно приняли. Тогда Да Уи отправил в Китай послов Ма Мун Квэ и Чхонь Муль А с письмом, в котором перечислял преступления своего младшего брата и просил казнить перебежчика (по другим данным бохайский король просил выдать брата) ⁹. Империя Тан ответила на это отказом, мотивируя свое решение тем, что «Мэньи в беде и изъявил нам покорность, его нельзя убить».

Да Уи остался недоволен. Китайское государство, в свою очередь, увидело непочтительность к себе со стороны Бохая. Было очевидно, что Да Уи пытался давить на империю Тан.

Однако отношения между Тан и Бохаем внешне по-прежнему оставались спокойными. Обе стороны, судя по всему, не были готовы к крупномасштабным военным действиям. Но конфликт назревал ¹⁰. В 727 г. Да Уи отправил первое посольство в Японию, где Бохай был представлен как «вернувшийся древние земли Когурё» ¹¹, налаживал контакты с киданями и тюрками.

В 732 г. Бохай располагал большим флотом и сравнительно сильной армией. Но при этом бохайское государство не имело опыта столкновения с сильными противниками — тюрки находились от них далеко, а борьба с танской армией была давно — более 30 лет тому назад. Поэтому Да Уи мог просто не иметь представления о мощи китайской империи, что и показал его спор с младшим братом. Тот факт, что Да Цзожун в свое время разгромил карательную армию танского полководца Ли Кайгу (698), мог дезориентировать второго бохайского правителя, и он явно недооценивал империю Тан. Успешные действия против Силла и мохэ позволили Да Уи решиться на более серьезный шаг — конфликт с Китаем.

При этом сам бохайский правитель не стремился к скорому столкновению с империей Тан. Возможно, он искал весомого повода для войны. Последующие события показали, что Бохай был готов к войне на севере и на море. Боевые действия Китая с киданями и их сторонниками си (киданьские племена были наиболее надежными союзниками Бохая против империи Тан) в начале 730-х гг. подтолкнули Да Уи к решительным действиям.

732 г. также стал решающей вехой в отношениях между Бохаем и Силла. Он обозначил конец доминирования Бохая на Корейском полуострове и привел к сравнительному равновесию в данном регионе.

В 715 г. киданьские племена усилились, вышли из-под власти тюрков и наладили связи с Китаем ¹², но в 730 г. киданьский вождь Кэтукой снова перешел на сторону тюрков, в результате начались боевые действия против Китая. К киданям присоединились племена си.

В третьем месяце 20-го г. Кай-юань танского Сюань-цзуна (732) войска империи Тан разгромили армии восставших киданей и си. Первые отступили на север, вторые подчинились китайцам. Возможно, си не очень стремились к войне с Китаем, так как были привлечены к военным действиям киданями. По своей сути, киданьские племена были для Да Уи своего рода буфером между Бохаем и Китаем. Ослабление киданей создавало угрозу для Бохая, что привело к началу военного столкновения.

В девятом месяце 20-го г. Кай-юань (732 г.) Да Уи предпринял внезапные военные действия против империи Тан. Бохайский флот под командованием генерала Чжан Вэньсю (в корейском варианте Чжань Мюн Хю) напал на Дэнчжоу. Бохайцы убили начальника этой крепости цыши (градоначальника) Вэй Цзюня (Ви Чжуна) и перебили тех, кто оказал сопротивление ¹³. Для многих ученых до сих пор является спорным вопрос, как такое сравнительно небольшое государство, как Бохай, решилось первым напасть на империю Тан.

Инцидент с Дэнчжоу стал первым актом войны. По мнению южнокорейских исследователей, Дэнчжоу был открытым портом, важным стратегическим пунктом империи Тан ¹⁴, и нападение на него носило превентивный характер ¹⁵. Эти утверждения не лишены оснований, однако, у бохайцев были и другие причины для нападения именно на этот порт. У империи Тан был сильный флот. Известно, что Китай во время восстания киданей в 696—697 гг. перебрасывал морем в тыл противника десант, насчитывавший десятки тысяч солдат.

Скорее всего, Дэнчжоу был базой для имперского флота. Нападение на этот порт позволило бохайцам ликвидировать военные корабли противника и тем самым обеспечить себе безопасное море. А на суше, учитывая, что значительную часть бохайского войска составляла мохэская конница и главные союзники бохайцев — киданьские племена — также располагали превосходной кавалерией, Да Уи мог рассчитывать на определенные успехи.

Как известно, против китайской армии кавалерия была более эффективной, чем пехота. Мобильные конные отряды сводили на нет численное превосходство огромных китайских армий, что было не раз доказано в войнах кочевников против Поднебесной. Быстрый разгром военных кораблей империи Тан заставил Китай отказаться от действий на море и отдать инициативу в военных действиях Бохаю.

Тот факт, что бохайцы смогли легко узнать о месте расположения китайского флота и уничтожить его, говорит еще и о том, что они имели хорошую разведку. Для проведения разведывательной деятельности были возможны несколько вариантов — бохайские посольства, бохайские заложники при императорском дворе, которые служили в сувэй, и торговые миссии.

Варианты посольств и заложников можно сразу отбросить — для столь успешного нападения необходимо было располагать свежей информацией о количестве кораблей и месте их расположения. К тому же необходимо было рассчитать, сколько бохайских воинов и кораблей необходимо для успешного нападения на Дэнчжоу. В результате подсчета единиц танского флота, бохайские военные обнаружили, что им не хватает своих кораблей для разгрома Дэнчжоу и прибегли к помощи морских пиратов. Такую информацию невозможно получить, находясь при императорском дворе — во-первых, он расположен слишком далеко от Дэнчжоу, во-вторых, для передачи таких сведений в Бохай ушло бы слишком много времени. Следовательно, бохайцы, служившие при императоре Китая, не могли снабжать Да Уи подобной информацией.

Что касается посольств, то они находились в Дэнчжоу слишком мало времени, чтобы изучить положение и собрать сведения.*

Поэтому можно предположить, что разведывательные функции были возложены на торговые миссии. Они прибывали вместе с посольствами, но располагали большей свободой действий, вызвали меньше подозрений и могли собрать ценную информацию. Танская администрация не могла полностью контролировать их действия.

В то время как бохайский флот добился важного успеха на море, сухопутная бохайская армия почти дошла до Великой Китайской стены и оккупировала ряд крепостей в округе Ючжоу. Киданьские племена оказали помощь бохайцам в военных действиях против империи Тан¹⁶. Бохайцев и их союзников киданей танской армии удалось остановить только у гор Мадушань¹⁷.

На помощь Тан также прибыли 5 тыс. всадников хэйшуй мохэ и шивэй. Тот факт, что в летописи упоминаются конные отряды союзников, хотя 5 тыс. воинов нельзя назвать значительным контингентом по меркам китайской империи, располагавшей армиями в сотни тысяч воинов, может свидетельствовать о важности данного события. Скорее всего, в китайской армии не хватало кавалерии. Да и сама система обороны танского генерала У Чэнцы (загораживание дорог камнями) была рассчитана на ограничение действий конницы. К тому же сам факт присутствия мохэской и шивэйской кавалерии мог играть важную роль для китайской армии в моральном плане — создавалось представление, что империя Тан была не одна в борьбе с бохайскими войсками.

В первом месяце 21-го г. Кай-юань (733 г.) империя Тан заставила бохайского перебежчика Да Мэньи прибыть в зону военных действий, собрать большую армию и прийти на помощь У Чэнцы. По-видимому, танские генералы были плохо знакомы с бохайской армией и нуждались в опытном советнике. В конце концов, китайцы вынудили войска Да Уи отступить¹⁸.

Быстрые действия бохайских вооруженных сил показывают, что Да Уи был готов к конфликту с Китаем. Армия и флот были мобилизованы заранее. Поэтому можно предположить, что Бохай вступил бы в войну с империей Тан независимо от поражения киданей и си.

Успешные действия бохайских войск заставили империю Тан искать выход из тяжелого положения. Бохайские послы и заложник при императорском дворе были высланы в южные районы империи¹⁹. Империя Тан объявила военную мобилизацию в Ючжоу, потом обратилась за помощью к Силла, предлагая силланцам совместно напасть на Бохай²⁰.

Силланцы также вполне могли рассчитывать на расширение своей территории за счет Бохая и признательность со стороны Тан²¹. Вполне допустимо, что для Силла было очень важно наладить хорошие отношения с империей Тан из-за давления со стороны Бохая, который был номинальным вассалом Китая и этим пользовался против Силла. Для Тан союз с силланцами теперь становился выгодным, так как неприятной альтернативой этому было участие Силла в коалиции киданей, тюрков и Бохая против Китая²².

Связь между союзниками поддерживалась через силланского посла Ким Са Рана. В империи Тан командующим силланской армией, готовившейся выступить против Бохая, был назначен генерал Ким Юн Чжун. Однако совместная атака не получилась из-за сильного снегопада и холода²³. Снег занес все горные дороги, и они стали непроходимы, больше половины силланского войска погибло. Силланцы были вынуждены вернуться назад²⁴. Танская армия не смогла сломить сопротивление бохайских войск и также отступила²⁵.

Несмотря на провал военной экспедиции, это событие оказало влияние на ход войны между Бохаем и Тан. Силла показала, что может помочь Китаю, и бохайцы теперь должны были учитывать возможность нападения на них с южной границы.

Между тем, империи Тан все же удалось создать антибохайскую коалицию из хэйшуй мохэ, шивэй и Силла. Китай и его союзники смогли охватить Бохай с севера, юга и запада. Положение Бохая резко ухудшилось. В 733 г. у тюрков продолжались внутренние распри, и они не могли вести крупномасштабные военные действия против Китая. В итоге основное противостояние с империей Тан ложилось на Бохай, в борьбе с Силла Япония не оказала поддержки Бохаю²⁶. Единственным, помимо Бохая, серьезным противником Китая оставались только кидани. Но после поражения от империи Тан в 732 г. они не располагали большими силами и не могли быть ядром для антикитайской коалиции. В результате бохайский правитель Да Уи взял курс на нормализацию отношений с империей Тан.

Но главную угрозу для него представлял младший брат, который мог объединить недовольных Да Уи в Китае. К тому же империя Тан имела возможность использовать Да Мэньи против Да Уи. Поэтому бохайский правитель стремился ликвидировать своего близкого родственника.

Для этого он направил людей в Восточную столицу Тан, которые привлекли наемных убийц. Но младший брат бохайского правителя сумел избежать смерти, а убийцы были схвачены и казнены²⁷. После этого (в 733 г.) в Тан прибыло бохайское посольство с просьбой о прощении²⁸. Танские войска в это время потерпели поражение от киданей, которых поддерживали тюрки. Поэтому мирные отношения были выгодны обеим сторонам. Китай все еще вел тяжелую борьбу с киданями и тюрками, конфликт 732—733 гг. ясно показал силу бохайской армии, хотя очевидно, что длительный военный конфликт был бы не в пользу Да Уи. К тому же бохайское население не поддержало Да Мэньи против его старшего брата, что оказало свое влияние на позицию китайских сановников.

Существуют определенные разночтения по поводу периода войны. В России обычно указывается период 732—733 годы. В Корее полагают, что военные действия продолжались до 735 года. Таким образом, время войны увеличивается до 4-х лет. Это связано с тем, что российские исследователи считают, что война закончилась с прибытием бохайского посольства с извинениями в 733 году. Но в Корее отмечают, что сам факт прибытия посольства не означал конца военных действий. Несмотря на данное посольство, военные действия Силла, мохэ и шивэй против Бохая не прекращались — империя Тан физически не могла сразу закончить войну своих союзников. Фактическим прекращением войны можно считать 735 г., когда империя Тан «даровала» силланцам земли к югу от реки Пхэ.

Поэтому принято считать, что мир между империей Тан и Бохаем был восстановлен в 735 году. По своей сути, война подтвердила слова Да Мэньи, младшего брата второго бохайского правителя, о том, что Бохай в одиночку не мог бороться с империей Тан. Да Уи пошел на мир с Китаем, но продолжал вражду с Да Мэньи, несмотря на то, что его брат был прав. Возможно, что второй бохайский правитель понимал абсурдность такого положения, но для объяснения своих внезапных военных действий ему пришлось пожертвовать родственными связями.

Эта война могла привести к гибели бохайского государства из-за просчетов Да Уи, который недооценил могущества империи Тан, как военного, так и политического. К тому же Да Уи переоценил возможности своих союзников. Но при этом допустим вариант, что у него не было выбора, так как речь шла о поддержке киданей — наиболее верных союзников, стоявших между ним и Китаем.

Китай в 735 г. передал Силла земли южнее реки Пхэган (совр. р. Тэдонган)²⁹, которые формально находились под властью Китая³⁰. Таким образом империя Тан отблагодарила силланцев за помощь в войне с Бохаем. Судя по всему, такое решение было принято не сразу, поскольку мир с Бохаем был установлен в 733 году.

Скорее всего, Китай обдумывал свои дипломатические действия — ведь ему было необходимо ослабить бохайцев и поддержать силланцев. По мнению многих южнокорейских исследователей, эти земли были захвачены силланцами, но танский император до 735 г. официально не признавал их силланскими владениями³¹.

Скорее всего, на эти земли имел также свои претензии Бохай, а для империи Тан было очень важно усиление Силла в качестве противовеса Бохаю. Нам неизвестно, кто проживал на тех землях, но очевидно, что этим ходом Китай хотел углубить конфликт между Бохаем и Силла, потому что вполне вероятно, что бохайцы интересовались освоением этих земель.

Также допустим вариант, что земли к югу от Пхэ были в действительности бохайскими. Но Бохай был вынужден уступить их империи Тан, так как не мог воевать против коалиции. Однако бохайские войска боролись с силланцами за спорные территории долгое время.

К сожалению, китайские и корейские летописи не содержат информации о награждении Китаем мохэсцев и шивэй за участие в войне против Бохая. Можно только предположить, что союзники империи Тан не были обделены своим сюзереном.

Как правило, историки разных стран диаметрально противоположно рассматривают итоги этой войны. Корейские ученые считают, что война успешно закончилась для Бохая, заостряя внимание на рейде в Дэнчжоу и прорыве до Мадошаня³², но умалчивают о том, что Бохай попросил прощения³³. Китайские историки считают, что Бохай был просто провинцией Китая³⁴, и полагают, что войны не было, а был просто бунт, который закончился положительно для империи Тан. Длительное время, в силу политических причин, советские и российские историки придерживались позиции корейских коллег.

На наш взгляд, война между Тан и Бохаем имела место, так как последний не был китайской провинцией. Как таковая война против Тан закончилась поражением Бохая — он был вынужден отдать часть своих территорий на юге, его доминирование на Корейском полуострове закончилось, и долгое время Бохай вообще не выступал против Китая и его союзников.

Но при этом империи Тан не удалось уничтожить своего противника. С одной стороны, у Китая в тот период времени возникли проблемы с тюрками, с другой, — ликвидация Бохая не являлась важной задачей для Тан. К тому же китайские сановники, судя по всему, отдавали себе отчет в том, что в случае уничтожения Бохая больше всего выигравала Силла. Точно так же Силла выиграла, когда совместно с империей Тан разгромила Когурё и Пэкче, а затем выгнала с их территорий китайскую армию. Пример полувековой давности еще не был забыт Китаем и разгром Бохая уже не входил в его планы.

Использование китайскими сановниками Да Мэньи против его старшего брата оказалось неудачным — несмотря на его помощь в изгнании бохайской армии от Мадушаня, все дальнейшие попытки продвинуть его не имели успеха. Его не поддер-

жало бохайское население, поэтому свержение Да Уи с сохранением бохайского государства стало невозможным.

Победа империи Тан и ее союзников оказалась неполной. Главной причиной этого являлись не только успехи Бохая, но и недоверие союзников друг к другу.

Примечания

1. ВАН ЧЭНЛИ. Чжунга лунбэй-до бохай-го юй дунбэйя (Государство Бохай Северо-востока Китая и Северо-восточная Азия). Чанчунь. 2000, с. 156.
2. Пархэса (История Бохая). Сеул. 1996, с. 116.
3. Там же, с. 117.
4. Там же, с. 102.
5. Там же, с. 32.
6. Там же.
7. Там же, с. 117.
8. СОНЬ КИ ХО. Пархэрьль таси понда (Еще раз о Бохае). Сеул. 1999, с. 69.
9. История Бохая, с. 33.
10. ИВЛИЕВ А.Л. Очерк истории Бохая. Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток. 2005, с.449—475.
11. СОНЬ КИ ХО. Пархэ чжончхи ёкса ёнгу (Исследование политической истории Бохая). Сеул. 1995, с. 118.
12. ИВЛИЕВ А.Л. Ук. соч., с. 456.
13. САМСУГ САГИ. Исторические записки трех государств. М. 1959, с. 219.
14. КИМ ЫН ГУК. Пархэ мёльманы вонъин: сиган-конъканчогын (Причины гибели Бохая: пространственно-временной подход. Сеул. 2005, с. 77—88.
15. КИМ ЧЖОНЪ БОК. Пархэ гукхоы сонрип пэкёнхва ыми (Значение и история создания государственного названия Бохая) Сеул. 2005, с. 117.
16. Исследование политической истории Бохая, с. 216.
17. История Бохая, с. 102.
18. Государство Бохай..., с.156.
19. ИВЛИЕВ А.Л. Ук. соч., с. 456.
20. ПАК СИ ХЁН. Пархэсаёнгу вихаё (К изучению истории Бохая). Сеул. 2007, с. 7—68.
21. История Бохая, с. 33.
22. Там же, с. 123.
23. ТИХОНОВ В.М. История Кореи. Т. 1. М. 2003, с. 213.
24. САМГУК САГИ. Ук. соч., с. 219.
25. История Бохая, с. 3.
26. Там же, с. 33.
27. Ю ТЫК КОН. Пархэ го (Исследование Бохая). Сеул. 2000, с. 74.
28. ВАН ЧЭНЛИ. Ук. соч., с. 156.
29. ТИХОНОВ В.М. Ук соч., с. 213—214.
30. История Бохая, с. 4.
31. Там же, с. 123.
32. ПАК СИ ХЁН. Пархэса (История Бохая). Сеул, 1995, с. 10.
33. ИВЛИЕВ А.Л. Ук. соч., с. 449—475.
34. СУНГ ХОНГ. Мохэ, Бохай и чжурчжэни. Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай: материалы Международной научной конференции. Владивосток. 2001, с. 80—89.

Министерство исповеданий Временного правительства и православная церковь

А.В. Соколов

Министерство исповеданий, задачей которого являлось осуществление связей государства со всеми религиозными организациями и обществами, было учреждено Временным правительством 5 августа 1917 г. и проработало совсем недолго. Специальных исследований, посвященных этому ведомству, не существует. Примечательно, что даже в вышедшем десять лет назад справочном издании о высших и центральных государственных учреждениях России в 1801—1917 гг., нет раздела о Министерстве исповеданий¹. Вместе с тем, в работах, так или иначе затрагивающих его деятельность, отмечается, что новое ведомство создавалось во многом с оглядкой на Православную Российскую церковь. В частности, указывается, что появление Министерства исповеданий стало своего рода декларацией государства об отказе от участия в церковном управлении². Одним из первых об этом заявил сам бывший министр исповеданий А.В. Карташёв³. Однако он, пытаясь все же представить министерство как внеконфессиональный орган, умолчал о той поддержке, которую он оказывал православной церкви. В частности, бывший министр заявил, что на созыв Поместного Собора Временное правительство выделило «скромную сумму» в 1 млн руб.⁴, но ничего не сказал о назначенной 6 октября 1917 г. дополнительной 2-миллионной ссуде, из которой 1,5 млн дошли до церкви⁵.

В этой связи неудивительно, что авторы, исследовавшие вероисповедное законодательство Временного правительства, подчеркивали двойственность проводимой Министерством исповеданий государственно-церковной политики: с одной стороны, провозглашалась внеконфессиональность верховной власти, а с другой, — признавалось особое положение православной церкви в России. Такое привилегированное отношение к бывшей господствующей вере историки объясняли боязнью правительства резкого слома установившихся церковно-государственных отношений⁶, а исследователь О.Ю. Редькина увидела в этом еще и партийный подтекст, а именно — реализацию кадетских установок⁷.

Между тем, необходимо учитывать, что у Министерства исповеданий имелись как тактические, так и стратегические задачи, направленные на более отдаленную перспективу. Кроме того, ведомству приходилось решать проблемы, вызванные переживаемым моментом, которые, в принципе, не были изначально заложены в сферу его компетенции. И, наконец, важно проследить политическую составляющую деятельности Министерства исповеданий в рамках структуры коалиционных прави-

---

Соколов Арсений Владимирович — кандидат исторических наук, докторант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург.

тельств августа-октября 1917 года. Только всесторонний анализ всех этих направлений позволит сделать вывод, как о причинах появления нового ведомства, так и оценить его место в системе государственно-церковных отношений в России в революционный период.

После свержения монархии о необходимости учреждения Министерства исповеданий заговорили сначала в православных кругах в связи с требованием упразднения должности обер-прокурора Синода как символа подчинения церкви государству. Уже на одном из первых епархиальных съездов духовенства и мирян, прошедшем в Екатеринославе 21—23 марта 1917 г., с таким предложением выступил профессор Варшавского университета и автор многих работ по истории церковного права П.В. Верховской⁸. Его доклад «О необходимости введения в России свободы совести и культов с сохранением за православной церковью значения первой между равными» получил широкую известность, благодаря публикации в издаваемой в Петрограде газете «Всероссийский церковно-общественный вестник». В частности, Верховской отмечал, что вместо широких полномочий обер-прокурора новому министру необходимо будет «поручить лишь исполнение внешнего надзора за всеми религиями в России»⁹.

Идею учреждения Министерства исповеданий активно поддержал назначенный 20 марта 1917 г. товарищем обер-прокурора Синода председатель петроградского Религиозно-философского общества Антон Владимирович Карташёв¹⁰. Однако обер-прокурор В.Н. Львов отнесся к этому предложению без интереса: сам он отстаивал позицию о необходимости активного вмешательства «революционного государства» в церковные дела для проведения в ней широких реформ. Премьер-министр князь Г.Е. Львов и его заместители по Министерству внутренних дел также не одобрили инициативу Карташёва. При этом князь Львов откровенно признался, что «он боится в этой области всякого нового творчества, чтобы не увеличить и без того распускаемых врагами клевет, будто бы Временное правительство “насилует церковь”»¹¹.

Однако Карташёв нашел единомышленника в лице кадета Сергея Андреевича Котляревского, назначенного 6 апреля 1917 г. на должность комиссара над Департаментом духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел¹². Котляревский в это время приступил к доработке старого законопроекта III Государственной думы о вероисповедных переходах, и Карташёв был приглашен в состав занимавшейся данным вопросом комиссии¹³. Итогом этой деятельности стал принятый Временным правительством 14 июля 1917 г. закон о свободе совести, отменявший существовавшие ранее ограничения в перемене веры, а также провозглашавший появление «вневероисповедного» состояния¹⁴.

С начала лета 1917 г. состоящие в разных ведомствах Котляревский и Карташёв начали координировать свою деятельность, пытаясь выработать единую линию правительственной политики в отношении религиозных организаций. Видимо именно Котляревский в июне 1917 г. убедил товарища обер-прокурора вступить в партию кадетов в качестве специалиста по церковным вопросам¹⁵. 12 июня 1917 г. при Синоде открылся Предсоборный Совет, в составе которого образовался VIII отдел, занимавшийся проблемой правового положения православной церкви в России. Задачей отдела являлась выработка законопроекта для предстоящего Поместного Собора. Участвовавший в заседаниях отдела Карташёв пересылал его материалы Котляревскому, согласовывая основные положения и формулировки. Так, на одном из хранящихся в Российском государственном историческом архиве экземпляре законопроекта VIII отдела имеется приписка: «Подлежит обсуждению на заседании отдела в воскресенье 2 июля в 2 часа дня. Литейный 62... Его Превосходительству С.А. Котляревскому. Тверская ул. 4, кв. 7»¹⁶. 10 июля Котляревского включили в состав Предсоборного Совета¹⁷.

2 июля от имени Министерства внутренних дел был опубликован «Проект урегулирования взаимоотношений между религиозными обществами и государственными установлениями». Основными позициями этого документа стали, во-первых, — создание общей законодательной базы для определения правового положения всех церквей и сект в России и, во-вторых, — учреждение Министерства исповеданий как единого государственного органа, ведающего этими вопросами. Также предполагалось максимальное устранение светских органов от вмешательства в деятельность

церковных властей и материальная поддержка церквям постольку, поскольку религия есть духовная ценность российских граждан. Публикацию сопровождало пояснение, что подготовкой законопроекта кроме сотрудников МВД занимались также некоторые члены Предсоборного Совета. Обер-прокурор Львов проигнорировал данный документ, но заложенные в нем идеи заметно повлияли на ход дебатов в Предсоборном Совете и выработанный им окончательный законопроект, в котором провозглашалась самостоятельность православной церкви в делах ее внутреннего управления при сохранении статуса первенствующей конфессии в России¹⁸.

В конце июля Карташёв и Котляревский поспешили закрепить выработанные Предсоборным Советом тезисы в виде политических требований своей партии. С этой целью Котляревский, совместно с профессором П.И. Новгородцевым, разработал соответствующие предложения по изменению кадетской программы на IX съезде (23—28 июля 1917 г.). 26 июля Новгородцев выступил на нем с докладом по церковному вопросу, заявив, что его выводы основываются, с одной стороны, на мнении православного духовенства, а с другой, — на постановлениях совещаний партии народной свободы. По мнению докладчика, государственной власти необходимо придерживаться основополагающего принципа «свободного самоустроения церкви на начале соборности и независимости от государственной опеки».

Новгородцев предложил включить в программу партии следующие положения: отношение государства к православной церкви и к другим вероисповеданиям должны определяться последовательно проведенным началом свободы вероисповедания и культа; православие, как исповедание большинства населения, занимает в России первенствующее положение; православная церковь признается институтом публично-правового характера и наряду с другими религиозными организациями пользуется покровительством и материальной поддержкой государственной власти; православная церковь пользуется правом самоустроения, согласно учению самой церкви и постановлениям Поместного Собора; все узаконения, ставящие высшее церковное управление в положение подчиненного органа государственного управления и придающие ему характер ведомства, отменяются; надзор государственной власти ограничивается лишь наблюдением за законностью актов церкви; для этого, а также для осуществления государственной поддержки и покровительства религиозным организациям учреждается должность министра исповеданий; с духовенства снимаются права и обязанности по ведению всяких актов гражданского состояния (метрических, брачных, по воинской повинности, статистических и др.) и по объявлению с церковной кафедры манифестов, указов и других чисто государственных распоряжений. Котляревский добавил к этому, что предлагаемые пункты уже одобрены духовенством и в ближайшем будущем будут приняты Поместным Собором. Этот довод, по-видимому, стал решающим, и после недолгих обсуждений тезисы Новгородцева в неизменном виде вошли в новую кадетскую программу¹⁹. Таким образом, Карташёв и Котляревский не столько следовали кадетским установкам, сколько сами являлись их творцами.

После июльского кризиса последнее препятствие для реализации планов Карташёва и Котляревского исчезло: новый премьер-министр А.Ф. Керенский отправил в отставку обер-прокурора Синода Львова и назначил на эту должность самого А.В. Карташёва. Его заместителем стал Котляревский²⁰. Видимо, главной причиной такого решения министра-председателя стала их дружба с Карташёвым в дореволюционные годы. Так, в ноябре 1915 г. последний даже привел мало интересовавшегося церковными вопросами Керенского на заседание петроградского Религиозно-Философского общества. Там будущий глава Временного правительства выступил с речью о необходимости реформирования церкви, так как «равенство, свобода и братство... проповедуют не только христианские мыслители, но мыслители социалистические»²¹. По свидетельству управляющего делами Временного правительства А.Я. Гальперна, Карташёв и Керенский являлись членами политической масонской организации — Великого Востока Народов России (ВВНР) — и в течение нескольких лет состояли в одной ложе²². Гальперн добавлял, что в 1917 г. Керенский, Карташёв, А.И. Коновалов, Н.В. Некрасов, Н.Д. Соколов и Н.С. Чхеидзе составляли руководящий всеми

ложами Верховный Совет ВВНР²³. Впрочем, других свидетельств о принадлежности Карташёва к масонам нет.

Немаловажную роль в приглашении Карташёва в правительство сыграла также его прежняя общественная и государственная деятельность, а также благожелательное отношение к нему православного духовенства²⁴. Например, член Синода протопресвитер Н.А. Любимов признавался в своем дневнике, что в процессе совместной работы в Синоде «все больше и больше влюбляется» в Карташёва²⁵, а архиепископ Евлогий (Георгиевский) отметил в своих мемуарах, что замена Львова Карташёвым в период работ Предсоборного Совета «пришлась вовремя»²⁶. Сам Керенский, заявлял, что предстоящее открытие Поместного Собора «требовало от прокурора особото такта и деликатности, а также глубокого знания истории Церкви. Нам казалось, что на такой пост более подходит видный член Петербургской академии А.В. Карташёв»²⁷. Немаловажна и принадлежность нового обер-прокурора к партии народной свободы, на участии которой в правительстве так настаивал премьер.

Сразу после своего назначения Карташёв заявил журналистам о намерении правительства уже в ближайшее время учредить Министерство исповеданий, в ведение которого перейдут учреждения Святейшего Синода и Департамент духовных дел МВД. Задачей министерства, по словам Карташёва, станет «снятие стеснительных пут с православной церкви и предоставление ей свободной внутренней жизни, конечно, поскольку это разрешат интересы государства, поскольку церковь не будет выходить из пределов своих церковных дел». Новый обер-прокурор добавил, что статус Министерства исповеданий будет временный, «да иначе и не может быть». «Теперь нет помазанников, нет помазанной власти и даже необязательно, чтобы она была православной, — добавил Карташев. — А потому и необходимо... пересмотреть отношение государственной власти и православной церкви и обратно». Себя на предстоящем Поместном Соборе Карташёв видел в положении «доброего советчика», предупреждающего от опрометчивых и нетактичных решений по отношению к государству, а всякие иные вмешательства государственной власти в труды собора недопустимы²⁸.

И действительно, на первом же заседании нового состава правительства 25 июля Карташёв выступил с инициативой упразднения обер-прокуратуры Синода и учреждения Министерства исповеданий. В своем письменном представлении он отметил, что «...в силу общего характера совершившегося преобразования государственного строя России утратилось реальное основание к тому глубокому разъединению, которое существовало между порядком управления делами православного и прочих исповеданий»²⁹. Временное правительство одобрило это предложение, и вскоре чиновники канцелярии Синода С.Г. Рункевич и Н.В. Гурьев составили проект положения о новом министерстве. После этого документ доработали члены Юридического совещания В.Д. Набоков и барон Б.Э. Нольде³⁰. На заседании правительства 5 августа председатель Юридического совещания Н.И. Лазаревский зачитал законопроект о создании Министерства исповеданий, а затем его утвердили министры. По устному предложению Керенского было решено с этой минуты именовать Карташёва «министром исповеданий», а его заместителя Котляревского — «товарищем министра исповеданий»³¹. Министр внутренних дел эсер Н.Д. Авксентьев охотно подписал акт о передаче в новое министерство Департамента духовных дел иностранных исповеданий, сказав при этом Карташёву: «Пожалуйста, берите, с полным удовольствием!»³²

Позиция министров-эсеров (Керенского, Авксентьева и др.) по отношению к новому министерству выглядит довольно странной, поскольку предлагаемая реформа была весьма далека от их партийного лозунга о «религии как частном деле каждого». Однако возможно все объясняется наметившимся после июльских событий поправением политических настроений, проявившихся, в том числе, на Государственном совещании 12—15 августа 1917 года. Интересно отметить, что на торжественной церемонии открытия Поместного Собора в Успенском соборе в Кремле 15 августа от лица правительства кроме Карташёва и Котляревского присутствовали те же Керенский и Авксентьев, а московский городской голова эсер В.В. Руднев 16 августа выступил в Храме Христа Спасителя с проникновенной речью о ценности православия³³. Также можно предположить, что церковные вопросы в правительстве

Керенского были переданы на усмотрение Карташева как представителя партии кадетов в рамках коалиционной структуры распределения ответственности между министрами.

Согласно принятому 5 августа положению о создании Министерства исповеданий, в нем объединялись существовавшие ранее Канцелярия обер-прокурора Синода (переименованная в Департамент по делам православной церкви) и Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД (с этого момента именуемый Департаментом инославных и иностранных исповеданий). Должности обер-прокурора и его товарищей упразднились, вместо них учреждались соответственно должности министра исповеданий и двух его товарищей по двум департаментам. При этом оговаривалось, что министр и его заместители должны были исповедовать православие. Этим подчеркивалась особая, «государствообразующая», роль этой конфессии в России. У министра исповеданий временно — до принятия государственной властью нового закона о положении православной церкви в стране — сохранялись права и обязанности обер-прокурора Святейшего Синода ³⁴.

Таким образом, создание Министерства исповеданий стало следующим после указа о свободе совести шагом в русле построения в России внеконфессионального государства. В министерстве воплотилась идея появления единого государственного органа, ответственного за контакты со всеми религиозными организациями в стране. Безусловно, в этой модели разделения государственной и церковной сфер при сохранении сотрудничества между ними можно усмотреть стратегическую цель нового ведомства.

При этом у министерства была и другая, скорее тактическая, задача, связанная с бывшей господствующей церковью: для последней принципиальное значение имел факт упразднения института обер-прокуратуры Синода. «Неприлично было, — писал впоследствии Карташёв, — ввиду приближающегося срока открытия Собора, сохранять старую должность и старое имя обер-прокурора». В день выхода постановления об учреждении Министерства исповеданий Карташёв заявил Синоду, что *de facto* он объявляет его работу совершенно автономной, и что Временное правительство с нетерпением ждет Собора, чтобы снять со своего министра остаток его обер-прокурорских полномочий ³⁵. Стоит отметить, что один из главных идейных вдохновителей создания министерства профессор Верховской встретил его появление с нескрываемым воодушевлением ³⁶.

По предложению Карташёва 11 августа правительство приняло, быть может, самое важное для православной церкви постановление о том, что открывающемуся 15 августа в Москве Поместному Собору поручается выработать и передать на рассмотрение Временного правительства законопроект о порядке свободного самоуправления Русской Церковью. При этом оговаривалось, что «до принятия Государственной властью нового устройства высшего церковного управления» все текущие дела православной церкви сохранялись в ведении Синода и состоящих при нем установлений ³⁷. Такой порядок юридически обеспечивал последовательный демонтаж системы церковного управления, созданной Духовным регламентом Петра I, и передачу власти в церкви новым органам, сформированным Поместным Собором. Отметим, что Карташёв был уверен в скорейшей подготовке Собором «церковной конституции», иначе представлять ее пришлось бы уже Учредительному собранию: его открытие планировалось на 28 ноября 1917 года. Возможно, министр надеялся на то, что Собор быстро утвердит законопроект, подготовленный Предсоборным Советом. Участвовавший в заседаниях соборного отдела о правовом положении церкви в государстве Котляревский всячески торопил его членов с принятием итогового документа ³⁸. Но прения затянулись, и в результате Поместный Собор утвердил выработанный отделом законопроект только 2 декабря 1917 года ³⁹.

Значительная часть рабочего времени нового министерства оказалась посвящена организационным вопросам, хотя поначалу оно комплектовалось старыми кадрами из вошедших в его состав подразделений. Департамент по делам православной церкви возглавил бывший директор Канцелярии обер-прокурора В.И. Яцкевич, а во главе Департамента по делам инославных и иноверных исповеданий стал «дисциплинированный бюрократ» Г.Н. Тарановский ⁴⁰. Кроме Котляревского второго замести-

теля министра так и не назначили. Более того, министерство так и не успело получить самостоятельной финансовой сметы, и жалование его чиновникам продолжало поступать через бюджеты Синода и МВД. Проект штатов министерства Карташёв внес на рассмотрение правительства еще 6 сентября. Подчеркивая особую важность задач Департамента по делам православной церкви, министр исповеданий отмечал, что, с одной стороны, Департаменту будет поручено проведение государственной политики в отношении веры большинства населения, а, с другой, — православных церквей в России уже не одна, а две: русская и грузинская, причем «современное положение обеих церквей таково, что требует постоянного внимания со стороны государственной власти». Министр исповеданий также предположил, что на департамент ляжет задача подготовки сначала для Учредительного собрания, а потом и для будущих законодательных учреждений материалов, касающихся отношения церкви и государства. В составе департамента планировалось образовать следующие отделы: инспекторский (утверждение в должности или увольнение церковных служащих со стороны государственной власти постольку, поскольку сама церковь будет нуждаться в этом), финансовый (хозяйственные дела департамента, отчеты Государственному контролю по ассигнованию и выдаче кредитов церковным организациям), статистический (сбор данных о той или иной стороне церковно-общественной жизни православного населения), информационный (сбор нецифровых сведений, включая обзор печати), юрисконсультский и два отдела, занимавшихся непосредственно делами русской и грузинской православных церквей. В штате департамента также были предусмотрены должности чиновников особых поручений (4 чел.)⁴¹. Как справедливо отметила Н.В. Белошапка, комплектование нового ведомства планировалось по типу других министерств, созданных правительством: за основу были взяты штатные расписания Министерства народного просвещения и Министерства труда⁴².

По-видимому, первоначально Карташёв предполагал отказаться от контроля над финансированием церкви. Среди бумаг Департамента по делам православной церкви имеется рукописная записка, предлагавшая незамедлительно освободить министра исповеданий от церковно-хозяйственных функций, подчинив Хозяйственное Управление Синода непосредственно самим архиереям. Одновременно рекомендовалось назначить во Временное правительство особого представителя церкви по делам церковного хозяйства и имущества⁴³. Однако схема получалась слишком громоздкой, и от нее решили отказаться. Кроме того, управление государственными ассигнованиями представляло собой серьезный механизм воздействия на религиозные учреждения. Министерство исповеданий успело применить его на практике: после отказа грузинского духовенства от направления своих представителей в согласительную комиссию по разделению церковных имуществ с закавказскими русскими приходами, 20 октября Министерство исповеданий постановило временно «закрывать кредиты», выдаваемые на Кавказ⁴⁴.

4 октября Карташёв направил главе Департамента по делам православной церкви Яцкевичу телеграмму, в которой сообщил, что Министерство финансов просит не позднее 15 октября прислать смету Министерства исповеданий (или, в крайнем случае, «установленные цифры»), поскольку в противном случае она до начала 1918 г. вообще не будет утверждена. Только 11 октября 1917 г. Малый совет министров рассмотрел и принял штаты Министерства исповеданий. Всего на 1918 г. ему отводилось 33 860 476 рублей. Почти все эти средства должны были пойти на содержание учреждений имевшихся в России конфессий, прежде всего православной церкви. Из-за свержения Временного правительства постановление о штатах Министерства исповеданий так и не было опубликовано и не вступило в законную силу⁴⁵.

Министерство исповеданий предпринимало усилия по соблюдению формальной законности в сфере церковного управления. Как писал впоследствии Карташёв, месяцы нахождения на посту обер-прокурора Львова характеризовались «непоследовательностью»⁴⁶, выразившейся, в том числе, в многочисленных фактах нарушения действующих законоположений. Львов, пользуясь лояльностью членов Синода и загруженностью других министров, фактически сконцентрировал в своих руках церковную власть, перестав передавать синодальные постановления на рассмотрение Временного правительства. 25 мая Львов даже объявил архиереям, что он «ни за что не

допустит унижения Св. Синода перед Временным правительством», которое «в значительной мере состоит из людей неверующих, относящихся даже прямо с презрением к церкви»⁴⁷. В результате легитимность ряда постановлений («определений») Синода оказалась под сомнением. Например, после принятия архиереями 29 апреля 1917 г. изменения в устав духовных консисторий Сенат отказался его опубликовать, заявив, что он должен быть принят верховной властью⁴⁸.

Среди архивных бумаг Карташёва удалось даже найти «реестр определений Св. Синода, подлежащих внесению на утверждение Временного правительства», в число которых входили постановления о созыве Поместного Собора, о передаче дел из Синода в епархии и др. В документе имелась также специальная графа, в которой отмечалось, где эти постановления опубликованы («Вестник Временного правительства» или «Собрание узаконений»), поскольку лишь после публикации правительственные распоряжения получали силу закона⁴⁹. В августе-сентябре Министерство исповеданий провело через утверждение Временным правительством многие постановления Синода предыдущих месяцев о перемещении епископов. При этом «высочайшее утверждение» производилось лишь формально, без рассмотрения дел по существу. Так, например, 14 августа 1917 г. были одновременно утверждены определение о назначении викария Киевской епархии Никодима (Кроткова) епископом Петровским (Саратовская епархия) и более позднее определение о его возвращении обратно на кафедру епископа Чигиринского, викария Киевской епархии⁵⁰.

В силу загруженности правительства не все акты церковного управления удавалось провести через его рассмотрение достаточно быстро. Например, внесенный в Юридическое совещание 8 сентября законопроект о положении русских приходов в Закавказье правительство утвердило только 6 октября⁵¹, а новый устав духовных академий вообще не попал в повестку дня. Однако в случае особой спешности Карташёв готовил постановление за подписью только министра-председателя (или его заместителя) и своей, и лишь потом оно утверждалось правительством в полном составе. Таких указов имеется как минимум два: о наделении Синода правом самостоятельно возводить представителей духовенства в архиепископы и митрополиты (14 августа подписали Керенский и Карташёв⁵², а 19 августа — остальные министры⁵³) и об учреждении Особой комиссии по разграничению Русско-Грузинских церковных интересов (2 сентября подписали М.И. Терещенко и Карташёв⁵⁴, а 9 сентября все Временное правительство⁵⁵). При этом формальная законность оказывалась так или иначе соблюденна.

В связи с политикой Министерства по соблюдению законности интересно проследить его отношение к вопросу о восстановлении патриаршества. Когда на Поместном Соборе всерьез заговорили об этом, известный публицист Д.В. Философов обратился со страниц газеты «Речь» к Министру исповеданий с призывом использовать его номинально сохраняющиеся обер-прокурорские полномочия и «властным окриком» не допустить «реставрации монархии» в церкви⁵⁶. Однако выступая перед соборными делегатами 18 октября, товарищ министра исповеданий Котляревский сообщил, что он «с удивлением слушал заявления некоторых ораторов, что патриаршество имеет сходство с монархическим строем и самодержавием, что патриаршество — символ политической реакции... Нет логического отношения между государственной организацией и церковным строем... Если патриаршество действительно нужно, то никакие политические соображения не должны остановить Собора». Упомянув статью Философова, товарищ министра подчеркнул, что «Министерство исповеданий отказалось от роли постоянного вмешательства в церковную жизнь, от оценки по существу явлений церковной жизни и должно ограничиться лишь охраной закономерности, не находящейся в противоречии с самостоятельностью церкви». Котляревский добавил, что принятый закон о свободе совести предоставил всем религиозным организациям право самим решить вопрос о собственном устройстве, и Временное правительство не может не предоставить такой же свободы и православной церкви⁵⁷.

Однако единственное, что все же пытались «отследить» чиновники Министерства исповеданий, — это скорейшее принятие закона о правовом положении Православной церкви в государстве, de jure предоставляющее ей возможность определять и

вводить в действие органы собственного управления. Ведь по действовавшему законодательству церковью управлял Святейший Синод, и скорые выборы патриарха создали бы юридический нонсенс. Именно поэтому Котляревский призывал делегатов не торопиться с решением вопроса о патриархе, а юрисконсульт Министерства исповеданий В.В. Радзимовский, рассматривавший формулу введения патриаршества, предлагал согласовать ее кроме собранного Отдела о высшем церковном управлении еще и в Уставном отделе, что епископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) назвал умышленным затягиванием дела⁵⁸.

Важным направлением деятельности Министерства исповеданий стала защита интересов православной церкви как от притязаний со стороны других государственных учреждений, так и перед лицом внешних угроз. Например, к августу 1917 г. в преддверии начала учебных занятий остро встал вопрос об освобождении зданий духовно-учебных заведений, занятых военным ведомством (казармами, лазаретами и эвакуированными учреждениями). 14—26 июля 1917 г. Синод принял определение, просившее обер-прокурора ходатайствовать об этом перед Временным правительством. Сложившуюся ситуацию архиереи оценивали как критическую, отмечая, что она оборачивается не только фактическим сокращением учебного года, но и «понижением уровня образования». В документе указывалось, что на тот момент из 59 духовных семинарий оказалось занято 40, из 185 духовных училищ — 60, из 74 епархиальных женских училищ — 25, из 11 училищ духовного ведомства — 4. 7 августа Министерство исповеданий направило во Временное правительство предложение об освобождении духовно-учебных заведений, но этот вопрос так и не рассматривался. Однако параллельно в августе-октябре 1917 г. министерство предприняло активную переписку непосредственно с военным ведомством, в результате которой были изданы предписания об освобождении Нижегородской, Петроградской и Рязанской духовных семинарий⁵⁹.

Получив в августе сообщение от епископа Астраханского Митрофана (Краснопольского) о том, что местная почта на основании циркуляра министра почт и телеграфов отказала духовной консистории в бесплатном приеме казенной корреспонденции, Министерство исповеданий тут же связалось с Министерством почт и телеграфов для урегулирования ситуации. Одновременно всем духовным консисториям послали запрос, не случилось ли где-то еще затруднений с отправкой корреспонденции. Из ответов стало ясно, что имел место только один инцидент (поселок Ульяновка, Петроградская губерния), но и его уладили на месте⁶⁰.

Министерство обеспечивало и финансовую помощь православной церкви. Как уже упоминалось, 6 октября по настоянию Карташёва Временное правительство одобрило выдачу на нужды Поместного собора государственной ссуды в размере 2 млн рублей⁶¹. Кроме этого, в октябре 1917 г. действовавшее при Временном правительстве «Межведомственное совещание для рассмотрения проектов гражданских ведомств об ассигновании чрезвычайных сверхсметных кредитов» утвердило по запросу Министерства исповеданий еще несколько незапланированных денежных перечислений церкви. Особо ценными для нее являлись доплаты, установленные для духовно-учебных заведений. Например, 20 октября правительство постановило выделить Министерству исповеданий чрезвычайным сверхсметным кредитом 914 143 руб. на выплату процентных прибавок служащим в них за период с 1 мая по 1 сентября 1917 года. То же постановление вводило в действие новое расписание окладов должностных лиц православных духовных академий и расходов по их учебной части. Кроме того, на октябрь-декабрь 1917 г. духовным академиям дополнительно выделялось 95 600 руб., а с 1918 г. предполагалось доплачивать по 233 440 руб. в год из государственных средств⁶². 25 октября Межведомственное совещание по запросу Министерства исповеданий утвердило выдачу служащим в духовно-учебных заведениях еще 1 037 300 руб. на выплату процентных прибавок по правилам от 22 октября 1916 г. за счет наличных средств государственного казначейства с авансом 800 тыс. рублей. Расчет прибавок делался до 1 января 1918 года. По данным высшего церковного управления, из всех назначенных Временным правительством дополнительных выплат остались недополученными духовным ведомством к началу 1918 г. 2 352 073 руб., из них около 1 млн руб. — «Плехановские прибавки»⁶³.

3 августа Карташёв направил министру внутренних дел Авксентьеву срочное отношение с просьбой принять меры к освобождению захваченной по распоряжению Украинской Рады типографии Почаевской Лавры. В середине августа в Министерство внутренних дел было направлено еще одно отношение, в котором указывалось также на факты захвата различными организациями синодальных Петроградской и Московской типографий, Киевской, Лаврской Троице-Сергиевской, а также типографии Братства св. Василия в Рязани. Карташёв просил Министерство внутренних дел освободить их «от вынужденной работы... почти исключительно на нецерковные организации». В августе 1917 г. министр исповеданий проинформировал министра внутренних дел о решении местного совета солдатских депутатов отобрать землю у Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря Владикавказской епархии. В октябре в МВД из Министерства исповеданий поступило известие о захвате Советом солдатских и рабочих депутатов в г. Сухуми типографии и переплетной Дранского монастыря⁶⁴. Однако, практически все поступившие в правительство запросы об освобождении отнятых у церкви зданий, типографий, земель остались без ответа. Заслушав 29 сентября 1917 г. доклад заместителя министра-председателя о мерах борьбы с растущей анархией в стране и, в особенности, с аграрными беспорядками, Временное правительство предложило образовать на местах особые комитеты из представителей власти и общественных организаций для принятия мер к ликвидации беспорядков, что, по сути, являлось признанием собственного бессилия⁶⁵.

Вместе с тем, именно позиция Министерства исповеданий видимо создала почву для существующей в историографии точки зрения о том, что «Временное правительство видело в православии главенствующую опору существующей власти» и «старалось оказывать ей помощь на государственном уровне, как “религии основной части населения”»⁶⁶. Этот вывод справедлив не для всего правительства, а, главным образом, для ведомства Карташёва: оно последовательно отстаивало интересы православия, даже вступая в конфликты с другими министерствами. Стоит, например, отметить трения, возникшие между Карташёвым и министром народного просвещения С.С. Салазкиным осенью 1917 года. Так, 19 сентября в отсутствие Карташёва Салазкин предложил правительству принять законопроект, разрешающий детям старше 14 лет отказываться от изучения Закона Божьего в школе⁶⁷. Узнав об этом, Карташёв телеграфировал из Москвы управляющему делами А.Я. Гальперну о необходимости обязательного согласования этого вопроса с «ведомством православного исповедания»⁶⁸. В итоге, когда Салазкин подал новое представление о переустройстве бывших церковно-приходских школ в народные училища, 26 сентября правительство направило законопроект на заключение Карташёва⁶⁹.

В связи с протекционистской политикой Министерства исповеданий в отношении бывшей господствующей веры невольно возникает вопрос о том, чьи интересы оно преследовало: государства в церкви или наоборот. Думается, для Карташёва здесь не было никакого противоречия. К осени 1917 г. он все более склонялся к мысли о том, что именно православие, и, быть может, только оно, способно противостоять «разрушительному воздействию» социалистических идей. 10 сентября министр исповеданий даже подал заместителю премьера М.И. Терещенко заявление об уходе в отставку «ввиду ясно определившегося засилия социалистов над Временным правительством и невозможности подлинной коалиционной структуры кабинета»⁷⁰. Газетам он заявил, что «социалистическая проповедь... внесла полный разврат в душу русского народа. И народ стал предателем своего государства»⁷¹. В связи с возможной отставкой министра исповеданий Синод принял 12 сентября определение о том, что «созидательной работе и всей жизни церкви угрожает великая опасность», так как место Карташёва могут занять люди «чуждые» или даже «прямо враждебные» церковным интересам⁷². Впрочем, с окончанием очередного правительственного кризиса Карташёв остался на своем посту.

Выступая 14 сентября в соборном отделе, занимавшемся выработкой законопроекта о правовом положении православной церкви в России, Карташёв заявил: «мы храним связи с государством не во имя рабства церкви, а во имя русского наро-

да... Господствующее положение церкви мы уступили, но те позиции, которые занимает церковь, мы не будем подрывать...»⁷³. Говоря «мы», Карташёв показывал членам Собора, что он действует прежде всего не как государственный чиновник, а как член церкви.

Добиваясь выделения денег для Поместного собора, 17 сентября Карташёв писал во Временное правительство, что последний «несомненно, будет иметь... глубочайшее проникновение во все фибры государственного организма» и в этом вопросе необходимо руководствоваться «не соображениями экономической политики», а «требованиями государственного разума». По мнению министра исповеданий, оставлять церковь «вне черты правительственного благожелательства было бы бесполезно», и «необходимо приложить героические усилия для выдачи ссуды на продление деятельности Поместного Собора»⁷⁴.

11 октября к Карташёву обратился министр финансов М.М. Бернацкий с просьбой о содействии в размещении в Московской духовной семинарии эвакуируемой Экспедиции заготовления государственных бумаг. Бернацкий отметил, что Временное правительство уже одобрило эту инициативу, а с духовенством все легко будет согласовать «в виду обширности зданий семинарии». В ответном письме от 13 октября 1917 г. Карташёв объяснил, что в упомянутом здании живут и работают члены Поместного Собора, съехавшиеся со всей России, причем «Святейший Синод не просил ни у правительства, ни у города помещений для Собора». «Православная Русская церковь в текущую войну оказала уже Родине большую помощь представлением принадлежащих духовно-учебным заведениям зданий для нужд войны», — добавлял Карташёв, — и даже если бы место и имелось, «едва ли представлялось удобным соединить проникновенную духовную работу членов Собора с громоздкой шумной работой экспедиционных машин и рабочих»⁷⁵. Таким образом, той поддержкой, которую получала православная церковь от Временного правительства в конце лета — осенью 1917 г., она во многом обязана личной позиции министра исповеданий и его заместителя⁷⁶. При этом, однако, нужно отметить, что требования Карташёва всегда со вниманием встречались Керенским, и их личные связи обеспечивали прочное положение Министерства исповеданий в системе других правительственных органов тех месяцев.

Но продолжалось это недолго. В ночь на 26 октября Карташёв был арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами и заключен в Петропавловскую крепость⁷⁷. Совет Народных Комиссаров не стал направлять в Министерство исповеданий своих представителей, и оно, возглавляемое Котляревским, продолжало до января 1918 года автономное существование. Только после разгона Учредительного собрания и издания декрета об отделении церкви от государства комиссар НКВД А.М. Дижбит явочным порядком реквизирует помещения Департамента по делам православной церкви на Литейном проспекте в Петрограде. Так и не дождавшись постановления о ликвидации министерства или, по крайней мере, о своем увольнении, Котляревский устранился от занимаемой должности, а ликвидационными вопросами занялся директор департамента Яцкевич. В феврале 1918 г. он общался с Дижбитом об обеспечении сохранности архива Министерства исповеданий, а также вел переговоры с Государственным казначейством о выплате задолженности по зарплатам и ликвидационных пособий чиновникам. Последний обнаруженный документ Министерства исповеданий — подписанное Яцкевичем 25 апреля 1918 г. удостоверение, выданное для выезда из Москвы курьеру «бывшего Департамента по делам Православной церкви» Андрею Яковлеву о том, что он возвращается в Петроград к месту своего постоянного жительства «за окончанием работ в Департаменте»⁷⁸.

Таким образом, Министерство исповеданий являлось детищем той политической ситуации, которая сложилась в России после июльских событий 1917 г., когда настроения ненадолго качнулись вправо. Отвергая лозунги социалистических партий об отделении церкви от государства и признании религии частным делом граждан, министерство, по сути, реализовывало программное положение партии народной свободы об освобождении церкви от государственной опеки, дополняя и развивая его. В стратегическом плане создание Министерства исповеданий означало констру-

ирование новой системы взаимоотношения государства и религиозных организаций, основывающейся на разделении сфер их деятельности при взаимном сотрудничестве. Тактической задачей министерства было скорейшее прекращение практики вмешательства светских органов в вопросы церковного управления (прежде всего — в управление Православной Российской церковью), а также выработка и утверждение законов о правовом положении отдельных конфессий в стране. Однако особенности конкретного исторического момента заметно исказили предлагающуюся «все-конфессиональную» модель в сторону признания исключительной роли православия, как исторической веры большинства населения. Министерство исповеданий вместо контролирующего органа превратилось в учреждение, защищающее интересы православной церкви, видя в ней альтернативу революционному хаосу и «разрушительной» социалистической пропаганде. При этом данная черта имела истоки не столько в позиции партии народной свободы или взглядах либеральной интеллигенции вообще, сколько в личной точке зрения руководителей ведомства — Карташёва и Котляревского.

Примечания

1. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 гг. СПб. 1998—2002.
2. ТИТЛИНОВ Б.В. Церковь во время революции. Пг. 1924, с. 80—81; БОГОЛЕПОВ А.А. От Святейшего Синода к Священному Собору Православной Российской церкви. На темы русские и общие. Нью-Йорк. 1965, с.133—134; ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М. 1995, с. 37; Власть и реформы. СПб. 1996, с. 669; ЦЫПИН В., протоиерей. История Русской церкви. 1917—1997. М. 1997, с. 16.
3. КАРТАШЁВ А.В. Временное правительство и Русская Церковь. Из истории христианской церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М. 1995, с. 9—21; ЕГО ЖЕ. Революция и собор 1917—18 гг. Богословская мысль. Париж. 1942, с. 75—92.
4. КАРТАШЁВ А.В. Временное правительство и Русская Церковь, с. 20.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1779, оп. 1, д. 1434, л. 2—3; ф. Р3431, оп. 1, д. 201, л. 29об.
6. ДОРСКАЯ А.А. Законодательство Временного правительства о свободе совести в России. Революция 1917 года в России. Сб. научных статей. СПб. 1995, с. 146—151; КОВАЛЕНКО Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования. М. 2000, с. 267; ОДИНЦОВ М.И. Всероссийский Поместный собор 1917—1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью. — Церковно-исторический вестник. М. 2001, № 8, с. 121—138; ОДИНЦОВ М.И. Государство и церковь в России: XX век. М. 1994; РЕДЬКИНА О.Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль-октябрь 1917 года). Автореф. канд. дисс. М. 1996; КУНИЦЫН И.А.. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М. 2000.
7. РЕДЬКИНА О.Ю. Ук. соч., с. 14.
8. ВЕРХОВСКОЙ П.В. Правовое положение христианских церквей на Западе и в России. Варшава. 1911; ЕГО ЖЕ. Учреждение духовной коллегии и духовный регламент. Ростовна-Дону. 1916.
9. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917, 14 апреля.
10. Вестник Временного правительства. 1917, 28 марта.
11. КАРТАШЁВ А.В. Временное правительство и Русская церковь, с. 16—18.
12. Журналы заседаний Временного правительства: Март — октябрь 1917 года. Т. 1. М. 2001, с. 239.
13. ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 1410, л. 10.
14. Журналы заседаний Временного правительства, т. 3, с. 94—95.
15. КАРТАШЁВ А.В. Временное правительство и Русская церковь, с. 23.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 797, оп. 86. I отд. I стол, д. 85, л. 54, 56об.
17. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. М. 1918, с. 22.
18. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917, 2 июля, 14 июля.
19. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Документальное наследие. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. М. 2000, кн. 1, с. 704—705, 724—725.

20. Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 г., т. 3, с. 367.
21. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 2176, оп. 1, д. 22, л. 24.
22. Русское политическое масонство. 1906—1918 гг. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира). — История СССР. № 1, 1990, с. 142—144, 147, 149.
23. НИКОЛАЕВСКИЙ Б.И. Русские масоны и революция. М. 1990, с. 71.
24. МЕЙНДОРФ И. А.В.Карташёв — общественный деятель и церковный историк. — Вопросы истории. 1994, №1, с. 169—172; САХАРОВ А.Н. Апостол истории «Святой Руси» (Антон Владимирович Карташёв) — Отечественная история. 1998, № 5, с. 89—107.
25. ЛЮБИМОВ Н.А. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля — 12 июня 1917). Российская Церковь в годы революции. М. 1995, с. 24.
26. Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. Париж. 1947, с. 292.
27. КЕРЕНСКИЙ А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М. 1993, с. 238.
28. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 322, оп. 1, д. 47, л. 24—25.
29. РГИА, ф. 797, оп. 86. I отд. I стол, д. 79, л. 243об—244.
30. КАРТАШЁВ А.В. Ук. соч., с. 23.
31. Журналы заседаний Временного правительства, т. 3, с. 256—258.
32. КАРТАШЁВ А.В. Ук. соч., с. 21.
33. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. М. 1918, с. 3, 36.
34. Вестник Временного правительства. 1917, 10 августа; Известия центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 6 августа.
35. КАРТАШЁВ А.В. Революция и Собор 1917—1918 г., с. 86.
36. ВЕРХОВСКОЙ П.В. Преимущества Министерства исповеданий перед властью обер-прокурора. — Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917, 17 августа.
37. Журналы заседаний Временного правительства, т. 3, с. 283; Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния, кн. I, с. 53.
38. ГАРФ, ф. Р3431, оп. 1, д. 277, л. 14.
39. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений, с. 6—8.
40. ОР РНБ, ф. 322, д. 48, л. 329; л. 229—230.
41. РГИА, ф. 1276, оп. 14, д. 640; ф. 797, оп. 86. I отд. I стол, д. 79, л. 265, 271—273.
42. БЕЛОШАПКА Н.В. Временное правительство в 1917 году: механизм формирования и функционирования. М. 1998, с. 143.
43. РГИА, ф. 797, оп. 86. I отд. I стол, д. 79, л. 247.
44. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917, 25 октября.
45. РГИА, ф. 797, оп. 86. I отд. I стол, д. 79, л. 344; л. 299, 358.
46. КАРТАШЁВ А.В. Временное правительство и Русская церковь. с. 14—15.
47. ЛЮБИМОВ Н.А. Ук. соч., с. 73—74.
48. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 19, оп. 120, д. 14, л. 44—44об.
49. РГИА, ф. 797, оп. 86. III отд. 5 стол., д. 12, л. 90—91об.
50. Журналы заседаний Временного правительства, с. 256—258, 288.
51. Церковные ведомости. 1917, № 48—49, с. 432.
52. ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 1434, л. 2—3; оп. 2, д. 151, л. 29.
53. Журналы заседаний Временного правительства, т. 3, с. 307.
54. РГИА, ф. 1579, оп. 1, д. 173, л. 22.
55. Журналы заседаний Временного правительства, с. 63—64
56. ФИЛОСОФОВ Д.В. Собор и министр исповеданий. — Речь. 1917, 29 сентября.
57. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния, с. 298—300.
58. Там же, с. 6.
59. РГИА, ф. 797, оп. 86. I отд. 2 стол, д. 99, л. 37, 69—69об; л. 39—39об., 75, 76.
60. Там же, ф. 797, оп. 86. I отд. I стол, д. 48, л. 256—258.
61. ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 1434, л. 2—3.
62. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917, 25 октября. Примечательно, что 12 апреля 1918 г. Департамент государственного казначейства проинформировал Хозяйственное управление Синода о том, что советское государство признает необходимость выплаты церкви указанных денег за вычетом суммы, предназначавшейся Киевской духовной академии как находящейся в отделившейся Украине (См.: РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 288, л. 8).
63. РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 288, л. 23—24.
64. Там же, ф. 797, оп. 86. II отд. 3 стол, д. 36, л. 7—7об.; оп. 86. III отдел. 5 стол, д. 14, л. 88; оп. 86. I отд. I стол, д. 48, л. 7об.

65. Журналы заседаний Временного правительства, с. 231—232.
66. ЛЕВЧЕНКО И.В. Русская православная церковь и государство. Иркутск. 1997, с. 75.
67. Журналы заседаний Временного правительства, с. 154.
68. ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 1427, л. 5—5об.
69. Журналы заседаний Временного правительства, с. 220.
70. Речь. 1917, 12 сентября; Известия центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 13 сентября.
71. ОР РНБ, ф. 322, оп. 1, д. 47, л. 330.
72. РГИА, ф. 796, оп. 204. I отд. 5 стол, д. 380, л. 1—1об.
73. ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, д. 277, л. 27.
74. РГИА, ф. 797, оп. 86. I отд. 1 стол, д. 86, л. 33—33об.
75. Там же, ф. 797, оп. 86. II отд. 3 стол, д. 37, л. 81—82; оп. 86. I отд. 2 стол, д. 99, л. 73—74об.
76. Член Синода протоиерей Ф.Д. Филоненко даже заметил в одной частной беседе в декабре 1917 г., что «церковный консерватизм» С.А. Котляревского противоречит его «кадетству» (ОР РНБ, ф. 322, д. 49, л. 31).
77. Только 24 января 1918 г. по предложению А.В. Луначарского СНК постановил освободить бывших министров А.В. Карташёва и С.А. Смирнова, поручив выполнение заместителю наркома юстиции левому эсеру А.Л. Шрейдеру (см.: Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М. 2006, с. 290).
78. РГИА, ф. 797, оп. 86. I отд. 1 стол, д. 79, л. 372.

Труды зарубежных ученых по истории Урала

И.В. Кучумов, Л.Ф. Сахибгареева

Учреждая в России новую форму организации научной деятельности, Петр Великий предписал: «Учинить академию, в которой учились бы языкам, также прочим наукам и знатным искусствам и переводили бы книги»¹. В первое время переводами зарубежных научных трудов занимались практически все русские академики и адъюнкты. Члены существовавшего в 1768—1783 гг. при Академии наук «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на российский язык» перевели 112 сочинений, составивших 173 тома². Тем самым образованная общественность России смогла приобщиться к ранее недоступным для нее достижениям мировой человеческой мысли. В последующем эта традиция была продолжена, причем свой немалый вклад в нее внесли представители отечественной академической науки.

Вместе с тем, на пути к читателю у некоторых зарубежных работ (в первую очередь это касалось сочинений по истории России) уже в XVIII в. возникли препятствия, вызванные тем, что власть предрешающим не нравились те или иные оценки, даваемые иностранными исследователями прошлому и настоящему нашей страны. В XX в. в силу известных причин диалог российских гуманитариев с зарубежными коллегами резко сократился или вообще стал невозможен. В последние десятилетия он возобновился и продолжает расширяться, демонстрируя свои потенциальные возможности для обогащения отечественных исследователей передовыми концепциями и методиками, используемыми в зарубежной науке³. Примером творческого применения теоретических и прикладных достижений иностранных партнеров является выдержавшая несколько переизданий фундаментальная монография петербургского историка Миронова по социальной истории России⁴.

В последние годы лакуны, образовавшиеся в нашей историографии по причине ее вынужденной изоляции в предыдущий период, несколько сократились. В частности, читателям стали доступны в переводах классические произведения, определившие современный облик исторической науки. Достаточно назвать издание в нашей стране основных произведений так называемой «Школы «Анналов»». Намного хуже (и это наглядно продемонстрировал привлеченный Мироновым значительный массив иностранной литературы) обстоит дело с исследованиями зарубежных русистов. И если о западных работах в этой области мы имеем определенное представление (хотя хорошим знанием тенденций и направлений в европейской и американской историографии России могут похвастаться лишь некоторые наши исследователи), то япон-

---

Кучумов Игорь Васильевич — кандидат исторических наук, докторант Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН; *Сахибгареева Лилия Фониловна* — кандидат филологических наук, доцент Башкирского института физической культуры.

ская, корейская, китайская историографии российской истории до сих пор практически не известны.

Еще хуже обстоит дело с нашим знанием о зарубежной историографии регионов России. Провинциальные российские исследователи, как правило, в большинстве случаев вообще не имеют представления о том, что история их регионов вызывала или вызывает интерес за рубежом. К тому же такие работы обычно выпадают из поля зрения ученых, работающих в столичных научных учреждениях. Большая часть выходящих в центральных издательствах переводных зарубежных исследований по истории России зачастую посвящена ее описанию как гомогенной общности, в чем проявляется изживаемая только в последнее время и имеющая глубокие корни точка зрения Запада на Россию как на единое монокультурное пространство. За рубежом исследователей, специализирующихся не на истории России в целом, а на ее отдельных регионах, раньше было мало и их усилий явно не хватало, чтобы западное общество стало представлять нашу страну как сложный синтез множества различных культур.

Тем не менее, оказалось, что интерес зарубежных исследователей может быть направлен на регионы, которые вряд ли могли на это рассчитывать. Одним из них является Южный Урал и, в частности, Башкирия, где состояние исторической науки характеризуется провинциальностью и изоляционизмом⁵. О том, что за рубежом уже давно ведутся исследования по истории Башкирии, местные историки до недавнего времени даже не подозревали.

Ситуация стала меняться только в последние годы. Видный башкирский историк и этнолог, член-корреспондент РАН Р.Г. Кузеев способствовал переводу книги А. Доннелли⁶. Затем в Институте этнологических исследований Уфимского научного центра РАН был инициирован уникальный научный проект по переводу и изданию целой серии работ зарубежных авторов по истории Урала от средневековья до наших дней.

Среди изданных в рамках этой инициативы (осуществляемой без грантового финансирования, практически на одном энтузиазме) — двухтомник известного французского слависта середины прошлого века Р. Порталля, в который вошли ставшая классикой на Западе монография «Урал в XVIII веке» и серия работ по истории Урала и Сибири эпохи феодализма. Среди них — не публиковавшееся ранее исследование «Россия и башкиры: проблемы взаимоотношений (1662—1798 гг.)», извлеченное из архива парижского Института славянских исследований⁷, и книга американского историка Х. Хадсона⁸.

Одной из важных тем уральской историографии является изучение событий 1773—1775 годов. Данное проблематика, к сожалению, была почти полностью забыта столичными историками в постсоветское время. Возрождению интереса к ней могут послужить переводы работ крупного французского слависта П. Паскаля⁹ и американского историка Дж. Александера¹⁰, русские издания которых получили положительную оценку рецензентов в научной периодике.

Значительный интерес для исследователей представляет работа современного американского историка Ч. Стейнведела, ценность которой не только в значительной источниковой базе, но и применении методов «ментальной географии» и конструктивизма к истории Урала¹¹.

В рамках проекта публикуются исследования не только современных авторов, но и историков прошлых эпох, что позволяет увидеть динамику процесса формирования образа Урала в европейской историографии¹². Настоящим открытием для отечественной науки стал перевод монографии русского эмигранта Б.Э. Нольде «История формирования Российской империи», осуществленный под общим руководством В.А.Тишкова, где также большое внимание уделено Уралу¹³.

Были переведены и изданы отдельным сборником как ставшие на Западе классическими работы американца Р. Пайпса, русского эмигранта С.А. Зеньковского и английского историка Э. Карра¹⁴, так и позднейшие исследования¹⁵, а также самые новейшие, основанные на большом архивном материале¹⁶.

Публикации западных политологов о межнациональных отношениях в постсоветском Башкортостане¹⁷ готовились в условиях, вызывавших определенные трудности субъективного характера при издании¹⁸.

Все переводы делаются с соблюдением авторских прав. Публикации сопровождаются аналитическими предисловиями и краткими комментариями, встречающиеся в текстах неточности

и фактические ошибки оговариваются в издательских примечаниях, при этом активно используются ресурсы Всемирной Сети, по возможности восстанавливается оригинальная (русская) источниковая база работ, что позволяет адекватно передать терминологию и фактографию. Большую помощь в этой работе оказывают зарубежные коллеги. В частности, плодотворное сотрудничество установилось у участников проекта с парижским Институтом славянских исследований (Institut d'études slaves).

По словам доктора исторических наук Н.Н. Алеврас (г. Челябинск), «определенным прорывом историографического молчания можно считать, например, создание усилиями уфимских ученых... серии переводов исследований зарубежных авторов... Пожалуй, аналогичных по замыслу и масштабу начинаний в других научно-исследовательских центрах Урала мы не припомним»¹⁹.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. СПб. 1830, № 4443, с. 220.
2. Подробнее см.: СЕМЕННИКОВ В.П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783. СПб. 1913.
3. ХАПАЕВА Д. Герцоги республики в эпоху переводов: гуманитарные науки и революция понятий. М. 2005.
4. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1—2. СПб. 2003.
5. ГАБДРАФИКОВ И.М., КУЧУМОВ И.В., САФИН Ф.Г. Республика Башкортостан. Состояние научной экспертизы межэтнических и конфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад. М.-Ижевск-Оренбург. 2013, с. 13—24.
6. ДОННЕЛЛИ А. Завоевание Башкирии Россией, 1552—1740: страницы истории империализма. Уфа. 1995.
7. ПОРТАЛЬ Р. Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории. Уфа. 2004: ЕГО ЖЕ. Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. Уфа. 2005.
8. ХАДСОН Х. Первые Демидовы и развитие черной металлургии России в XVIII веке. Уфа. 2011.
9. ПАСКАЛЬ П. Пугачевский бунт. Уфа. 2010.
10. АЛЕКСАНДЕР ДЖ. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773—1775 гг. Уфа. 2011; ЕГО ЖЕ. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева. 2012.
11. СТЕЙНВЕДЕЛ Ч. Как Башкирия стала частью Европейской России. Башкирия в XVI—XIX вв. (зарубежные исследования). СПб. 2014, с. 79—106.
12. КАМЕНА Д'АЛЬМЕЙДА П. Русская колонизация Уфимской и Оренбургской губерний. Башкирия в XVI—XIX вв. (зарубежные исследования). СПб. 2014, с. 28—41; УЙФАЛЬВИ Ш. Страна башкир на Урале. Башкирия в XVI—XIX вв. (зарубежные исследования). СПб. 2014, с. 16—27.
13. НОЛЬДЕ Б.Э. История формирования Российской империи. СПб. 2013.
14. Башкирское национальное движение 1917—1920 гг. и А. Валиди: зарубежные исследования. Уфа. 1997.
15. БЛЭНК С. Борьба за Советскую Башкирию в 1917—1923 годы — Ватандаш. 2000, № 4, с. 110—127; РИВКИН М. Автономия башкир. — Там же. 2002, № 10, с. 101—109.
16. ШЕФЕР Д. Реализация советской национальной политики на местах и образование автономной республики Башкортостан (1919—1920 гг.). — Ватандаш. 2003, № 2, с. 51—75; ЕГО ЖЕ. Возникновение границы между Татарстаном и Башкортостаном (1920—1922 гг.). Башкирия/Башкортостан: пространство, политика, механизмы выживания: по страницам зарубежной историографии. Уфа. 2010, с. 109—128.
17. Башкортостан в политическом пространстве России: зарубежная политология о тенденциях современного развития республики: сб. статей. Уфа. 2004; ГРЕВИНГХОЛЬТ Й. Республика Башкортостан: становление авторитарного режима. Казань. 2006; ЛАНКИНА Т.В. Региональная власть и местное самоуправление в Республике Башкортостан. Казань. 2006.
19. АЛЕВРАС Н.Н. «Что имеем, не храним...»: к вопросу о культуре обращения с историко-научным наследием «старых» историков. Культура Урала в XVI—XXI вв.: исторический опыт и современность: материалы Всероссийской науч. конференции, посвященной 75-летию профессора В.Г. Чуфарова. Екатеринбург. 2008, кн. 1.

В одном из региональных издательств вышла книга декана исторического факультета Тверского государственного университета, доктора исторических наук, профессора Татьяны Геннадьевны Леонтьевой, посвященная одному из самых необычных священников не только Тверской епархии, но отчасти и всей Русской Церкви XIX в., — Иоанну Степановичу Белюстину (1819—1890).

Сын священника, представитель старинной фамилии (его предки были клириками, по меньшей мере, еще в начале XVIII в.), он окончил духовную семинарию, женился на дочери своего предшественника, был рукоположен в сан священника в сельский приход, спустя некоторое время оказался переведен в уездный город, где служил несколько десятилетий, незадолго до смерти вышел за штат (в 1839—1843 гг. — в селе Васисино Калязинского уезда, в 1843—1887 гг. — при Николаевском соборе Калязина).

Между тем, за внешне непримечательными данными послужного списка стоит не просто один из многочисленных провинциальных клириков, чьи интересы были ограничены преимущественно заботами о семье, хозяйстве и, в случае добросовестности, — также о нуждах прихода, а своего рода философ, исследователь, критик, чьи сочинения, издаваемые как в России, так и за границей, доставили много беспокойства представителям церковных и светских властей.

Разумеется, подобная яркая личность и ранее привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей, однако впервые ему посвящено столь обстоятельное исследование. При этом большую часть книги, подготовленной Т.Г. Леонтьевой, составляет публикация материалов самого Белюстина, которые сосредоточены преимущественно в его личном фонде, являющемся частью более обширного фонда Тверской ученой архивной комиссии, находящегося на хранении в Государственном архиве Тверской области (ГАТО, ф. 103. Часть этих документов публиковалась ранее).

В своем предисловии к книге академик РАН Г.Н. Севостьянов пишет, что «многие годы работы в архивах позволили Т.Г. Леонтьевой максимально восполнить неизвестные ранее

черты жизни и деятельности И.С. Белюстина» (с. 3). Книга открывается подробнейшим биографическим очерком, а завершается списком основных публикаций Белюстина, систематизированных в хронологическом порядке.

В биографическом очерке рассматриваются все перипетии, связанные с жизнью священника: особенности учебы в семинарии, отказ от продолжения образования в духовной академии, выбор места сельского (позднее — городского) священника, женитьба, служба в приходах, запрещение в служении на несколько лет и т.д. При этом, разумеется, основное внимание уделено творчеству Иоанна Степановича, очерчен круг его корреспондентов и знакомых, представлявших определенный слой русской интеллигенции второй половины XIX в.: В.Ф. Корш, Н.В. Калачов, М.П. Погодин, М.И. Семевский, К.Д. Ушинский и др. Автор подробно разбирает обстоятельства создания самых разных сочинений Белюстина, в том числе, нашумевшего «Описания сельского духовенства в России», изданного Погодиным за границей в 1858 г. без ведома автора (с. 76—83), первоначально вовсе запрещенной к печати записки «Страстная неделя по своду сказаний евангельских, с примечаниями и очерком предшествующих событий» (с. 99—103), опубликованных в «Церковно-общественном Вестнике» работ «К вопросу о раскольниках» и «О научном противодействии расколу», за которые Белюстину на несколько лет было запрещено служение (с. 103—114), и т.д.

Леонтьева вовсе не ограничивается перечислением фактов, связанных с жизнью и деятельностью Белюстина, а составляет своего рода «психологический портрет», определяя, что «он был идеалистом, каких оставалось немного даже в среде духовенства» (с. 117). Более того, с точки зрения автора, «в стремлении противостоять маловерию и лживой набожности он «идейно» схож с Л.Н. Толстым» (с. 118).

В биографический очерк вошло также много сведений, выходящих за рамки истории жизни и творчества самого Белюстина: о духовных семинариях в России, о наследовании приходских мест, о благочинных, о «проповедническо-миссионерской» деятельности духовенства.

Среди материалов самого Белюстина, опубликованных в книге: дневниковые записи, а также разного рода заметки и записки, включающие данные о жизни и службе автора, его семье и родных. В числе публикуемых материалов, кроме того, — его небольшие сочинения о первых тверских епископах, русских летописях, некоторых монастырях и т.д. Необходимо отметить, что дневниковые записи Белюстина несут достаточно разрозненный характер — сведения о рождении детей или служебные подробности перемежаются рассуждениями о Наполеоне, Талейране, Игнатии Лойоле и других известных исторических деятелях, которые привлекли внимание автора.

В своих записях Белюстин более или менее подробно касается различных обстоятельств своей жизни со времен учебы и вплоть до службы при калязинском соборе, хлопот о неудавшемся переводе на службу в Москву, взаимоотношений с разными лицами, поездок в Санкт-Петербург, Москву, Курск, Тулу, встреч с митрополитом Московским Филаретом и т.д.

Он с большой горестью пишет о сельском населении («Какой непроглядной тьмой самых диких языческих суеверий были пропитаны насквозь мои прихожане!») и гораздо лучше о горожанах («Между нами установились такие отношения, что известное прибавление к имени священника — «отец» было самым точным выражением этих отношений»).

Как и в своих книгах, в записках Белюстин весьма резко отзывается о других церковнослужителях, в первую очередь, в сельской местности и несколько благоприятнее — о городских клириках, хотя и здесь отмечает: «С сослуживцами у меня не было особенной дружбы и не единой ссоры» (с. 381).

Весьма трогателен искренний взгляд священника на главного представителя верхов-

ной власти в России: «Как было молчать, когда осмелились кидать грязью в моего единственного любимца, глубоко чтимаго мудреца, перед одним именем которого я благоговею, словом в великого — из великих Императора] Николая Павловича? Из-за него я готов рассориться с целым миром» (с. 242).

Немало внимания Белюстин уделяет описанию своих «кабинетных занятий» и круга чтения: «Читал жене эту практическую философию — знаменитого Сильвестра духовника Иоанна Грозного. — Ей не совсем нравится. — А как бы кажется не понравится» (с. 211). Весьма интересны его рассуждения о душевных переживаниях и объяснения побудительных мотивов собственных поступков. При этом, в некоторых случаях, из-за фигуры бескорыстного идеалиста, сознательно избравшего вместо академии скромную карьеру приходского священника, встает фигура гордеца, ожидающего значительного воздаяния за свою работу («Но что ж я получил в награду за свои постоянные усилия, за труд непрерывный и тяжкий. Как мало, как ничтожно полученное мною против того, чего я ожидал?»).

Необходимо отметить, что публикация материалов самого Белюстина и его подробнейшей биографии поможет понять не только эту незаурядную личность, но и в целом определенный слой в среде русского духовенства, представителей которого весьма условно можно отнести к «русской церковной интеллигенции». Вместе с тем, многое остается еще неисследованным, недаром Леонтьева, завершая биографический очерк, пишет, что «притягательность личности Белюстина велика, миф о попе-бунтаре востребован, тайны его не раскрыты, творческое наследие не исчерпано данной публикацией, значит продолжение следует...» (с. 119).

А.В. МАТИСОН

Дж. ПАРКЕР. *Глобальный кризис: война, климатические изменения и катастрофы семнадцатого столетия*. Нью Хэйвен. 2013. 871 с.

Не будет большим преувеличением сказать, что рецензируемая книга известного американского историка Д. Паркера по охвату материала и теоретическому обоснованию вполне может сравниться с трудами Фернана Броделя и Иммануила Валлерстайна. В ней на фоне климатических изменений XVII в. предстает широкая панорама событий и комплексных трансформаций почти во всех государствах и регионах мира. Паркер рассматривает глобальное похолодание в XVII в., перемежавшееся с засухами и циклонами, в тесной связи с войнами и волной мятежей, восстаний и революций.

Обосновывая тему своего фундаментального исследования, он замечает, что хотя климатические изменения всегда имели следствием человеческие катастрофы, только некоторые историки включали «погоду» в свой анализ, а человечество и по сей день не готово к природным катаклизмам. Американский ученый ставит своей целью изучение генезиса, развития и последствий катастроф XVII в., используя две разные категории источников — «природный архив» и «человеческий архив», но центральным элементом его научных построений являются нарративные источники, то есть свидетельства современников о воздействии изменения климата на кризисные явления в обществе. Важно, что на протяжении всей книги Паркер обращается к исторической памяти, которой в последних исследованиях отводится пристальное внимание.

Совокупность процессов и событий XVII в. историк определяет как глобальный кризис, особенно сильно проявившийся с 1618 по 1680-е годы. Паркер оговаривается, что взял термин, уже использовавшийся Х. Тревор-Ропер, но о влиянии климата английский историк не сказал ни слова. Отсюда и потребность связать климатическое «малое ледниковое столетие» (то есть XVII в.) с историческим «глобальным кризисом».

Книга состоит из обширного введения и пяти частей, каждая из которых поделена на многочисленные разделы. Во введении Паркер разъясняет, что именно будет находиться

в фокусе его внимания. Автор склонен считать, что, хотя в XIV и XVI вв. имели место явления, которые можно оценивать как кризисные, они не носили глобального характера от Британии до Японии. Здесь же он акцентирует внимание на синхронности природных катаклизмов «малого ледникового столетия» с событиями политической и военной истории и роли ухудшения климата как катализатора социальных и политических процессов. В центре его анализа обоснованно находятся Англия, Германия, Франция, Испания, Италия, Польшо-Литовская республика, Московское царство (Россия), Османская империя, Индия, Китай, Япония, то есть основные государства мира того времени. Кроме них на основе исследовательской литературы и ряда источников рассматриваются испанские и португальские колонии, а также Африка, Австралия и Северная Америка.

В первой части Паркер обстоятельно характеризует различные природные и человеческие факторы, составляющие «плаценту», способную питать глобальную катастрофу (с. 2), и, прежде всего, «малое ледниковое столетие», вызвавшее в одних частях света и странах продолжительную засуху, в других — длительные дожди и наводнения, а в третьих — пик сейсмической активности и землетрясения. Необычная концентрация экстремальных климатических явлений в XVII в. сопровождалась «неверными политическими шагами религиозных и политических лидеров», вызвавшими демографический упадок, эпидемии, войны и приведшими к кризису в глобальном масштабе (с. 7). Историк подчеркивает, что это столетие — «столетие солдат» — знало больше войн и потерь, чем последующие времена перед второй мировой войной (с. 26), и обоснованно полагает, что от кризиса больше страдали композитарные государства, в которых и так имела место политическая нестабильность.

Главным следствием глобального похолодания, «сердцем кризиса» Паркер справедливо считает голод, вызвавший эффект урбанизации и способствовавший обострению ре-

лигиозных и социально-политических конфликтов (с. 55—58). При этом увеличение смертности и уменьшение рождаемости было следствием не только морозов и засух, но и масштабных эпидемий чумы и оспы, периодически происходивших то в Османской империи, то в России, то в Западной Европе. Анализируя многочисленные свидетельства современников и исследования географов, историк определяет, что в результате глобального кризиса XVII в. численность населения земного шара уменьшилась на одну треть (с. 76).

Вторая часть исследования демонстрирует панораму мировых бедствий исследуемого столетия. Указывая на массовые миграции населения, Паркер выделяет среди них добровольную — с надеждой на улучшение положения, и вынужденную — для тех, кому грозила смерть или позор, если они не сменят свое местопребывание. Скрытой ценой миграции было сокращение производства продукции.

Интересно наблюдение автора на примере Англии о том, что в результате голода, болезней и войн XVII в. стал «миром молодых людей», нередко не состоявших в браке, средний возраст которых достигая 26—35 лет (с. 102—107). Отсюда вполне естественно истекает политическая нестабильность того времени — люди такого возраста и положения особенно активны! Ведь величайшие потери народонаселения произошли в тех государствах раннего Нового времени, которые испытывали не только голод и вели войны, но и столкнулись с восстаниями и революциями. Паркер обстоятельно анализирует развитие кризиса в Китае, Московском государстве, Речи Посполитой, Османской империи, германских землях, Пиренейском полуострове, Франции и Британии. Большое место в книге автор отводит Тридцатилетней войне, превратившейся в «европейскую гражданскую войну» (с. 211), которая «...разрушила культуру Германии, ибо много интеллектуалов бежало в другие земли» (с. 251). Впрочем, здесь хочется заметить, что эта же война породила иную культуру — именно в ее горниле зарождался рационализм Классической Европы.

Дискуссионным представляется раздел книги «Франция в кризисе, 1618—1688». Само название говорит о кризисе длительной протяженности в этом государстве, хотя общепринятой является точка зрения, что Франция при Людовике XIV переживала расцвет абсо-

лютизма. А современный немецкий историк Х.Д. Киттштайнер и вовсе полагает, что из «хаотического» времени в Европе генерировался «стабилизационный период», охватывавший 1618—1715 гг., когда место конфессиональной борьбы за господство универсальной силы заняла борьба стремящихся к полному суверенитету государств в рамках европейского равновесия, а философия стала вытеснять теологию в мышлении интеллектуалов и государственников. Да и на представленной в книге диаграмме видна определенная стабильность во Франции второй половины столетия (с. 311). Паркер смотрит иначе. В условиях гражданской смуты — Фронды — и «ужасов похолодания» только корона смогла себя позиционировать как единственная альтернатива анархии, а Людовик XIV, подобно кардиналам Ришелье и Мазарини, не случайно вел войны как раз во время ухудшения климата и сокращения жизненных ресурсов (с. 322). Но именно такая политика уводила энергию недовольных за пределы государства.

На фоне общей характеристики различных регионов мира Паркером сделаны и другие ценные, хотя нередко и спорные, замечания. В частности, он считает, что подъем фаворитов отражал административное бремя, павшее на монархов. Не менее значимо суждение о сопротивлении русского правительства ограничению крестьянской миграции из-за необходимости освоения Сибири и южных границ. Однако зависимость царя Алексея от своих бояр, необходимость сохранения закона и порядка, внешние войны привели к иному решению. В любом случае, историк приходит к выводу, что в итоге «малое ледниковое столетие» вместе с кризисом усилило режим Романовых и привело к появлению России как Великой державы, позиции которой уже никогда не будут поколеблены. Турция европейские войны, с одной стороны, принесли стабилизацию, с другой же, — способствовали развитию европейских технологий, оставив ее позади. Гражданские войны в Англии 1640-х гг. были бы невозможны без создания в 1603 г. Стюартами композитарного государства, а стабильность в Английской республике зависела от практики Кромвеля подбирать людей с широким спектром политических мнений — от бывших роялистов до крайних пуритан — для создания широкой базы режима, цементировала который только лояльность Кромвелю.

Паркер создает логическую цепочку: «климатические катастрофы — ухудшение экономической ситуации — голод и болезни — «эрозия» власти — войны, восстания и революции», нередко, впрочем, отходя от нее и ставя на первое место «эрозию» власти, как, например, в Миньском Китае. Любопытно, что в эту цепь он не включает генезис буржуазной цивилизации в Европе, сложности которого как раз и усугублялись климатическими катастрофами.

Часть третья показывает практику регионов, избежавших разрушительного воздействия кризиса (Индия Моголов, Сефевидский Иран и Япония Токугава), либо вовсе его не переживавших (Северная Африка, Австралия и Америка). Для борьбы с голодом в Индии в условиях отсутствия социально-экономических трансформаций было легче проводить экономические инициативы и политику благотворительности, нежели в Европе, где новые социальные силы могли использовать кризис в своих интересах. Паркер справедливо замечает, что четыре региона, которые тоже подверглись воздействию суровых зим и засухи, — Япония, Австралия, Африка и Америка — вступили в XVII в. с относительно низким уровнем населения. Причины этого, помогавшего снизить накал недовольства, обстоятельства варьировались от предшествовавшего столетия гражданских войн в Японии, вечно сурового климата Австралии до уничтожения европейцами местного населения в Африке и Америке (с. 398). Но, конечно, были и иные факторы, способствовавшие стабильности этих регионов. Например, революция середины XVII в. в Англии усилила «английскую Америку»: коллапс местных цен и разрыв трансатлантической торговли после 1640 г. вынудили колонистов опираться на собственные ресурсы и заложить основы будущего процветания (с. 452).

Одним из самых удачных мест книги является раздел о Японии, для которой в условиях глобального кризиса был характерен экономический и демографический рост и отсутствие войн. Рационализация аграрного производства в виде «самоэксплуатации», непрямые налоги, строительство коммуникаций, перевод элиты на пособие и поощрение ее коммерческой деятельности — таков лишь неполный перечень мер, которые предпринимали сёгуны Токугава для того, чтобы стабилизировать обстановку (с. 484—500).

Конечно, замечает автор, «мир Токугава» имел свою цену, но этот мир на 200 лет защитил архипелаг от голода и выработал особый менталитет японцев.

Параллельно автор уделяет обоснованное внимание опыту Неаполя и Сицилии, где имели место вызванные климатическими катастрофами и налоговым давлением правительств серьезные выступления (недаром раздел называется «Красный флаг над Италией»), оказавшиеся кратковременными и не принесшими больших потерь из-за своевременной реакции и установления «прогрессивной» фискальной системы испанским правительством (с. 420—425). Действительно, Испания была уже сыта восстаниями на Пиренеях. Любопытно замечание автора о том, что «катастрофа 1629—1631 гг. — чума, голод и война — сократили население и тем самым помогли Ломбардии выжить без политических потрясений» (с. 437). Впрочем, выживание, при котором уже некому бунтовать, представляется весьма относительным.

В четвертой части Паркер подробно характеризует ситуации, которые способствовали мятежам и революциям, а также различные группы населения, вовлеченные в политику. Он приводит таблицы частоты восстаний, дающие представление о масштабах кризиса, специфике жалоб и требований всех социальных слоев: аристократов, интеллектуалов, клириков и «грязных людей без имени». Историк выявляет вклад этих групп в кризис, выделяя роль академического пролетариата, отчаянного и нетерпимого к «плохим» правительствам, прекрасно разбиравшегося в праве и создававшего теорию сопротивления власти (с. 544). Огромное влияние на обострение ситуации оказывали и клирики разной степени радикализма. Паркер вполне обоснованно классифицирует теории сопротивления, называя их «оправданиями непокорности»: воображаемый «золотой век», эгалитарные идеи, позаимствованные из Библии, греческих и римских текстов, и, конечно, новые теории сопротивления — радикальные политические и социальные идеи (с. 555—567).

Наконец, в пятой части книги Паркер демонстрирует опыт, приобретаемый государствами в эпоху кризиса с целью преодоления его негативных последствий. Констатируя тот факт, что несмотря на климатические катастрофы, будоражившие Европу и в конце XVII в.,

политических потрясений в это время уже не наблюдалось, историк дискутирует с Тревор-Ропером в том, что сама по себе депопуляция не может объяснить отсутствие потрясений в конце «малого ледникового столетия». Он называет это «феноменом креативной деструкции», когда катастрофы стимулировали энергию выживших, способствуя развитию науки, технологий и строительству каменных городов (с. 590).

Но отнюдь не все мыслили креативно, замечает автор, анализируя такие явления, сопутствовавшие кризису, как самоубийства, меланхолию, увлечение астрологией, уход в религию и так называемую «психоактивизирующую революцию», выражавшуюся в виде массового распространения и потребления алкоголя, табака, опиума, кофе (с. 592—601). В целом же историк фиксирует посткризисный «эффект Феникса», наметивший путь от «военного государства» к «государству всеобщего благосостояния». Этот эффект выразился в антивоенной тематике в искусстве и литературе, быстрой репопуляции населения в отдельных регионах, «второй аграрной революции», потребительской революции, субсидировании коммуникационной инфраструктуры, развитии статистики, перехода с прямых на косвенные налоги, мерах правительств по сдерживанию болезней, строительству зернохранилищ и т. д. Единственными европейскими городами, избежавшими стагнации после Тридцатилетней войны, стали столицы, в которых наблюдался рост производства и развитие дворов, и североатлантические порты, предоставлявшие работу и другие возможности благодаря торговле с Америкой (с. 602—641). Параллельно Паркер отмечает, что «эффект Феникса» наблюдался не везде. Фиксируя схожие моменты в выходе из кризиса Китая и Европы, в том числе и «образовательную революцию», он видит причину «Великой дивергенции» между ними в отказе новых правителей из династии Цинь «разрешить их лидирующим мыслителям свободу выражения в деятельности», что мешало дальнейшему развитию государства (с. 667). В целом, по мнению автора, кризис заложил основы различий между Западом и Востоком.

В Заключении, «анатомируя» глобальный кризис, Паркер суммирует потери и достижения, деструкцию и созидание в природе и жизни людей целого столетия. По его мнению, XVII в. убедительно доказал, что большинство политических катастроф произошло во время климатического обострения, особенно в периоды холодов и засухи (с. 674—675). Многие правительства извлекли опыт из кризиса, и вместо «военного государства» стала развиваться идея «государства всеобщего благосостояния», сначала в Англии, а затем постепенно и в других странах.

По сути, Паркер, собрав и обобщив колоссальный фактический материал, создает стройную диалектическую концепцию глобального кризиса XVII в., без знания которой теперь становится невозможным понять и оценить политические и социальные изменения в истории не только Европы, но и других континентов. Рядом с глубокими теоретическими построениями в книге соседствуют многочисленные исторические факты, свидетельствующие о впечатляющей эрудиции автора. При этом книга написана образным литературным языком, она включает цитаты и крылатые фразы сочинений того времени и последующих столетий. Материалы книги, особенно в эпилоге «Это климат, глупый!», затрагивают и современные научные дебаты о «глобальном потеплении» или вообще о неожиданном изменении климата. Автор считает, что государства, обладая необходимой информацией, должны готовиться к природным катастрофам и инвестировать средства в эту подготовку (с. 686—698).

В целом, монументальный труд американского историка, несмотря на отдельные неточности, которые могут заметить узкие специалисты, достоин стать классическим междисциплинарным исследованием на стыке истории, географии, демографии и социологии. По сути, это своеобразная энциклопедия взаимодействия климата и политики на протяжении целого столетия, являвшегося одним из самых переломных в истории мировой цивилизации.

Л.И. ИВОНИНА

**Учредители: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская академия наук**

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, В.Л. Сорокин,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 2, 2014

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 24. 01. 2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 171. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Индекс 70145

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**